

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

2
2022

МАРТ •
АПРЕЛЬ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И.А. Сedaкова (главный редактор),
И.Е. Адельгейм, **М.М. Валенцова** (заместитель главного редактора), **М. Гардзанини** (Италия),
А.А. Гиппиус, **Н.С. Гусев**, **М. Зеленка** (Чехия), **В.И. Косик**, **М.В. Лескин**, **Л.В. Луговичский**,
Г.Ф. Матвеев, **Л. Матейко** (Словакия), **В.В. Мочалова**, **К.В. Никифоров**,
В. Павлович (Сербия), **В.Я. Петрухин**, **Р. Прешленова** (Болгария), **М.А. Робинсон**, **М.Н. Саенко**,
А.С. Стыкалин, **Б.Н. Флоря**, **О.В. Хаванова**.

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Отделы: *И.Е. Адельгейм* (зав. отделом литературоведения),
Е.В. Байдалова, *И.И. Барин*, *О.В. Белова* (зав. отделом культурологии),
М.М. Валенцова (зав. отделом лингвистики), *Е.Б. Лопатина*,
А.С. Стыкалин (зав. отделом истории).

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова*, *Е.В. Пономарева*, *И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения — до 30 тыс., рецензии — до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках. Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

Содержание

СТАТЬИ

Флоря Б. Н. (Москва). К характеристике отношений между Москвой и Левобережным гетманством в начале 70-х годов XVII века («остерегательства» гетмана Ивана Самойловича).....	5
Кочегаров К. А. (Москва). Русское правительство, смоленский митрополит Симеон и посвящение в духовный сан кандидатов из Великого княжества Литовского в Смоленске в 1687–1690 годах.....	14
Петрухин В. Я. (Москва). Классика филологии в свете историографии начальной Руси: В связи с выходом книги: А. Стендер-Петерсен «Варангика: историко-филологические изыскания».....	27
Калугин В. В. (Москва). Языковая редакция Толковых Пророчеств и «простота» книжного языка в русской литературе XVI века.....	39
Алексеевич А. В. (Минск). Богемизмы в старобелорусских переводах «Песни песней».....	54

СООБЩЕНИЯ

Боровков Д. А. (Москва). Завещание Ярослава I в трудах русских историков XVIII – I-й трети XIX века.....	67
Таранец С. В. (Киев). Украинская советская историография и источники по этнографии, фольклору и диалектологии старообрядчества.....	75
Пахомова Л. Ю. (Москва). Изучение истории Венгрии вне рамок хунгарологии: к итогам одной конференции.....	86

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Соколова Л. В. (Санкт-Петербург). К истории издания книги В. Н. Перетца «Слово о полку Игоревім – пам’ятка феодальної України-Руси XII віку».....	100
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Иеромонах Далмат (Юдин). (Сергиев Посад). Доклад академика М. Н. Сперанского «Ярославский сборник молитв XIII века».....	115
--	-----

IN MEMORIAM

Боровков Д. А. (Москва). К 100-летию Сигурда Отговича Шмидта.....	140
Тер-Аванесова А. В. (Москва). Творческий путь Людмилы Эдуардовны Калнынь.....	143

РЕЦЕНЗИИ

Белова О. В. Monika Łaskiewicz. Stereotypy etniczne w polskiej kulturze ludowej.....	151
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Копченкова И. В. Международная конференция «Маргиналы и профессионалы в славянской и еврейской культурной традиции».....	157
--	-----

ЮБИЛЕИ

К юбилею Игоря Ивановича Калиганова.....	161
К юбилею Георгия Павловича Мельникова.....	164

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies



FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

MARCH •

APRIL •

THE EDITORIAL BOARD:

I.A. Sedakova (editor-in-chief),
I.E. Adelgeim, M.M. Valentsova (assistant editor-in-chief), M. Gardzaniti (Italy),
A.A. Gippius, N.S. Gusev, M. Zelenka (Czech Republic), V.I. Kosik, M.V. Leskinen,
L.V. Lukhovitski, G.F. Matveev, L. Matejko (Slovakia), V.V. Mochalova, K.V. Nikiforov,
V. Pavlović (Serbia), V.J. Petrukhin, R. Preshlenova (Bulgaria), M.A. Robinson, M.N. Saenko,
A.S. Stykalin, B.N. Florya, O.V. Khavanova.

A.S. Stykalin (executive secretary)

Departments: *I.E. Adelgeim, E.V. Baidalova (Literature);*
O.V. Belova (Cultural studies); M.M. Valentsova (Linguistics);
I.I. Barinov, E.B. Lopatina, A.S. Stykalin (History).

Head of the Editorial office: *G.A. Mikheeva*

Copy Editors: *L.A. Avakova, E.V. Ponomareva, I.J. Veslova*

Address: 119991, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A

Phone: +7 (495) 938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Contents

ARTICLES

<i>Florya B.N.</i> (Moscow). On the characterization of relations between Moscow and the Left-Bank Hetmanate in the early 70s of the 17 th century (Hetman Ivan Samoylovich's «warnings»).....	5
<i>Kochegarov K.A.</i> (Moscow). The Russian government, Simeon, metropolitan of Smolensk and ordination of priests and deacons from the Grand Duchy of Lithuania in Smolensk in 1687–1690.....	14
<i>Petrukhin V.Ia.</i> (Moscow). Classics of philology in the light of historiography of initial Rus': In connection with the publication of the book by A. Stender-Petersen. Varangika: historical and philological research.....	27
<i>Kalugin V.V.</i> (Moscow). A 16 th Century Russian Revision of the Catenae on the Prophets and the «Simplicity» of the Russian Literary Language.....	39
<i>Aleksiyevich H.V.</i> (Minsk). Bohemisms in the Old Belarusian translations of the «Song of Songs»	54

ESSAYS

<i>Borovkov D.A.</i> (Moscow). The Testament of Yaroslav I in the works of Russian historians of the 18 th – the first third of the 19 th centuries.....	67
<i>Taranets S.V.</i> (Kyiev). Ukrainian Soviet historiography and the sources on ethnography, folklore and dialectology of the Old Believers.....	75
<i>Pakhomova L.Yu.</i> (Moscow). Studying the History of Hungary Beyond Hungarology: On the Results of a Conference	86

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Sokolova L.V.</i> (Saint Petersburg). On the history of the publication of the book by V.N. Peretz «The tale of Igor's campaign – a monument of feudal Ukraine-Russia of the XII century»	100
--	-----

PUBLICATIONS

<i>Hieromonk Dalmat (Yudin)</i> (Sergiev Posad). Report of Academician M.N. Speransky «Yaroslavl Miscellany of Prayers of the 13 th Century»	115
---	-----

IM MEMORIAM

<i>Borovkov D.A.</i> (Moscow). To th centenary of Sigurd O. Schmidt.....	140
<i>Ter-Avanesova A.V.</i> (Moscow). Academic profile of a scholar: Lyudmila Eduardovna Kalnyn'.....	143

REVIEWS

<i>Belova O.V.</i> Monika Łaskiewicz. Stereotypy etniczne w polskiej kulturze ludowej	151
---	-----

SCHOLARLY LIFE

<i>Kopchenova I.V.</i> International Conference «Marginals and Professionals in the Slavic and Jewish Cultural Traditions».....	157
---	-----

JUBILEES

On the jubilee of Igor' I. Kaliganov.....	161
On the jubilee of Georgiy P. Melnikov	164



К характеристике отношений между Москвой и Левобережным гетманством в начале 70-х годов XVII века («остерегательства» гетмана Ивана Самойловича)

© 2022 г. Б.Н. Флоря

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

ritlen@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается конфликтная ситуация, возникшая в отношениях между Москвой и Левобережным гетманством в связи с переговорами русского правительства с Петром Дорошенко. Характеризуются позиции обеих сторон, веские возражения гетмана Самойловича вплоть до отказа подчиниться царскому решению, а также мягкая позиция русской стороны, не порицавшей гетмана за такие высказывания и убеждавшей его, что соглашение с Дорошенко не нанесет ущерба ему и Левобережью. Это показывает, что русская сторона видела в Левобережном гетманстве важного партнера, с которым следовало обеспечивать взаимопонимание.

Ключевые слова: русское правительство, гетман Левобережной Украины, П. Дорошенко, И. Самойлович, российско-украинские отношения в XVII в.

Ссылка для цитирования: Флоря Б.Н. К характеристике отношений между Москвой и Левобережным гетманством в начале 70-х годов XVII века («остерегательства» гетмана Ивана Самойловича) // *Славяноведение*. 2022. № 2. С. 5–13. DOI: 10.31857/S0869544X0019031-7

On the characterization of relations between Moscow and the Left-Bank Hetmanate in the early 70s of the 17th century (Hetman Ivan Samoylovich's «warnings»)

© 2022. Boris N. Florya

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

ritlen@mail.ru

Abstract. The article describes the conflict relations between Moscow and the Left-Bank Hetmanate during the negotiations between the Russian government and Petro Doroshenko. The author characterizes the positions of both sides, hetman Samoylovich's weighty objections up to refusal to obey the tsar's decision, as well as the soft

position of the Russian side, which did not blame the hetman for such statements and convinced him that the agreement with Doroshenko would not harm him and the Left Bank. This shows that the Russian side saw in the Left Bank Hetmanate an important partner with whom mutual understanding should be ensured.

Keywords: Russian government, hetman of the Left-bank Ukraine, P. Doroshenko, I. Samoylovich, Russian-Ukrainian relations in the 17th century.

Reference for citation: *Florya B.N.* On the characterization of relations between Moscow and the Left-Bank Hetmanate in the early 70s of the 17th century (Hetman Ivan Samoylovich's "warnings") // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No. 2. P. C. 5–13. DOI: 10.31857/S0869544X0019031-7

Характер отношений между Москвой и Левобережным гетманством многократно определялся во вводных частях грамот, которые направлялись царем из Москвы и гетманом из Батурина. В царских грамотах гетману и жителям гетманства направлялись для исполнения царские указы с обещанием, как верным подданным, за их исполнение «милость» и «жалованье» или в них выражалась благодарность и посылалось «жалованье». В гетманских грамотах постоянно говорилось о верности гетмана и жителей гетманства царю как единственному православному монарху и готовности выполнять его «указы» в надежде на получение в будущем «милости» и «жалованья». Все это создавало впечатление о глубокой и всесторонней зависимости гетманства от Москвы. Разумеется, все эти декларации определенно говорили о том, что левобережное гетманство являлось особым политическим целым, но в составе Русского государства. Однако они сообщают очень мало о том, как реально складывались отношения в рамках провозглашенной модели.

Как представляется, определенный материал для представления их реального содержания может дать поведение обеих сторон в случае возникновения конфликтных ситуаций, расхождения между их интересами. Такие расхождения, как известно, обозначились к началу 1673 г. в политике Батурина и Москвы по отношению к гетману Правобережного гетманства Петру Дорошенко.

В Москве с конца 1669 г. существовало представление, что при содействии Петра Дорошенко удастся добиться мирного перехода Правобережья под русский протекторат. На будущих переговорах с Речью Посполитой это давало бы веские доказательства законности таких действий, отвечающих желанию самого населения Правобережья. Результатом соответствующих действий стало бы сотрудничество двух равноправных гетманств под патронатом Москвы. Такой проект привлекал внимание в Москве в течение ряда лет и не ушел со сцены после участия Дорошенко в походе османов на Речь Посполитую в 1672 г.

Отношение к такому решению в Батурине было отрицательным. Никаких контактов с П. Дорошенко И. Самойлович не поддерживал. Разумеется, И. Самойлович опасался, что в рамках такой модели отношений его пост станет объектом притязаний правобережного гетмана, носившегося с идеей восстановления единого гетманства. Но, как представляется, имело значение и то, что в успех переговоров с Дорошенко он не верил и был убежден, что правобережный гетман будет только использовать их в своих интересах и интересах своих патронов — Крыма и Турции. При этом следует иметь в виду, что, как увидим далее, гетман мог опираться на поддержку Левобережной старшины, также не желавшей быть оттесненной на второй план, и населения, в 1672 г. наблюдавшего массовую миграцию украинского населения на Левобережье

в результате политики Дорошенко. Таким образом, в контактах с Москвой в 1673 г. у И. Самойловича был в этом отношении крепкий тыл.

Расхождения между интересами сторон обозначились уже в марте 1673 г., когда гетман предложил поход на Правобережье, чтобы подчинить эти земли власти царя¹. О Дорошенко в своей грамоте гетман писал, что он «безбожный [...] на то сущее совесть свою положил [...] что турскому салтану желати неотступно»². Было принято решение о сборе войска, но этому должна была предшествовать посылка «увещательных» грамот Петру Дорошенко и полковникам, и только «если они в упорстве станут», следует «идти на них войной»³. Еще в конце XIX в. В. Эйнгорн убедительно показал, что это решение совсем не отвечало ожиданиям И. Самойловича [4. С. 893–895]. В грамоте, адресованной П. Дорошенко и всему посольству, говорилось, что царь готов их принять «ис под ига агарянского» на тех же условиях, «как на сей стороне Днепра», иначе — война⁴.

Открыто против принятого решения Самойлович не выступил, но попытался, чтобы в Москве приняли его план действий. Царскому посланцу М. Алексееву, который привез московские указания, он доказывал, что полковники и войско на Правобережье под властью царя «быть конечно давно хотят да боятца Дорошенка», который казнит несогласных. Но они перестанут бояться, когда армия придет на Правобережье⁵. Уже на этом этапе, как отметил В. Эйнгорн, имело место противодействие шагам, предпринимавшимся в Москве для подготовки переговоров с Дорошенко [4. С. 905–907]. Так, архиепископу черниговскому Лазарю Барановичу предлагали написать «увещательную» грамоту ближайшему советнику Дорошенко митрополиту Иосифу Тукальскому, но черниговский полковник Вас. Бурковский запретил посылать такую грамоту «без совету гетмана»⁶.

Противодействие стало организованным и открытым к началу лета 1673 г., когда армия собралась у Днепра и встал вопрос о посылке «увещательных грамот» Дорошенко. Как позднее докладывал царю командующий русской части армии Г.Г. Ромодановский, «Иван Самойлович и вся старшина [...] говорили, чтоб тех грамот не посылать». Они выражали убеждение, что эти грамоты Дорошенко передаст хану и султану. И поступая так, «нам, де, самим на себя от турок и татар войну навесь»⁷. Это показывает, что старшина поддерживала гетмана, препятствуя поискам соглашения с Дорошенко. Так как стало известно, что Дорошенко «города велел крепить» и собрал суда «изо всех мест вниз по Днепру», чтоб помешать переправе армии боярина и гетмана⁸, Г.Г. Ромодановский согласился, как известно, с предложением не вступать в контакт с П. Дорошенко⁹, а начать переговоры с правобережными полковниками, но эта инициатива не привела к желаемому результату.

Интересно рассмотреть, как реагировала на происходящее Москва. Об этом дают представление царские грамоты от 3 июля 1673 г. Ромодановскому

¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 2. Кн. 21. Л. 73–73об.

² РГАДА. Кн. 21. Л. 7–7об.

³ РГАДА. Кн. 21. Л. 56об.—57об.

⁴ РГАДА. Кн. 21. Л. 129об.—133.

⁵ Запись высказываний гетмана: РГАДА. Кн. 21. Л. 221–222об.

⁶ РГАДА. Кн. 21. Л. 226–232об.; 269об.—270.

⁷ РГАДА. Кн. 21. Л. 458–459 и Л. 318–319.

⁸ РГАДА. Кн. 21. Л. 318–319.

⁹ Был задержан и конюший Лазаря Барановича Яков Хапчинский с «увещательными» грамотами к П. Дорошенко. РГАДА. Кн. 21. Л. 351об.

и Самойловичу. Понятно, что действия командующих вызвали в Москве недо-вольство. «И то — указывалось в грамоте Ромодановскому — вы боярин наш и воевода учинили не гораздо, наш государев указ призрили»¹⁰. Грамота И. Самойловичу определенно отличалась по тональности. Царь выражал лишь «великое по-дивление» поступком гетмана. При этом, что заслуживает специально внимания, предлагалось определенное извинение его поступкам, так как «ты на гетманстве учинился в нове и сие наше великого государя дело учинилось тебе первое»¹¹. Очевидно стремление не обострять отношений с гетманом, добиться договоренности с ним. В той же грамоте указывалось, что в случае похода османов на Лео-бережье царь лично выступит на его защиту со всеми военными силами¹².

В Москве, как известно, совсем не отказались от поисков соглашения с До-рошенко. Соответствующие переговоры с участием старцев Киево-Печерско-го монастыря начались летом 1673 г. и продолжались до поздней осени. Они подробно рассмотрены в специальном исследовании В. Эйнгорна [3]. Прове-дение таких переговоров означало, что конфликтная ситуация в отношениях между Москвой и Батурином продолжала сохраняться, и представляет интерес рассмотреть, как в это время складывались отношения между партнерами. Ряд фактов, касающихся этого аспекта событий, приведен в исследовании В. Эйн-горна, но его особого внимания он не привлек. Русский посланец старец Сера-пион Полховский совершил поездку на Правобережье в конце июня — начале июля 1673 г. (о поездке см. [3. С. 131–133]). Соглашаясь перейти под власть православного монарха, Дорошенко выдвигал важное условие, чтобы Левобе-режье было передано под его власть¹³. В этой связи он и митрополит Тукаль-ский настаивали, чтобы переговоры велись тайно, «из заднепрян чтоб ни един человек не ведал»¹⁴. Одновременно гетман жаловался на враждебные действия Самойловича и просил воздействовать на «Заднепрского гетмана»¹⁵.

В Москве решили продолжить переговоры, но совсем не собирались прини-мать условия правобережного гетмана. В отправленных Дорошенко указных ста-тях речь шла о подчинении Правобережного гетманства на тех же условиях, как и Левобережье и о их сосуществовании, как двух равноправных политических объединений [3. С. 135–137]. Не собирались в Москве и скрывать переговоры от «заднепрян». Опытные дипломаты, переводчик С. Лаврецкий и подьячий Малороссийского приказа С. Щеголев, отправленные в Киев для организации переговоров с Дорошенко, должны были перед этим посетить И. Самойлови-ча в Батурине и ознакомить его с положением дел¹⁶. Посланцы должны были снова сообщить гетману, что в событиях июня виноват только Ромодановский, а к гетману царская «милость всегда неотменна»¹⁷. Кроме того, посланцы долж-ны были «объявить» Самойловичу о приезде послов Дорошенко с условиями его договора с царем¹⁸.

¹⁰ РГАДА. Кн. 21. Л. 351об.

¹¹ РГАДА. Кн. 21. Л. 358об.—362.

¹² РГАДА. Кн. 21. Л. 355об.—356.

¹³ РГАДА. Кн. 21. Л. 382.

¹⁴ РГАДА. Кн. 21. Л. 382об., 386об.

¹⁵ РГАДА. Кн. 21. Л. 395–396об.

¹⁶ РГАДА. Кн. 21. Л. 404об.—405об.

¹⁷ РГАДА. Кн. 21. Л. 442–442об. (текст наказа посланцам).

¹⁸ РГАДА. Кн. 21. Л. 447–447об.

Встреча посланцев с Самойловичем состоялась 1 августа, и гетман сообщил им, что намерен отправить в Москву черниговского полковника Вас. Бурковско-го¹⁹. Поручение миссии одному из представителей казацкой верхушки показывало, что гетман придавал ей особо важное значение.

Однако еще до того как Бурковский отправился в путь, 3 августа Самойлович оправил грамоту царю, в которой доказывал, что Дорошенко нельзя рассматривать как надежного политического партнера²⁰. Дорошенко, писал он, «непрестанно» посещают османские послы и через них он султану «дает вести о всем, где что деетца и советует, вымышляя разные и хитрые способы». И по отношению к царю он «хитростными способами и обманами хочет поступать» и не следует «нечего доброво» от него ожидать. Так, после официального сообщения о принятых решениях Самойлович выразил открытое несогласие с избранной в Москве политической линией.

О реакции в Москве на обращение гетмана позволяет судить текст грамоты «наскоро» отправленной в Батурин 21 августа²¹. В ней шла речь о процедуре ожидаемых переговоров с послами Дорошенко. Вместе с ними должны приехать в Москву послы гетмана и его ближайший советник — нежинский протопоп Симеон Адамович «для прислушивания тех дел», а по окончании переговоров «указ о том о всем для ведома к тебе прислан будет». Никакого выговора за критику московской политики в грамоте нет. Напротив, предпринята серьезная попытка убедить гетмана, что соглашение не будет заключено в тайне от Левобережья и с ущербом для его интересов.

Как известно, послы от Дорошенко в Киев так и не приехали. 3 сентября в Киев вернулся из новой поездки С. Полховский с перечнем условий, среди которых видное место занимал пункт «об одном на обоих сторонах Днепра правлении гетманском» [3. С. 139–141]. При этом резко утверждалось, что таким единым гетманом может быть только Дорошенко. Дорошенко утверждал, что «на той стороне Днепра не было гетманов кроме нынешние войны» и что «не токмо я, но и вся сторона под моим начальством будучая на то николи не позволит»²². Далее следовал ряд личных выпадов против Самойловича, который не потомственный казак и по происхождению не принадлежит к старшине²³. В едином гетманстве под эгидой Дорошенко Самойловичу, понятно, места не было: «когда царское величество слушать Самойловича будет, не придет николи для него к добром»²⁴.

В таких условиях в конце августа в Москву прибыл посол гетмана черниговский полковник Вас. Бурковский. Он был принят царем 9 августа²⁵ и вручил послание гетмана, содержащее ряд предостережений («остерегательств») в связи с поисками соглашения с Дорошенко. Таким образом, Самойлович еще более открыто, чем раньше выступил против принятых в Москве решений. Текста с «остерегательствами» обнаружить не удалось, но они полностью воспроизводятся в тексте царского «ответа»²⁶. Ряд таких «остерегательств» повторял

¹⁹ РГАДА. Кн. 21. Л. 487об. — 488.

²⁰ РГАДА. Кн. 21. Л. 474–478об.

²¹ РГАДА. Кн. 21. Л. 510об. — 511об.

²² РГАДА. Кн. 24. Л. 48об.

²³ РГАДА. Кн. 24. Л. 49–50. Пересказ этих выпадов см. [2. С. 465].

²⁴ РГАДА. Кн. 24. Л. 54.

²⁵ РГАДА. Кн. 24. Л. 88–88об.

²⁶ Текст «ответа» см.: РГАДА. Кн. 24. Л. 89–123об.

обвинения Дорошенко в связях с Османской империей и Крымом. Самойлович упоминает много «листов», в которых Дорошенко постоянно хвалится «турскими посылками всегда при нем пребывавшими» (ст. 9) ²⁷. В самом начале «остерегательств» (ст. 1) говорится о том, как после взятия Каменца Дорошенко призывал султана идти к Киеву, «обнадеживая, что город вскоре возмет» ²⁸. Эта линия аргументации была усилена новыми доводами. Самойлович доказывал (ст. 3–4), что после заключения договора с Дорошенко царю придется посылать войска для защиты Правобережного гетманства, но с таким партнером, как Дорошенко, русские войска снова потерпят такое поражение, как под Чудновым в 1660 г., когда «Дорошенко с ыными» оставил русскую армию и «Юрья Хмельницкого к тому привели» ²⁹.

Но наряду с этим в «остерегательствах» Самойловича выдвигаются ранее отсутствовавшие доводы иного порядка, доводы, выдвигавшиеся от имени не только гетмана, но и жителей гетманства. Уже в начале «остерегательств» (ст. 2) указывалось, что принятие Дорошенко под царскую власть «нам [...] неприятно было и опасно» ³⁰. В конце «остерегательств» (ст. 8) с ударением подчеркивалось, что «Дорошенко никогда, яко истинного головного неприятеля отрещися не можем». Прошлой весной он, «наймуя увечных и раненых», послал их на Левобережье «чтоб города огнем тайно зажигати». Сгорели Козелец, Ромны, Кропивна. Захваченные поджигатели сообщали, что их послал Дорошенко, «наняв по пять рублев человека» ³¹.

О посылке Дорошенко на Левобережье поджигателей гетман сообщал и ранее [1. С. 238], но теперь рассказ об этом был включен особым пунктом в торжественное обращение гетманства и жителей гетманства к царю. Введение этого сюжета, разумеется, доказывало, что царь не может заключать соглашения с человеком, который прибегает к таким действиям. Но в рамках гетманской грамоты он, прежде всего, обосновывал положение, что гетман и жители гетманства не могут иметь никаких дел с таким человеком. Мысль эта получает развитие в целом ряде «остерегательств» гетмана.

Гетман заявлял (ст. 5), что с такими людьми, как Петр Дорошенко и митрополит Иосиф Тукальский, «не толко в совете с ними опасно, но всегда прилежно от них оберегаться надобно» ³². Наконец, в ст. 6 со всей определенностью указывалось, что, если царь примет под свою власть Дорошенко и Тукальского, «не хочю и не мышлю ни о чем с ними [...] советовати и чрез листы ссылатися, обаче остерегаться от них» ³³. Таким образом, Самойлович со всей определенностью заявил, что не подчинится царскому решению об установлении близких, дружественных отношений с правобережным гетманством после его перехода под царскую власть. Очевидно, что Самойлович предпринял очень важные и ответственные шаги, чтобы не допустить заключения соглашения между Москвой и Дорошенко. Очевидно, он мог их предпринять только опираясь на крепкий тыл. Не случайно «остерегательства» исходили не только от гетмана, но и от жителей гетманства.

²⁷ РГАДА. Кн. 24. Л. 110об.

²⁸ РГАДА. Кн. 24. Л. 89об.

²⁹ РГАДА. Кн. 24. Л. 98об.; 100об.–101.

³⁰ РГАДА. Кн. 24. Л. 97об.

³¹ РГАДА. Кн. 24. Л. 109–109об.

³² РГАДА. Кн. 24. Л. 102об.

³³ РГАДА. Кн. 24. Л. 104.

О реакции русской стороны на это достаточно необычное обращение позволяет судить царский «ответ» на присланные «статьи», врученный 29 сентября царским посланцам Вас. Бухвостову и Мих. Алексею³⁴.

Следовало бы ожидать достаточно резкого выговора за нестандартные заявления, за неуважение к царским решениям. Однако ничего подобного в тексте «ответа» нет. Правда, в Москве не отказались от проведения переговоров с Дорошенко, но в тексте «ответа» присутствуют настойчивые попытки доказать, что опасения гетмана напрасны и заключенное соглашение не нанесет ущерба Левобережью.

В «ответе» указывалось, «что впредь Дорошенко на обоих сторонах Днепра гетманом никогда не будет»³⁵. «И гетману Ивану Самойловичу о сей стороне сомневаться было не надобно и бытьи надежду»³⁶. Посланцам в наказе следовало сообщить, чтобы гетман «на его государскую милость был надежен»³⁷. Им следовало также снова заверить гетмана, что в выработке соглашения с Дорошенко будут обязательно участвовать послы с Левобережья. Царские посланцы в Киеве вместе с послами Дорошенко приедут из Киева в Батурин, а оттуда вместе с послами гетмана поедут в Москву³⁸.

Заслуживает особого внимания реакция русской стороны на самые резкие пассажи «остерегательств». За эти пассажи гетман не только не подвергся критике, но «ответ» содержал похвалы И. Самойловичу за «осторожность» от «неприятелей», а в ответ на статью о «зажигательщиках» даже прямо рекомендовалось «быть во всякой острожности» по отношению к Дорошенко³⁹. В «ответе» указывалось, что, когда П. Дорошенко принесет присягу царю, царь позаботится, «чтоб между вами была дружба и любовь»⁴⁰.

Избранная в «ответе» интонация хорошо объясняет, почему на встрече с посланцами 14 октября гетман продолжал отстаивать прежнюю позицию⁴¹. Дискуссии положило конец принятое в Москве 20 ноября решение предпринять поход русско-украинской армии на Правобережье⁴². В грамоте гетману отмечалось, что решение принято «по твоему письму и остерегательству»⁴³. Москва признала правоту гетмана. Рассмотренный эпизод позволяет сделать определенные наблюдения о характере отношений между Москвой и Батурином в начале 70-х годов XVII в.

Разумеется, в этих контактах Левобережное гетманство выступает как подчиненная сторона, которая должна подчиняться принятым в Москве решениям. При этом, однако, имеют место и попытки украинской стороны воздействовать на процесс принятия решений (например, с помощью доставки нужной информации) и критика (часто скрытая, но подчас и открытая) принятых решений, а в отдельных случаях и организованное противодействие использованию некоторых из таких решений и заявление, что гетманство не будет им

³⁴ РГАДА. Кн. 24. Л. 88–88об.

³⁵ РГАДА. Кн. 24. Л. 98об.

³⁶ РГАДА. Кн. 24. Л. 106–107.

³⁷ РГАДА. Кн. 24. Л. 124.

³⁸ РГАДА. Кн. 24. Л. 125об.–126.

³⁹ РГАДА. Кн. 24. Л. 104, 110.

⁴⁰ РГАДА. Кн. 24. Л. 111об.

⁴¹ РГАДА. Кн. 24. Л. 205 и сл.

⁴² См. тексты царских грамот Г.Г. Ромодановскому и И. Самойловичу от этого числа. РГАДА. Кн. 24. Л. 292 и сл.

⁴³ РГАДА. Кн. 24. Л. 307.

подчиняться. Характерно при этом, что русская сторона не действует путем приказа и диктата, стремится избежать обострения отношений, предпринимает настойчивые попытки убедить украинскую сторону, что принятые решения и их осуществление не нанесут ущерба ее интересам. Все это говорит о достаточно серьезной доле самостоятельности гетманства в его отношениях с Русским государством. Можно, как представляется, отметить определенные черты в положении сторон, которые способствовали формированию между ними отношений такого типа.

В сложной ситуации борьбы России, Речи Посполитой, Османской империи и Крыма за власть и влияние в Восточной Европе Левобережное гетманство оказывало Русскому государству серьезную помощь в подготовке и проведении многих внешнеполитических акций. В его сотрудничестве в Москве были, конечно, заинтересованы. Вместе с тем добиться осуществления такого сотрудничества во второй половине XVII в. с помощью простой посылки приказов было невозможно. Правда, внешнеполитическая самостоятельность гетманства была ограничена, и в целом ряде городов стояли русские гарнизоны, но украинское общество во второй половине XVII в. оставалось достаточно замкнутым организмом. За исключением многочисленных представителей духовенства, ездивших за «милостыней» в Москву, другие общественные слои — старшина, казачество, мещанство были слабо связаны и с русским обществом, и с русскими государственными учреждениями, и соответственно, возможности влияния через них на политику гетмана были ограничены. При отсутствии в гетманстве серьезных внутренних конфликтов гетман оказывался достаточно самостоятельной фигурой и следовало предпринимать усилия, чтобы обеспечить его активное сотрудничество.

Разумеется, такой характер отношений был возможен лишь в условиях, когда стратегические интересы обеих сторон в их наиболее серьезных проявлениях совпадали. Несмотря на критические высказывания и угрозы и случаи невыполнения приказов лояльность гетмана в Москве не вызывала сомнений. Характерно, что в ответ на «остерегательства» Самойловича посланцам, отправленным к нему в конце сентября 1673 г., поручалось «наедине» просить гетмана, чтобы он предложил «способы», как жителей Правобережья «от турецкого салтана отлучить воиюно или какими мерами»⁴⁴.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

РГАДА. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 2. Кн. 21; Кн. 24.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костомаров Н. И. Руина // Костомаров Н. И. Собр. соч. СПб.: Типография М. И. Стасюлевича, 1905. Кн. VI. 815 с.
2. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. Кн. VI. 683 с.
3. Эйнгорн В. Дипломатические сношения московского правительства с Правобережной Малороссией в 1673 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898 г., май. С. 118–151.

⁴⁴ РГАДА. Кн. 24. Л. 126об.

4. Эйнгорн В. Очерки из истории Малороссии в XVII веке. Ч. 1. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М.: Университетская типография, 1899. XIV+1104 с.

REFERENCES

- Eingorn V. Diplomaticheski'e snosheni'a moskovskogo pravitel'stva s Pravoberezhnoi Malorossiei v 1673 g. mai 1673 g. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosvesheni'a*, 1898 g., mai., pp. 118–151. (In Russ.)
Eingorn V. *Ocherki iz istorii Malorossii v XVII veke. Ch. 1. O snosheni'ach malorossiiskogo dukhovenstva s moskovskim pravitel'stvom v tsarstvovanie Alekseia Mikhailovicha*. M., Universitetskaia tipographiia Publ., 1899, XIV+1104 p. (In Russ.)
Kostomarov N.I. Ruina. *Kostomarov N.I. Sobr. soch.* Saint-Petersburg, Tipographia M.I. Stasiulevicha Publ., 1905, kn. VI, 815 p. (In Russ.)
Solov'ev S.M. *Istoria Rossii s drevneishykh vremion*. M., Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury Publ., 1961, kn. VI, 683 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Флоря Борис Николаевич

доктор исторических наук, член-корр. РАН,
зав. отделом истории средних веков
Института славяноведения РАН.
Москва, Российская Федерация
<https://ORCID.org/0000-0003-0779-2488>
E-mail: ritlen@mail.ru

Information about author:

Boris N. Florya

DSc. (History), Corresponding member of the
Russian Academy of Sciences,
head of department of history
of Middle ages of the Institute of Slavic Studies
of Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation.
<https://ORCID.org/0000-0003-0779-2488>
E-mail: ritlen@mail.ru



Славяноведение, 2022, № 2, с. 14–26

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 2, pp. 14–26

DOI: 10.31857/S0869544X0019022-7

Оригинальная статья / Original Article

Русское правительство, смоленский митрополит Симеон и посвящение в духовный сан кандидатов из Великого княжества Литовского в Смоленске в 1687–1690 годах

© 2022 г. К.А. Кочегаров

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

kirill-kochegarow@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется практика поставления в духовный сан кандидатов из Великого княжества Литовского смоленским митрополитом Симеоном. Она сложилась в условиях крайне неблагоприятного положения православной церкви на территории Великого княжества, когда король Речи Посполитой в течение многих лет не разрешал посвящать нового епископа на Белорусскую (Могилевскую) епархию. Уже через несколько лет это привело к нехватке священников на белорусских землях и обращению к русским властям представителей полоцкого Богоявленского монастыря с просьбой разрешить смоленскому и псковскому митрополитам рукополагать православных кандидатов в священники и дьяконы. Разрешение было дано, и в течение 1685–1690 гг. в Смоленске было рукоположено 68 человек (известные случаи). Эта поддержка имела важное значение для православной церкви Белоруссии в один из наиболее сложных периодов в ее истории.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Смоленск, Симеон, митрополит смоленский и дорогобужский, история Русской церкви, Киевская митрополия.

Ссылка для цитирования: Кочегаров К.А. Русское правительство, смоленский митрополит Симеон и посвящение в духовный сан кандидатов из Великого княжества Литовского в Смоленске в 1687–1690 гг. // *Славяноведение*. 2022. № 2. С. 14–26. DOI: 10.31857/S0869544X0019022-7

The Russian government, Simeon, metropolitan of Smolensk
and ordination of priests and deacons from the Grand Duchy
of Lithuania in Smolensk in 1687–1690.

© 2022. Kirill A. Kochegarow

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

kirill-kochegarow@yandex.ru

Abstract. The paper analyses the practice of ordination of Orthodox deacons and priests from the Grand Duchy of Lithuania by Simeon, the metropolitan of Smolensk. It emerged in harsh conditions of existence of the Orthodox Church in the Grand Duchy, when the Polish king didn't let to ordain new Belorussian (Mogilev) bishop. In some years it caused the Orthodox priest shortage there. That's why monks of the Polotsk Epiphany monastery asked the Russian government to permit Smolensk and Pskov metropolitans to ordinate priests and deacons coming from abroad. The decision was positive, and 68 people (registered cases) had been ordaining in Smolensk during 1685–1690. Such a support played an important role in the survival of the Orthodox church in Belorussia in one of the hardest periods of its history.

Keywords: The Grand Duchy of Lithuania, Smolensk, Simeon, the metropolitan of Smolensk and Dorogobuzh, the history of Russian Church, Kiev Metropolis.

Reference for citation: Kochegarov K. The Russian government, Simeon, metropolitan of Smolensk and ordination of priests and deacons from the Grand Duchy of Lithuania in Smolensk // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2022. No. 2. P. 14–26. DOI: 10.31857/S0869544X0019022-7

*«Да в Магилеве есть благочестивые многие церкви и бывал наперед
сего в том городе Магилеве епископ и тому уже многие годы,
как тот епископ умре, а правила на его месте/
благочестивые наместники. А ныне и наместника нет, нет уже никово...»*

Из донесения русского резидента в Речи Посполитой И. Волкова

В 1680-е годы положение православной церкви в Великом княжестве Литовском было весьма сложным. В результате попыток королевского двора ввести на территории всей Речи Посполитой так называемую новую унию престол единственной литовской епархии — Белорусской (Могилевской) оставался вакантным с 1678 г. — с момента смерти епископа Феодосия Василевича. Попытки избранного православными Великого княжества Климента Тризны получить королевский привилей на епископство были тщетными, несмотря на поддержку, которую ему оказывал ряд литовских магнатов. Не лучшим было и положение православия на коронных землях: луцкий епископ Гedeон князь Святополк-Чертвинский выехал в 1684 г. за границу, на Левобережную Украину, а оставшиеся владыки — львовский епископ Иосиф Шумлянский и перемышльский епископ Иннокентий Винницкий тайно приняли унию. Да и сам престол Киевской митрополии оставался вакантным как минимум после смерти митрополита Антония Винницкого (1679 г.) [2. С. 89–93; 9. С. 39–48; 10. С. 3–18; 11. С. 13–139].

В условиях пятилетнего отсутствия православного епископа в Великом княжестве Литовском к 1684 г. стала ощущаться нехватка священников и дьяконов. Белорусские православные знали о тайном униатстве Иосифа Шумлянского и Иннокентия Винницкого и не желали с ними сотрудничать, в том числе посылать к ним на поставление кандидатов в священники [2. С. 98–99; 9. С. 100–101], а контакты с луцким епископом Гedeоном накануне его выезда в Россию были, по-видимому, затруднены. В российской части Киевской митрополии (на Левобережной Украине) был своей архиерей — черниговский архиепископ Лазарь Баранович, однако он был к тому времени стар и не мог полноценно выполнять пастырские обязанности¹. Совокупность всех этих обстоятельств привела к тому, что весной 1684 г. православные Белоруссии обратились с просьбой о поставлении священников напрямую к русским властям в Смоленске.

¹ Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью. 1676–1686 гг. Исследования и документы / под общ. ред. митрополита волоколамского Илариона. М., 2019. С. 328.

Начало этому положили посланцы полоцкого Богоявленского монастыря Антоний Пауков и Максим Стебутов, которые прибыли в Смоленск в самом начале 1684 г. Они привезли письмо игумена Игнатия на имя царей Ивана и Петра с жалобами на гонения от католиков и униатов, а также на острую нехватку священников. Игнатий просил разрешить «тайно» поставлять прибывающих из-за «литовского рубежа» кандидатов в священники и дьяконы псковскому и смоленскому митрополитам, которые ранее на подобные обращения отвечали отказом, ссылаясь на отсутствие царского указа. В Москве на просьбу о помощи отреагировали положительно, послав соответствующие указы в Псков и Смоленск в марте 1684 г.

Уже в начале 1685 г. в Смоленск на рукоположение в священники и дьяконы приехали десять человек из виленского монастыря св. Духа, а также приписанных к нему кронской Троицкой и евьевской Успенской обителей. Вместе с ними прибыли двое кандидатов из витебского Маркова монастыря. Все они заручились поддержкой местоблюстителя Климента Тризны и литовского магната, мстиславского воеводы Шимона Кароля Огинского, светского патрона части монастырей, чьи представители были направлены в Смоленск. В начале 1686 г. через очередных посланцев богоявленский игумен Игнатий благодарил московского патриарха Иоакима за разрешение псковскому и смоленскому епископам рукополагать прибывавших из Литвы кандидатов в дьяконы и священники и просил выдать грамоту с благословением на освящение храмов, чтобы использовать его до тех пор, пока в Белоруссии не появится свой православный епископ (документ был выдан) [2. С. 98–103].

Одновременно в 1685–1686 гг. царскому правительству и украинскому гетману И. Самойловичу удалось осуществить ряд шагов по поддержке православия в границах Киевской митрополии: в 1685 г. был избран новый митрополит — Гедеон князь Святополк-Четвертинский, в следующем году константинопольский патриарх согласился передать Киевскую митрополию под власть московского патриарха. Этот акт был подкреплён присягой польского короля Яна III Собеского перед русским посольством во Львове, которой он ратифицировал заключённый в апреле 1686 г. Вечный мир. Согласно девятой статье этого договора польский монарх как верховный патрон православной церкви в Речи Посполитой подтверждал законность перехода Киевской митрополии под верховенство русского патриаршего престола [9. С. 57–137].

Важным, как представляется, является вопрос, как события 1685 и особенно 1686 гг. повлияли на практику поставления кандидатов из Великого княжества Литовского в Пскове и Смоленске, учитывая, что разрешение на посвящение белорусского православного епископа король Ян III так никогда и не дал (это произошло уже после его смерти, в 1697 г.). Отдельные факты свидетельствуют, что в том или ином виде она свое существование продолжила, однако имевшиеся до сих пор в нашем распоряжении примеры в большей степени связаны с Новгородом и Псковом. Летом 1686 г. новгородский митрополит Корнилий получил патриаршее разрешение поставить в священники кандидата из Невеля, пограничного города Великого княжества Литовского, которого прислал в Новгород игумен тамошнего Благовещенского монастыря Макарий с разрешения местного «воеводы». Макарий в 1690-е годы продолжил посылать «иноков и бельцев» для рукоположения «во священнический чин» к новгородскому митрополиту Ефимию (1695–1696 гг.) и псковскому Илариону (1691–1698 гг.). Относительно Смоленска известен лишь один подобный случай, когда около 1686 г. смоленский митрополит Симеон поставил в дьяконы выходца из Белоруссии Феодосия

Корговцевича (в 1687 г. рукоположен в священники проживавшим на Левобережной Украине призренским митрополитом Никодимом) [4. С. 171]. Вместе с тем ряд фактов свидетельствует о том, что значительное количество кандидатов в священники и дьяконы стремилось теперь и в Киев, где с 1685 г. был свой митрополит. В частности, владыка Гедеон в 1687 г. рукоположил в слущкие архимандриты Серапиона Полховского [4. С. 172–173].

При этом до настоящего момента совершенно неизвестной оставалась ситуация в Смоленске, куда, судя по всему, с 1684–1685 гг. направлялся основной поток желающих быть посвященными в духовный сан. Заполнить эту лауну, а также прояснить отношение к этой практике со стороны русского правительства после 1686 г. позволяет ряд неизвестных историкам документов фонда № 79 («Сношения России с Польшей») Российского государственного архива древних актов.

В 1676–1699 гг. епископом, а затем митрополитом смоленским и дорогобужским был Симеон (Молюков) — один из церковных иерархов, в свое время приближенных ко двору царя Федора Алексеевича, который вопреки воле патриарха Иоакима настоял на посвящении Симеона в сан смоленского митрополита (1681 г.). Конфликт Иоакима и Симеона длился как минимум с 1676 г. и продолжался в описываемое время. Симеон отказывался выдать патриаршим посланцам подаренную ему покойным царем Федором митру патриарха Никона и заявлял, что патриарх равен любому архиерею. В результате церковных соборов 1685 и 1686 гг. Симеона лишили престола и сослали в Троице-Сергиев монастырь. Однако довольно быстро он получил прощение, по-видимому, благодаря заступничеству царевны Софьи и царя Ивана, покаялся и был восстановлен на смоленской кафедре [5. С. 38–44; 6. С. 313–342; 7. С. 215–216, 378, 422–452] (см. также [8. С. 94–96]). Возможно, именно с этими конфликтами связан факт, что в начале 1684 г. грамота о рукоположении выходцев из Великого княжества Литовского в Смоленске была послана воеводе, а не самому Симеону, тогда как в Псков указ направили непосредственно местному владыке — митрополиту Маркеллу [2. С. 99].

Для данной статьи важно отметить, что в указанном конфликте Симеон выступает как сторонник традиций киевского православия, в частности, партесного пения, права митрополита носить митру, подобную патриаршей (митрополит прямо указывал, что этот обычай распространен в Киевской митрополии), поставления по два иерея и по два диакона на одной литургии вместо одного. Другая претензия в адрес Симеона — постоянные распри с прибывавшими из Москвы воеводами. В ответ на последнее обвинение смоленский митрополит настаивал, что конфликтует только с теми из них, которые «обидят и разоряют» местных жителей, «церкви Божией творят своим скверным и зазорным житием в таковой стране, близ иноземцов сущей, укор и царскому величеству нечесть». «И они де воеводы переменяются часто, — говорил Симеон, — а я zde непрестанно живу, и иным людем, коих обидят, воеводам говорити невозможно, и то де я творил, чтоб государевых людей своих ради прихотей не разоряли и напрасно не обидели» [5. С. 41–43] (см. также [6. С. 319–324, 340]). Симеон охотно контактировал с иноземцами: в 1683 г., будучи в Москве, он посещал датского резидента Г. фон Горна, рассказав ему «кое-какие неприглядные истории из прошлого В.В. Голицына» [1. С. 143]. К 1690 г. относятся известия о связях смоленского владыки с польскими иезуитами, которым он жаловался, что хотел стать патриархом после смерти Иоакима, но в Москве его кандидатуру не поддержали (см. подробнее [3]).

Документы столбцов переписки смоленских воевод с Посольским приказом дают еще один штрих к биографии Симеона. 25 июня 1688 г. смоленский воевода И.А. Мусин-Пушкин получил царский указ продавать посольские дворы в селе Мигновичи «всяких чинов людям, кому понадобится», которые ранее были построены для дипломатических съездов в Андрусово с комиссарами Речи Посполитой. В начале января 1689 г. указ о продаже был повторен, поскольку в Смоленске «на воеводцких дворах в хоромном строении никакой нужды нет, да и купцов в Смоленску и в уезде на то посольских дворов строение не объявилось, а те хоромы от дождя гниют и крышек на них нет, а на карауле стоит по вся недели по десяти человек». Мигновичи, как оказалось, были «домовой» вотчиной митрополита. Узнав о продаже дворов, Симеон обратился с челобитьем к правительству, жалуюсь, что «пот теми [...] дворами домовая Пресвятая Богородицы и моя [...] тяглая крестьянская земля пустовала безоброчна многие годы» и у него «для приезду [...] в домовую вотчину двора нет». Поэтому он просил царей передать ему «ис тех посольских дворов на приезд [...] в домовую вотчину дворы, где стоял [...] великий и полномочный посол боярин князь Яков Никитич Одоевский»². В ответ на эту просьбу Мусину-Пушкину было послано распоряжение отдать Симеону требуемый двор, видимо один из самых просторных, «безденежно», а «достальные дворы и строение по прежним великих государей указом велели продавать сторонним охочим людям» (отпуск датирован 22 июня 1689 г.)³.

Где-то в начале 1690 г. в Смоленск приехал новый воевода — князь Федор Иванович Шаховской. А 25 марта 1690 г. в Смоленск прибыли, остановившись на «приезде дворе» на посаде, «попов сын» и священник Тихон из Мстиславля. Попович приехал «к преосвященному Симиону, митрополиту смоленскому и дорогобужскому, для восприятия священства», заручившись рекомендательным письмом к смоленскому владыке «от мстиславского лентвойта Гостеловского и от бурмистра и от райцов». Отец Тихон приехал к митрополиту «на благословение». Шаховской разрешил приезжим остаться в городе и объявил о них митрополиту, памятуя о царском указе, полученном одним из его предшественников М.С. Пушкиным 6 марта 1684 г., который он должен был держать в секрете даже от товарищей по воеводству. Несмотря на то что подобные визиты были уже сложившейся практикой, недавно прибывший в Смоленск воевода решил, тем не менее, сообщить об этом в Москву. Соответственно и отписку с информацией о прибытии гостей из Мстиславля Шаховской писал «один тайно и бес товарищей своею рукою», послав ее почтой в столицу 6 апреля (получена в Москве 12 апреля)⁴.

Полученные известия неожиданно спровоцировали расследование в Посольском приказе касательно практики рукоположения в Смоленске прибывавших из-за рубежа кандидатов. Была подготовлена выписка из «литовского порубежного столпа» о приезде в 1684 г. посланцев полоцкого Богоявленского монастыря с челобитьем, «чтоб волное поставление в попы и диаконы в порубежных городах иметь». В выписке отмечалось о положительном решении в ответ на просьбу и об отправке указов великих государей «в Смоленск к боярину и воеводе к Матвею Степановичю Пушкину, да во Псков к митрополиту

² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 1–2, 21.

³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 22–23. Помимо Симеона о безденежной передаче двух дворов для ремонта «хоромного строения», которое «огнило и опало» в его деревне и в самом Смоленске просил также смоленский шляхтич, стольник Федор Яковлев сын Яблонский (Яблоновский). Его челобитье было также удовлетворено (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1689 г. Д. 1. Л. 24–24об., 73)

⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 1. Л. 107–107об.

о постановлении приезжих из-за рубежа старцов в попы». Примечательно, что «черных грамот тех отпусков в том порубежном столпу» не оказалось, поскольку их «взял князь Василей Голицын к себе»⁵.

6 мая 1690 г. выписка была доложена царям и боярской думе «в передней деревянной». Думный дяк Е.И. Украинцев записал решение, согласно которому следовало послать грамоту смоленскому воеводе, «велеть ему с митрополитом смоленским поговорить, со 192-го году по нынешней по 198-й год многих ли он за литовской рубеж посвятил во священную чин в попы и в диаконы, и в которые города и места». Собранную информацию вместе со списком царского распоряжения в грамоте М.С. Пушкину 1684 г. воевода должен был отправить в Москву. Все дело ему следовало держать в тайне («а держали б сие тайно, а кроме б их иной никто о том не ведал») ⁶. Лишь 25 мая была направлена грамота Ф.И. Шаховскому с изложением вышеупомянутых требований («за приписью» дьяка Б. Михайлова) ⁷. Шаховской получил грамоту достаточно поздно — 19 июня. «И я, холоп ваш, с преосвященным митрополитом говорил сокровено и сабою выпрашивал, — отчитывался воевода 7 июля, — и он, преосвященный митрополит, мне, холопу вашему, сказывал, в те годы десятка де три и болши поставил в попы и во дяконы, на годе бывает ставлеников человека по три и по четыре, а в каторые города и места и кого имена, того де я не упомню, сказал, а ставленные грамоты им дают таким жа обрасом как и в своей епархии, а прибавки им, зарубежным ставленником пишут в ставленных грамотах в недоумеваемых правильных винах спрашиваца своего христианского владыки, каторого вам Бог даст». Больше подробностей Шаховской обещался «выведасть» и сообщить в приказ впредь. Помимо этого, воевода разыскал и направил в Москву текст грамоты от 1684 г. с разрешением поставлять выходцев, а также велел составить роспись тем, кто приезжал в Смоленск после его мартовской отписки, положившей начало расследованию дела поставления Симеоном выходцев из-за рубежа, а также тех, кто побывал в городе до приезда туда на воеводство Шаховского. В роспись вошли только те люди, которые были записаны «на приежем дворе». «А те, государи, зарубежские ставленники, — отмечал Шаховской, — живут в Смоленску многие недели, дажидаюца служения, а у преосвященного Симеона митрополита служение бывает нечастое, от праздника светлого Христова воскресения июля по 7 число была три служения» ⁸.

Несколько позднее Шаховской отправил в столицу и формуляр ставленной грамоты митрополита, выдававшейся приезжавшим на посвящение в сан. К этому времени ему удалось собрать дополнительные сведения о посвящениях «зарубежских ставленников». Всего, по подсчетам Шаховского, «со 195 году с опреля месеца июля по 7 число нынешного 198 году посветил он, преосвященный Симеон митрополит в попы и в дяконы за рубеж черных и белых педесят пять» человек. И это «с теми, кого имена в росписях под отпискою [послал] к вам великим государем я, холоп ваш, наперед сего, а как тем ставленником имена и в кои места за рубеж ставил, и того июля по 14 число даведаца и списать сокровено я, холоп ваш, не возмогл, а как даведаюся и о том к вам, великим государем, я, холоп ваш,

⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 1. Л. 81–82.

⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 1. Л. 82.

⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 1. Л. 110–111.

⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 1. Л. 162–163. Отписка получена в Москве 13 июля. На л. 162 об. помета: «великим государем известно и бояром чтено». Копию грамоты великих государей от 28 февраля 1684 г. к М.С. Пушкину, присланную из Смоленска см.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 1. Л. 161.

учну писать впредь», – писал Шаховской в отписке от 17 июля⁹. Из его отписок следует, что воевода собирал информацию о рукоположениях крайне осторожно, расспрашивая Симеона в несколько этапов, а персональные сведения о посвящениях в дьяконы и священники были и вовсе взяты из соответствующих записей в документах «приезжего двора» и смоленской приказной палаты.

По всей видимости, Шаховской в ходе бесед с митрополитом не ссылаясь на царский указ и не раскрывая причины своего интереса. Объяснить это можно предписанной царской грамотой секретностью в осуществлении сбора информации, а также приводившимися выше свидетельствами своенравности Симеона и его частыми конфликтами с предыдущими воеводами. Видимо Шаховской, прибывший в город недавно, не желал столкнуться с этим на личном примере.

Анализ собранных Шаховским персональных сведений (сохранились за период с сентября 1688 г. по июнь 1690 г.) о тех, кто приезжал на рукоположение в Смоленск, позволяет сделать ряд выводов. К «монастырским» кандидатам из полоцкого Богоявленского монастыря и борисовского Воскресенского монастыря теперь добавились выходцы из среды приходского духовенства, причем последние даже преобладали. В Смоленск на поставление приезжали дьячки, поповичи, мещанские и шляхетские дети из близких к русской границе городов и местечек Восточной Белоруссии: Мстиславля, Россасно (ныне в Дубровенском районе Витебской обл.), Романова (возможно, местечко в Слуцком княжестве), Шклова, Орши и даже из более далекого Минска. Останавливались они на воеводском «приезде» или митрополичьем дворе. Отдельные визитеры заручались поддержкой вышестоящего духовенства и светских патронов. Так, например, шляхетский сын Иван Дашкеевич имел рекомендательные письма от наместника Богоявленского братского монастыря в Могилеве Гedeона Савицкого и князя М. Друцкого-Соколинского, а попович из Мстиславля заручился «листом» за подписью членов городского совета во главе с войтом. Для них, соответственно, поездка на рукоположение за границу была вполне легальна и осуществлялась с разрешения в том числе и светских властей. Секретность, какой стремились обставить процесс рукоположения «зарубежских ставленников» в Москве и Смоленске, в Великом княжестве Литовском не особенно соблюдалась.

Само путешествие на поставление, пусть и в близлежащий заграничный город, было делом затратным, поэтому многие кандидаты, стремясь сэкономить, с небольшим перерывом проходили посвящение в дьяконы и священники, не выезжая из Смоленска. Отчасти виной тому была, видимо, и нехватка православного духовенства в Белорусской епархии. Таким образом были рукоположены священники Серафим Селява из Могилева, Лука Кафлич из Россасно, Иван Дашкеевич из Романова. Можно отметить и то, что Симеон, в подтверждение предъявлявшихся ему обвинений на соборе 1686 г., действительно рукополагал двух кандидатов «в одно служение», которые, по наблюдениям Шаховского, вообще проходили достаточно редко.

Характерно, что в выдававшихся «зарубежским ставленникам» митрополичьих ставленных грамотах специально подчеркивалось, что рукоположение произведено «ради расширения церкви Божия» и по просьбе кандидатов в связи с отсутствием в Белорусской епархии своего архиерея, их нежеланием обращаться за благословением «ко унеяцким архиереем» и невозможности оставлять

⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 1. Л. 123–125. Отписка получена в Москве 28 июля.

вдовствующим конкретный церковный престол. При этом Симеон подчеркивал необходимость рукополагаемого им белорусского духовенства подчиняться своему законному архиерею, когда тот, наконец, появится, или его наместнику¹⁰.

К сожалению, о дальнейшей реакции русского правительства на собранные Шаховским сведения можно судить лишь предположительно, поскольку от подготовленной докладной выписки по этому вопросу сохранились фрагменты. Один из них заключал текст девятой статьи из договора о Вечном мире (о переходе православных епархий Речи Посполитой под «благословение» московского патриарха)¹¹, другой содержал краткую резолюцию: «А что б смоленскому митрополиту зарубежных жителей посвящать в попы и в диаконы и о том в договорах Вечного миру не написано»¹².

Можно, таким образом, предположить, что в Москве спустя четыре года после заключения Вечного мира посчитали практику рукоположения «зарубежских» кандидатов несовместимой с буквой договора и решили ее прекратить. Косвенно об этом свидетельствуют материалы столбцов переписки Посольского приказа со смоленскими воеводами за 1691–1694 гг., в которых никаких свидетельств о посвящении смоленским митрополитом кандидатов из Великого княжества Литовского не содержится¹³.

Гипотетически это решение могло быть также связано с закрытием неофициальной иезуитской миссии в Смоленске, которое произошло как раз в апреле–мае 1690 г. и было связано с попаданием в руки русского правительства переписки тамошних иезуитов, из которой следовало, что они занимались не только миссионерской, но и разведывательной деятельностью в русском государстве (см. подробнее [12]). Тогда же в Москве стало известно и о контактах с иезуитами и католиками митрополита Симеона, а глава смоленской миссии, Михаил Яконович, даже пересказал в одном из своих писем сожаления митрополита по поводу краха его надежд стать патриархом после смерти предстоятеля русской церкви Иоакима (см. подробнее [3]). Соответственно, в этих условиях столичные власти могли пойти на запрет рукоположений митрополитом «зарубежских ставленников», чтобы ослабить связи Симеона с Речью Посполитой.

Решение о прекращении рассмотренной выше формы поддержки белорусского православия было принято несмотря на то, что его положение в Речи Посполитой с точки зрения русских властей не только не улучшалось, но даже и ухудшалось. В частности, в столбце дел с отписками смоленских и других пограничных воевод за 1689 г. сохранилась выписка о донесении (получено в Москве в апреле 1690 г.; попало в столбец ошибочно) русского резидента Ивана Волкова о положении Белорусской (Могилевской) епархии: «Да в Магилеве есть благочестивые многие церкви и бывал напред сего в том городе Магилеве епископ и тому уже многие годы, как тот епископ умре, а правили на ево ме[сте] благочестивые наместники. А ныне и наместника нет, нет уже никому и бьет челом королевскому величеству на то епископию Могилевскую из Слуцка и из ыных мест архимандриты благочестивые веры и тем архимандритом чинятца ответы таковы, естли кто учинит присягу, что быть ему на той епископии

¹⁰ См. Приложение, док. № 2.

¹¹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 1. Л. 157–158.

¹² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 1. Л. 193.

¹³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1691 г. Д. 1. Л. 1–176; 1692 г. Д. 1. Л. 1–159; 1693 г. Д. 1. Л. 1–505; 1694 г. Д. 1. Л. 1–53.

униятом и будучи на епископии и подручных своих к тому ж приводить в унию, тогда такому епископом в Магилеве быть его королевское величество позволяет, а бес такие присяги никому епископом быть не допускает»¹⁴. Уже 8 мая 1690 г. русская дипломатия излагала эти претензии польскому резиденту в Москве Доминику Довмонту, потребовав назначить белорусского епископа: «Да и о том великим государям, их царскому величеству известно, что на Белой Руси Могилевской епископии благочестивые церкви исповедники быют челом королевскому величеству о привилии, чтоб им волными гласы на Могилевское епископство избрати епископа, и потому их челобитью в том их прошении чинится им великая трудность и на епископство избрати им греческие веры исповедника не позволяют, а принуждают их, чтоб они избрали себе на то епископство унията, а они такова не хотят, потому что у них униятов изначала не бывало и ныне нет и впредь в унии быть не хотят. И великие государи, их царское величество, того у его королевского величества, яко у брата своего желают, дабы его королевское величество для их царского величества любви и по договором Вечного миру показал над ними милость, поволит им на Могилевскую епископию обрати волными гласы епископа, кого они излюбят, а не унията и указал бы им дать о том обрании свой королевского величества привилей»¹⁵. Однако последствий этот демарш не имел. С этим, видимо, связано то, что рукоположения кандидатов в 1690-е годы продолжились, но теперь уже в Новгороде и Пскове.

Как уже отмечалось, Ф. Шаховскому удалось собрать сведения о 55 рукоположениях в период за апрель 1687 — июль 1690 гг. Если добавить к ним вышеуказанный факт посвящения Феодосия Корговцевича в 1686 г. и 12 поставлений в священники и дьяконы в 1685 г., то общее число известных случаев достигнет 68, в среднем около одиннадцати за год — в три-четыре раза больше, чем сообщал сам Симеон в разговоре с Шаховским. Трудно судить о масштабе этих цифр, не зная общего количества православных приходов, полной численности православного духовенства Великого княжества Литовского, не говоря уже о числе ежегодных поставлений новых священников в границах Белорусской епархии. Однако двузначная цифра рукоположений в Смоленске, при том, что факт поставления во второй половине 1680-х годов в Новгороде остается единичным, а в Пскове, несмотря на указ 1684 г., подобные случаи за этот период неизвестны вовсе (только в 1690-х годах), является достаточно показательной. Число визитов в Смоленск на рукоположение, в том числе после 1686 г., свидетельствует, что указанный церковный центр оставался востребованным для кандидатов на посвящение в духовный сан и после появления митрополита в Киеве, в первую очередь, видимо, в силу географической близости. Другим возможным фактором этого могла быть личность митрополита Симеона, приверженного традициям православия Киевской митрополии и потому вполне лояльного к представителям белорусского духовенства. Социальный состав визитеров и география мест, откуда они прибывали в Смоленск, расширившаяся в 1685–1690 гг. от крупных монастырских центров (Вильно, Полоцк, Витебск) до небольших местечек и приходских церквей, показывают широкую осведомленность православного населения Восточной Белоруссии о существовавшей системе российской поддержки местной православной церкви в один из сложнейших периодов ее существования.

¹⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. 1689 г. Л. 42, 44–45.

¹⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 3. Л. 191, 203–204.

В Приложении публикуются оригинальные росписи «зарубежским ставленникам», составленные князем Ф. Шаховским, и формуляр выдававшейся им «ставленной грамоты». Издание осуществлено по «Правилам издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

Приложение

№ 1

1690 г. не позднее 7 июля. Списки священников и дьяконов, рукоположенных митрополитом Симеоном в 1688–1698 гг.

(Л. 159) Роспись зарубежским ставлеником, кто в каком месяце и числе приехали в Смоленск нынешнего 198 году.

Маия в 25 день приехал из Могилева Серефион Селява, родиною он сказался города Вилны, а пострижен де он в городе Полоцке, в Богоявленском монастыре, тому де третьей год. А ис Полоцка де он приехал в Могилев з богоявленским игуменом Гедеоном Савицким, таму ныне с полгода. А к преосвященному Симиону митрополиту смоленскому и дорогобужскому од богоявленскова игумена Гедеоны Савицкова привес лист и посвященн во дьяконы на праздник Вознесения Господня¹⁶, а совершен во свещеники на праздник Живоначальные Троицы¹⁷.

Июня в 16 день приехал Аршанского повету местечка Росасны мещанской сын Лукаш Кафлич, а приехал де он в Смоленск для восприятия священства. А живет де он на митрополье дворе, а с ним крестьянин того ж местечка Росасны Стенка Луканов.

Июня во 18 день приехал иза рубежа местечка Раманова шлехецкой сын Иван Иванов сын Дашкеевич для восприятия священства и к преосвященному Симиону, митрополиту смоленскому и дорогобужскому, привес два листа, один от наместника города Могилева Гедеоны Савицкова, а другой лист князя Михаила Саколинского, а с ним крестьянин того ж местечка Романова Федька Степанов.

И Оршанского повету местечка Росасны мещанского сына Луку Кафлича и местечка Романова шлехецкого сына Ивана Иванова сына Дашкеевича преосвященный¹⁸ митрополит на праздник святых верховных апостолов Петра и Павла¹⁹ абеих в одно служение посветил во дьяконы, а ныне ани живут в Смоленску и дожидаюца как преосвященный митрополит совершит их в попы.

Роспись жа зарубежским жа ставленикам, что сыскано по запискам прежним на приежем дворе на посаде 197 году.

Сентебря в 23 день евились в Смоленску на приежем дворе зарубешские поповы дети гора²⁰ Менска Семен да Иван Горасимовы. Приехали де ани к преосвященному Симиону митрополиту для постановления в попы.

(Л. 160) Генваря в 1 день евился в Смоленску на приежем дворе города Шклова церкви Успения пресвятыя Богородицы дьячек Иван Семенов. Приехал он к преосвященному²¹ Симиону митрополиту с листом от Федора Богдановича для постановления в попы.

¹⁶ 29 мая 1690 г.

¹⁷ 8 июня 1690 г.

¹⁸ Так в рукописи.

¹⁹ 29 июня 1690 г.

²⁰ Так в рукописи. Должно быть «города».

²¹ Так в рукописи. Должно быть «преосвященному».

Маия во 18 день евился в Смоленску на приежем дворе города Орши попович Иван Дмитриев да мещанин Павел Петров. Приехали де ани с листом к преосвященному Симиону митрополиту для поставления в попы.

Июня в 15 день евился в Смоленску на приежем дворе города Борисова игумен Феодосий Воскресенского монастыря, а с ним чернец Феофан. Приехал де он к преосвященному Симиону митрополиту для постанабления в дьяконы старца Феофана, а с ними один человек челядник.

А больши того на приежем дворе по запискам и в приказной полате не сыскано.

Всего в прошлом году и в нынешнем из-за рубежа в приезде для посвящения 9 человек²².

РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 1. Л. 159–160. Подлинник.

№ 2

1690 г. не позднее 17 июля — Формуляр ставленной грамоты для кандидатов в священники и дьяконы смоленского митрополита Симеона

(Л. 126) *Список с ставленной грамоты, каковы даютца ставлеником, зарубежным попом.*

У подлинной же грамоты верху подпись: смиренный Симеон митрополит, а в конце подпись ево ж рука, смоленский и дорогобужский.

Божиею милостию преосвященный Симеон, митрополит богоспасаемых градов Смоленска и Дорогобужа, год и месяц, и число, били челом великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержцем зарубежной стороны имярек, уезду, села имярек, а нам, преосвященному митрополиту подали челобитную, а в челобитной их написано: в селе де имярек, у церкви и престола имярек, священника нет, а посвятити на иерейство не кому, потому что архиерея благочестивого у них нет, а ко унеяцким архиереом приходили²³ и благословения просити не хотят и чтобы нам, преосвященному митрополиту, пожаловать их, присланного от них имярека к той вышеписанной церкви на иерейство посвятити. И мы, преосвященный Симеон, митрополит смоленский и дорогобужский по благодати дара и власти пресвятого и животворящего духа, данные нам от великого архиерея Господа нашего Иисуса Христа для ради расширения церкви Божия того имярека всяцем опасным истязанием прилежно испытавше и достоверными свидетелствы о нем уверившись, к сему ж и с поручения от исповадавшего его отца духовного взявше, судихом достойна быти святого сана презвитерского и тако убо с чиновне по степенем и по обычаю святые апостольския восточные церкви поставил в священосцы, в четцы, в подияконы, во дьяконы и совершил в попы к той вышеписанной церкви имярека и он, иерей имярек, по правилу святых апостол и святых богоносных отец и нашего смирения благословению священническая да действует. А детей своих духовных благочестивой вере учити, а о недоимеваемых во всяких духовных вещех докладывати ему своего архиерея, который в то время на престоле будет. И да не приходит ему от церкви к церкви без архиерейского благословения, ащели где будет володеть, не явьясь архиерею своему или нам[естнику]²⁴ архиерейскому, забых страх Божий

²² Все предложение — это приказная помета, написанная другим почерком и более темными чернилами.

²³ Так в рукописи. Должно быть «приходить».

²⁴ Текст восстановлен на месте дыры в листе.

и святых апостол и святых богоносных отец заповеди, начать зазорное житие жити, и он священническая да не действует. И сего убо ради дана ему бысть сия наша благословенная ставленая грамота на утверждение²⁵ его. Писана в богоспасаемом граде Смоленске при кафедральной церкви Успения Пресвятыя Богородицы лета 7000-го, месяца, числа.

РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1690 г. Д. 1. Л. 126. Подлинник.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИАИ – Историко-архивный институт.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва.

РГГУ – Российский Государственный гуманитарный университет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью. 1676–1686 гг. Исследования и документы / под общ. ред. митрополита волоколамского Илариона. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2019. 912 с.

Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Оп. 1. 1689 г. Д. 1; 1690 г. Д. 1; 1690 г. Д. 3; 1691 г. Д. 1; 1692 г. Д. 1; 1693 г. Д. 1; 1694 г. Д. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 544 с.
2. *Кочегаров К.А.* Князья Огинские и сношения православных Великого княжества Литовского с Россией в 80-х гг. XVII в. // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре / редколл. Б.Н. Флоря (отв. редактор), Бернд Бонвеч, Ю.Е. Ивонин, Л.П. Марней, Б.В. Носов. М.: Индрик, 2009. С. 82–117.
3. *Кочегаров К.А.* Пытались ли иезуиты добиться патриаршества? Смоленский митрополит Симеон и выборы главы Русской церкви в 1690 г. // Юбилейный сборник статей в честь Евгения Владимировича Пчелова / отв. ред. д.и.н., проф. В.И. Дурновцев; сост. Н.А. Комочев, К.С. Худин. М.: ИАИ РГГУ, 2022 (в печати).
4. *Кочегаров К.А.* Россия и православная церковь Великого княжества Литовского в первые годы после заключения договора о Вечном мире (1686 – начало XVIII в.) // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 / ред.-сост. К.А. Кочегаров, Л.К. Новосельцева, А. Форго, О.В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 169–196.
5. *Попов Н.П.* 1685 г. О поездке в Смоленск к митроп. Симеону «для великих духовных дел» // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1907 год. Кн. 2 (221) / под ред. Е.В. Барсова. Отд. 5. Смесь. М.: Типография штаба Московского военного округа, 1907. С. 38–44.
6. *Попов Н.П.* Соборы патриарха Иоакима на митрополита смоленского Симеона // Смоленская старина. Смоленск: издание Смоленской ученой архивной комиссии, 1909. Вып. 1. Ч. 1. С. 313–343.
7. *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 604 с.
8. *Трофимовский Н.В.* Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб.: в типографии духовного журнала «Странник», 1864. [4] + VIII + 384 с.
9. *Флоря Б.Н., Кочегаров К.А., Чеснокова Н.П., Яфарова М.Р.* Киевская митрополия, Московский патриархат и Константинопольский патриархат в 1676–1686 годах // Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью. 1676–1686 гг. Исследования и документы / под общ. ред. митрополита волоколамского Илариона. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2019. С. 33–137.

²⁵ Так в рукописи.

10. Флоря Б.Н. Россия и попытки установления «новой унии» в Речи Посполитой (1678–1681 годы) // Славяноведение. 2015. № 2. С. 3–18.
11. Bendza M. Tendencje unijne względem cerkwi prawosławnej w Rzeczypospolitej w latach 1674–1686. Warszawa: Chrześcijańska akademія teologiczna, 1987. 242 s.
12. Kochegarov K. The Jesuit mission and Catholic community in Smolensk in the first years after the treaty of Eternal Peace 1686 // *Foreigners in Early Modern Muscovy*. London, 2022 (в печати).

REFERENCES

- Bendza M. *Tendencje unijne względem cerkwi prawosławnej w Rzeczypospolitej w latach 1674–1686*. Warszawa, Chrześcijańska akademія teologiczna Publ., 1987, 242 p. (In Pol.)
- Bushkovich P. *Petr Velikii. Bor'ba za vlast' (1671–1725)*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2008, 544 p. (In Russ.)
- Floria B.N., Kochegarov K.A., Chesnokova N.P., Iafarova M.R. Kijevskaia mitropolia, Moskovskii patriarkhat i Konstantinopol'skii patriarkhat v 1676–1686 godakh. *Vossojedinienie Kijevskoi mitropolii s Russkoi pravoslavnoi tserkov'iu. 1676–1686 gg. Issledovaniia i dokumenty*, ed. Ilarion (Alfeev), Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia» Publ., 2019, pp. 33–137. (In Russ.)
- Floria B.N. Rossiia i popytки ustanovleniia «novoi unii» v Rechi Pospolitoi (1678–1681 gody). *Slavianovedeniie*, 2015, no. 2, pp. 3–18. (In Russ.)
- Kochegarov K. The Jesuit mission and Catholic community in Smolensk in the first years after the treaty of Eternal Peace 1686. *Foreigners in Early Modern Muscovy*, London, 2022 (in print).
- Kochegarov K.A. Kniaz'ia Oginskije i snosheniia pravoslavnykh Velikogo kniazhestva Litovskogo s Rossiei v 80-kh gg. XVII v. Rossiia, Pol'sha, Germaniia: istoriia i sovremennost' jevropeiskogo jedinstva v ideologii, politike i kul'ture, ed. B.N. Floria, Bernd Bonvech, Iu. Je. Ivonin, L.P. Marnei, B.V. Nosov, Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 82–117. (In Russ.)
- Kochegarov K.A. Pytalis' li iezuity dobit'sia patriarshestva? Smolenskii mitropolit Simeon i vybory glavy Russkoi tserkvi v 1690 g. *Iubileinyi sbornik statei v chest' Jevgeniia Vladimirovicha Pchelova*, ed. V.I. Durnovtsev, N.A. Komochev, K.S. Khudin. Moscow, IAI RGGU Publ., 2022 (in print). (In Russ.)
- Kochegarov K.A. Rossiia i pravoslavnaia tserkov' Velikogo kniazhestva Litovskogo v pervye gody posle zakliucheniia dogovora o Vechnom mire (1686 – nachalo XVIII v.). *Vzaimodeistvii i konflikty na konfessional'no i etnicheski smeshannykh territoriiakh Tsentral'noi i Vostochnoi Jevropy, 1517–1918*, ed. K.A. Kochegarov, L.K. Novosel'tseva, A. Forgo, O.V. Khavanova, Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2016, pp. 169–196. (In Russ.)
- Popov N.P. 1685 g. O poezdke v Smolensk k mitrop. Simeonu «dlia velikikh dukhovnykh del». *Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*, 1907, vol. 2 (221), ed. Je.V. Barsov, part. 5. Smes', Moscow, Tipografiia shtaba Moskovskogo voennogo okruga Publ., 1907, pp. 38–44. (In Russ.)
- Popov N.P. Sobory patriarkha Ioakima na mitropolita Smolenskogo Simeona. *Smolenskaia starina*, Smolensk, izdaniie Smolenskoi uchenoi arkhivnoi komissii Publ., 1909, issue 1, part 1, pp. 313–343. (In Russ.)
- Sedov P.V. *Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskii dvor kontsa XVII veka*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2008, 604 p. (In Russ.)
- Trofimovskii N.V. *Istoriko-statisticheskoe opisanie Smolenskoi jeparkhii*. St. Petersburg, v tipografii dukhovnogo zhurnala «Strannik» Publ., 1864, [4] + VIII + 384 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Кирилл Александрович Кочегаров,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдела истории славянских народов
Центральной Европы в Новое время,
Институт славяноведения РАН,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9877-7381>
E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

Information about the author

Kirill A. Kochegarov,
Ph D. (History) Senior Research Fellow
Department of the history of Slavic nations of the
Central Europe in the Modern Times.
Institute of Slavic studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9877-7381>
E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru



Славяноведение, 2022, № 2, с. 27–38

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 2, pp. 27–38

DOI: 10.31857/S0869544X0019023-8

Оригинальная статья / Original Article

Классика филологии в свете историографии начальной Руси:
В связи с выходом книги: А. Стендер-Петерсен
«Варангика: историко-филологические изыскания»

© 2022 г. В.Я. Петрухин

Институт славяноведения РАН,
НИУ Высшая школа экономики
(Москва, Российская Федерация)

vladimir.petrukhin@gmail.com

*Работа выполнена в рамках гранта Президентского фонда культурных инициатив
«Археологические исследования затопленной крепости Саркел – Белая Вежа и Пра-
вобережного Цимлянского городища» (номер заявки ПФКИ-21-1-004870)*

Аннотация. Опубликованные в 1930–1950-х годах работы датского классика славистики А. Стендер-Петерсена не потеряли своей актуальности. Начальные сюжеты русской истории (летописные деяния первых князей, призвание варягов, походы на Царьград) рассматриваются в контексте, не ограниченном односторонней проблемой варяжского воздействия на эту историю. Автор стремился понять начальную русскую историю с позиций *взаимодействия* культур славян, хазар, скандинавов и Византийской империи. Этот подход способствует не только пониманию роли варягов в создании системы трансконтинентальных коммуникаций, но и плодотворному развитию поисков исторического начала в книжных сюжетах.

Ключевые слова: варяги, русь, славяне, хазары, Византия, начальная летопись, трансконтинентальные коммуникации.

Ссылка для цитирования: Петрухин В.Я. Классика филологии в свете историографии начальной Руси: В связи с выходом книги: А. Стендер-Петерсен «Варангика: историко-филологические изыскания» // Славяноведение. 2022. № 2. С. 27–38. DOI: 10.31857/S0869544X0019023-8

Classics of philology in the light of historiography of initial Rus':
In connection with the publication of the book by A. Stender-Petersen.
Varangika: historical and philological research

© 2022. Vladimir Ia. Petrukhin

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences; National Research
University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

vladimir.petrukhin@gmail.com

Abstract. The works of the Danish classic of Slavic studies A. Stender-Petersen, published in the 1930s and 1950s, have not lost their relevance. The initial plots of Russian history (the chronicle deeds of the first princes, the vocation of the Varangians, the campaigns against Tsargrad) are considered in a context not limited by the one-sided problem of the Varangian influence on this history. The author sought to understand the initial Russian history from the standpoint of cultural interaction of the Slavs, Khazars, Scandinavians and the Byzantine Empire. This approach contributes not only to the understanding of the role of the Varangians in the creation of a system of transcontinental communications, but also to the fruitful development of the search for the historical principle in book plots.

Keywords. Varangians, Rus', the Slavs, the Khazars, Byzantium, Primary Chronicle, transcontinental communications.

Reference for citation: *Petrukhin V.* Classics of philology in the light of historiography of initial Rus': In connection with the publication of the book by A. Stender-Petersen. *Varangika: historical and philological research // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2022. No. 2. Pp. 27–38. DOI: 10.31857/S0869544X0019023-8

Русский перевод разновременных работ одного из классиков славистики — датского филолога Адольфа Стендер-Петерсена (1893–1963) вышел во время очередного всплеска неутихающей полемики со времен становления отечественной науки — полемики по «варяжской проблеме». Господствовавшие в официальной науке советских десятилетий стереотипы не допускали серьезного знакомства с работами тех исследователей, которые не вписывались в «борьбу с реакционной норманской теорией»¹. Опубликованные в постсоветское время труды «норманистов» В. Томсена [21], К. Тиандера [20] и других лишены необходимых для читателя комментариев. Подготовленное Е.А. Мельниковой издание трудов датского слависта вводит их в отечественный научный оборот со всеми необходимыми примечаниями, ремарками и указателями, ее вступительная статья характеризует творчество А. Стендер-Петерсена в контексте развития науки XX в.²

Несколько десятилетий отделяет нас от творчества датского слависта, что вызывало у его издателей естественное беспокойство: не стало ли оно уделом историографических констатаций. Однако подход Стендер-Петерсена, стремившегося понять, как взаимодействовали в раннем Средневековье два абсолютно несхожих мира — морской мир балтийских варягов и мир «материковых» славян — остается актуальным. Главная проблема этого взаимодействия в книге датского слависта — влияние скандинавских сюжетов на Начальную летопись, которой посвящено монографическое исследование «Варяжские сказания как источник “Повести временных лет”» (первая часть книги). Естественно, автор во многом опирается на установки предшествующей историографии, что сказывается на его понимании проблем: русь для него — *племя* скандинавского происхождения (таковым было «библейское» понимание этого имени летописцем и следовавшего за летописью А.А. Шахматова и др.), варяги — *сословие*, статус которого определяется с XI в. византийскими источниками. Поэтому первым фольклорным «сказанием» о варягах

¹ Шадающую объективизирующую характеристику вкладу А. Стендер-Петерсена в полемику дал И.П. Шаскольский [24. С. 42–46 и др.]. Ср. оценку Е.А. Мельниковой в предисловии к обсуждаемому изданию [19. С. 18]. Продолжает традицию шельмования признанной филологами скандинавской этимологии имени *русь* и инициатор недавней дискуссии в «Этнографическом обозрении», см. [12], об общепринятой этимологии у Стендер-Петерсена см. [19. С. 212–213] и ниже.

² Некоторый собор происходил разве что в цитатах из Повести временных лет (Стендер-Петерсен использовал немецкий перевод): в книге даются ссылки на лаврентьевский текст по академическому изданию 1996 г. с добавлениями по ипатьевскому варианту, но в переводе на русский язык [19. С. 49–50].

автор считает летописный рассказ об обмане варягов Владимиром под 980 г., ведь князь тогда и отправил варягов в Византию; известие о призвании варягов Игорем под 941 г. объявляется «транспонированием» сюжета на более древние времена [19. С. 29]. Действительно, за скупым сообщением летописи не читается «сказание», Стендер-Петерсен, однако, игнорирует летописный контекст: Игорь обратился за помощью к варягам после неудачного похода на Византию, поскольку его собственное войско — русь — было разгромлено. Очевидно, «славяно-варяжский синтез» (в терминологии В.Т. Пашуто) имел ранние истоки в эпоху призвания варяжских князей, и представления об «этническом дуализме», когда заимствованные скандинавские имена в летописи должны свидетельствовать о непосредственном воздействии «скандинавской устной традиции» [19. С. 30–36] (ср. [19. С. 289]), остаются гипотетическими.

Соответственно, установка на воздействие собственно варяжской традиции, испытывавшей *византийское* культурное влияние, у Стендер-Петерсена призвана корректировать расхожие представления «норманистов» об исключительно «северном» влиянии на Русь. Именно эти сказания, передаваемые образованным в Византии варяжским «сословием», а не архаический фольклор должен был воспринимать русский книжник, составлявший летопись [19. С. 43]. Естественно, главное и начальное для летописной традиции «сказание» — сказание о призвании варягов (вторая глава, [19. С. 49–72]). Текстологические представления Стендер-Петерсена в отношении этого сказания в целом соответствуют установкам современной историографии (Т.Л. Вилкул и др.): текст Новгородской первой летописи, который Шахматов относил к «Начальному своду», считается сокращением текста ПВЛ, архаичные детали сохраняет ипатьевской вариант Начальной летописи; соответственно «сказание» сначала помещает Рюрика в Ладоге, которая у Стендер-Петерсена ассоциируется с весью, Трувора — в Изборске (чудь), Синеуса — в Белоозере (меря). Здесь у автора происходит некая аберрация, ибо ПВЛ помещает весь на Белом озере, а мерю — на Ростовском: очевидно, Стендер-Петерсен увлекся ролью финских народов, учитывая, что имя *русь* («народ руотси») было передано славянам при финском посредстве, но эта передача должна была состояться до призвания варяжских князей. Он видит фольклорную основу в распространённых стереотипных мотивах о переселении трех братьев из-за моря (Швеции), отыскивая византийские параллели, которые позволили бы приписать сюжет переселения «русским варангам». Тенденциозность самого мотива добровольного «призвания» автор усматривает в интересах «чужеземного правящего сословия» (варягов), а не в «ученом вымысле патриота-летописца» [19. С. 62]: напомним, что В.О. Ключевский считал легенду о призвании комбинацией летописца, стремившегося продемонстрировать «правовой» характер происхождения княжеской власти [8. С. 153]. Стендер-Петерсен обосновывает свою интерпретацию легенды о призвании как варяжского сказания параллелями из ирландской традиции о захвате земель тремя братьями-викингами³, и даже призыванием нормандцев из Нормандии в Южную Италию, ибо нормандцы могли контактировать с варяго-росами из Византии и передать им ставший «бродячим» сюжет. Естественно, приводится и англосаксонская легенда о призвании саксов в Британию, но и здесь предполагается не только обычный для историографии (со времен А. Куника) путь заимствования от англосаксонских беженцев, прибывших в XI в. на Русь при заключении брака Мономаха с Гидой Гаральдовой, а и посредство «английского варанга» в Константинополе.

³ Ср. об ирландских параллелях сказанию о призвании варягов [11].

Более определенно, на мой взгляд, можно предполагать византийские источники в связи с «варяжскими сказаниями о военной хитрости» — стратагемами (третья глава). К таким истокам можно относить рассказ о захвате осажденного города при помощи предательства: Настас Корсунянин пустил стрелу с указанием места водопровода осаждающим — мотив, известный по «Стратагемам» Полиэна и т.п. [19. С. 76–77]. В рассказе о белгородском киселе, когда некий старец советует горожанам продемонстрировать осаждавшим печенегам бесконечный источник пищи (кисель в зарытой в землю бочке), помимо античных параллелей, известных уже у Геродота, следует отметить и собственно славянские фольклорные мотивы (мудрый старец спасает общину от голода [14. С. 305]). Многочисленные примеры хитростей, которые можно отнести к сюжету «троянского коня»: в город пробираются обманом, прикидываясь купцами (как Вещий Олег в Киеве — этому купеческому сюжету специально посвящена 5-я глава) или умирающими (как викинг Хастинг в итальянской Луне). Распространен в античной традиции и сюжет закрытия пролива цепями⁴ с последующей переволокой судов по суше: так поступил у Саксона Грамматика Рагнар Лодброк под неким Дюнабургом на Западной Двине (глава 4).

Продолжает тему военной хитрости 6-я глава, посвященная сожжению осажденного города — сожжению Искоростеня при посредстве наловленных птиц; приведены многочисленные параллели из средневековой литературы, главными из которых автор считает скандинавские, в том числе сожжение Дюнабурга у того же Саксона. Непосредственный носитель «варяжско-варангской устной традиции», согласно Стендер-Петерсену, — Харальд Суровый, который, будучи на службе в Византии⁵, осаждал город на Сицилии и велел своим птицеловам наловить птиц в окрестностях — те и принесли в город горящие стружки [19. С. 116–117]; впрочем сам сюжет, полностью соответствующий деянию Ольги в ПВЛ, варанги могли почерпнуть на Ближнем Востоке — армянский средневековый автор приписывает багдадскому эмиру Ибн Хосрову требование легкой дани в виде собаки от каждого дома, собак он и использовал в роли поджигателей [19. С. 123]. Попытки проследить конкретные пути передачи этого сюжета с Ближнего Востока на Британские острова и далее связаны с популярным в науке 1930-х годов исследованием так называемых бродячих сюжетов.

Напротив, летописный рассказ о поединке героя с вражеским богатырем (7-я глава) не возводится автором к какому-либо очевидному источнику — библейскому сюжету Давида и Голиафа. Однако увлеченность сюжетной схемой поединка героев не позволяет заметить принципиальных различий в мотивах, составляющих сюжет. Если летописный поединок князя Мстислава и предводителя касогов Редеди действительно относится к схватке равных соперников, то бой кожемяки с печенежским великаном начинается с насмешки великана над юным и малорослым противником, что явно отсылает к библейскому рассказу (1-я Царств, 17:42). Стендер-Петерсен замечает, что в приводимом им сюжете поединка датчанина Уффи и саксонского богатыря у Саксона Грамматика необузданной богатырской силой отличается как раз Уффи (отцовская кольчуга налезает ему лишь на одно плечо), его фигура противоположна библейскому Давиду. Речь может идти об универсальных мотивах героического эпоса (включая касожский/абхазский [2. С. 258–261]), но не о «фантазиях на варяжскую и библейскую тему» [19. С. 139].

⁴ Цепью перекрывался Золотой Рог не только во время осад, но и на ночь; впрочем, так защищали и прочие средиземноморские гавани, см. [17. С. 136, 316].

⁵ См. о деяниях Харальда в связи с проблемой соотношения истории и «саги» [4. С. 117–156].

Не менее распространенным фольклорным сюжетом представляется и сюжет «коня, предвещающего смерть своему хозяину»⁶, ему посвящена 8-я глава: Стендер-Петерсен именует этот сюжет в ПВЛ «жемчужиной устного творчества» [19. С. 143]. Традиционно (в отечественной историографии уже в монографии К. Тиандера, впервые изданной в 1906 г.) летописный сюжет сопоставляется с рассказом фантастической «Саги об Орваре-Одде»: действительно, скандинавская прорицательница (вёльва) предсказывает герою смерть от змеи, выползающей из черепа его коня; тот в ярости бьет провидицу, коня убивает и зарывает в глубокую яму под курганом; за 300 лет, что прожил герой (посетивший чудесные страны), курган разрушился, и Одд споткнулся об обнажившийся череп коня. Стендер-Петерсен приводит многочисленные варианты сюжета в фольклоре Северной Европы, замечая, что разные животные и неживые предметы могут угрожать смертью в этом сюжете (вспомним веретено в сказке о спящей красавице), наконец обнаруживает вероятный сюжет о смерти от коня в Византии (у сербов на Балканах в османский период, где врач предостерегает султана от смерти), что позволяет ему приписывать формирование сюжета константинопольским варягам в доосманские времена. Можно поддержать наблюдение автора касательно того, что врач султана мог быть астрологом — совмещение этих специальностей было обычным в средние века, но характерный для сюжета в целом мотив оскорбленного предсказателя сохранился в версии саги⁷: скандинавский вариант выглядит более цельным, чем летописный и сербский.

Очевидное варяжское происхождение имеет летописный сюжет о сватовстве к Рогнеде, дочери варяга Рогволода, обосновавшегося в Полоцке в период борьбы Владимира Святославича за киевский стол (9-я глава). «Варяжский» мотив житийной корсунской легенды, где Корсунь сдает Владимиру не летописный грек Настас, а варяг Жберн (Сигбьерн), за что получает плененную корсунскую царевну, соотносится с позднейшим летописным рассказом о демонстративном насилии над Рогнедой Владимира и попытке отомстить насильнику в брачную ночь. Приводятся античные и средневековые параллели сюжету этой мести (включая смерть Атиллы от руки наложницы); конфликт, связанный с престижным браком, принадлежит мировому фольклору (с него начинается Илиада), овладение городом (страной) приравняется в фольклоре к овладению царицей. С этой точки зрения воздействие «варяжской саги» на сюжет «Саги об Олаве Трюггвасоне» о неудачной женитьбе этого конунга на Гудрун [19. С. 186] остается гипотезой.

В завершающей монографию о «варяжских сказаниях» итоговой 10-й главе автор предполагает, что «варяжская устная традиция культивировала форму коротких прозаических рассказов, на скандинавской почве носившей название “прядь”» (с. 189)⁸. Извечного соблазна напрямую соотнести фольклорные мотивы с историческими фактами Стендер-Петерсен избегает. С неточностями встречаются, когда автор обращается к текстологическим проблемам: так, детали расправы над Игорем приводятся не в летописи (ср. [19. С. 190]), а в словах византийских послов, приводимых Львом Диаконом (те утверждают, что Игорь погиб в походе на «германцев»,

⁶ Ср. работы об этом сюжете Е.А. Мельниковой [9] и С.Ю. Неклюдова [10]. Помимо давно отмеченных скандинавских параллелей, показательна римская традиция: Светоний свидетельствует, что сам Цезарь при переходе Рубикона посвятил табуны своих коней богам «и отпустил пастись на воле»; накануне убийства диктатора кони отказывались от еды и проливали слезы (см. [18. С. 46–47]). Впрочем, Светоний не был известен в Византии, и предполагать знакомство варягов с его версией сюжета оснований нет.

⁷ Ср. о мотиве предсказания [3. С. 366].

⁸ Пряди стали доступны русскоязычному читателю, благодаря переводам Е.А. Гуревич [6].

что делает еще более актуальными приводимые автором германские параллели казни на согнутых деревьях (см. [13. С. 280–281]). Предположение о том, что упоминание Свенельда в договоре с греками, заключенном в 971 г. князем Святославом, относится не к летописному воеводе, а является скандинавским именем самого Святослава, не учитывает того, что в договоре с греческой стороны упоминается не только император Иоанн Цимисхий, но и Феофил синкел [16. С. 34].

Статьи, включенные во вторую часть книги («Русско-скандинавские связи в историко-филологическом освещении»), во многом опираются на разработки, предложенные в монографии о «варяжских сказаниях». Автор далек от радикальных издержек как «норманистов», так и «антинорманистов» — представлений о культурном превосходстве заморских норманнов (варягов) над континентальными славянами или поисков исконного (примордиального) присутствия автохтонной руси (варягов) на континенте. Варяги и славяне были участниками интенсивного этнокультурного обмена с миром византийской цивилизации. Датского слависта отличает объективный интерес к позициям современной ему историографии (в том числе советской — работам Б.Д. Грекова и В.В. Мавродина) и неприятие стереотипных кабинетных этимологий имени *русь*, от иранской роксоланской (с. 243–244) до «жуткой» этрусской теории Н.Я. Марра [19. С. 206]. Впрочем, критикуя поспешное послевоенное (1947) «норманистское» интервью авторитетного знатока восточноевропейских древностей Т. Арне, сам Стендер-Петерсен оказался заложником историографического стереотипа: он воспринимал скандинавское название Руси «Гардарики» как обозначение «страны городов», экономического феномена, который должен был поразить варягов, этих «городов» не имевших; в редакционном примечании Е.А. Мельниковой [19. С. 208] уточняется, что речь идет об усадебном расселении, но не собственно о городах. Замечу, в связи со скандинавским наименованием Новгорода — *Хольмгард*, что стабильная усадебная планировка была свойственна с X в. и самому Новгороду.

Этимология имени *русь* важна для Стендер-Петерсена, поскольку помогает понять исторический механизм распространения этого имени в славянской среде. Автор следует принятой у лингвистов этимологии В. Томсена: прибалтийские финны передали славянам это имя, восходящее к скандинавскому обозначению дружины, идущей на гребных судах — *rōps-mæn* и т.п. [19. С. 212–213]. Это обозначение и было впервые зафиксировано в форме *Rhos* латинскими Бертинскими анналами [1], рассказывающими о прибытии людей «Рос» в Ингельхайм к Людовику I Благочестивому в составе посольства византийского императора Феофила в 839 г. Их появление на Рейне знаменовало, по Стендер-Петерсену, первый этап «русско-варяжских отношений» [19. С. 215]; дискуссия, порожденная первым появлением людей «Рос», продолжающаяся по сей день, связана с «северной» атрибуцией самих этих людей — «от рода свеонов» (шведов) и южной атрибуцией их правителя — хакана. Автор оказался заложником историографических трактовок восприятия титула хакан (каган), приписав его правителю «росов» — свеонов/норманнов, в то время как в письме Людовика II этот титул признавался только за аvaraми, но не за норманнами. Этот начальный этап проникновения скандинавов вглубь Европы связан с использованием р. Дон как основной магистрали трансконтинентальных контактов: эта река находилась под контролем хазарского кагана, и русь явно участвовала в хазарском посольстве к Феофилу, которое просило о строительстве крепости Саркел на Дону⁹.

⁹ Ср. представления В.О. Ключевского [8. С. 145]; о новых исследованиях Саркела и хазарских крепостей см. [22. С. 55–58], схожий подход к роли хазар самого Стендер-Петерсена см. [19. С. 243, 298–302].

К первому этапу Стендер-Петерсен относит и первый поход руси на Царьград в 860 г.: парадоксальным образом автор настаивает, что «это был этап этнического продвижения шведского народа *русь* и его политической организации» [19. С. 215]. Вопреки принятой им этимологии Стендер-Петерсен продолжает следовать летописной (библейской) интерпретации начальной руси как народа — языка/этнoса, хотя и предполагает у этой руси наличие «политической организации». Эта установка сталкивается с источниковыми проблемами уже на втором этапе «русско-варяжских отношений», когда распространяется термин *варяг*: как уже говорилось, автор игнорирует летописный сюжет различия руси как княжеской дружины и варягов как призванных в 944 г. на помощь наемников. Занятия варягов в IX и X вв. он ограничивает «чисто торговой деятельностью», что относится к стереотипам историографии, преувеличивающей значение торговли и торговых «организаций» начальной Руси (начиная с В.О. Ключевского и А.А. Шахматова).

На третьем этапе «русско-варяжских отношений» князь Владимир в борьбе за киевский стол использовал для найма войска сложившиеся торговые организации, давшие наемникам свои имена — *варяги* или *колбяги*. Эти имена были усвоены и византийцами для обозначения контингентов иностранных наемников; наемники и способствовали распространению «варяжских сказаний», в том числе легенды о призвании варягов, и даже «смешанного варяго-русского языка», определившего обмен лексикой между русью и заморскими варягами [19. С. 221]. К воздействию корпорации варягов, «прочно осевших в Новгороде» на «Поромоне дворе», возводит автор и утверждение летописца, что новгородцы «суть от рода варяжска» уже и в четвертый «до-ганзейский» период [19. С. 224] (ср. [19. С. 282]).

Естественно, для автора этой периодизации неприемлемы представления Шахматова о поздней летописной глоссе, отождествляющей заморских варягов и русь; он подкрепляет предположение о варяжском «роде» новгородцев ссылкой на то, что в подвластных им городах летописные варяги — «находники» вытеснили местную элиту [19. С. 231]. Обращение к летописной текстологии заставляет Стендер-Петерсена модифицировать свою торговую «парадигму»: во фразе о киевском войске Олега — «и беша у него варязи словени и прочи[и] и прозвашася русью» как бы ни расставлять знаки препинания, ясно, что речь идет о «дружинниках, принятых в княжескую по-скандинавски организованную дружину» [19. С. 232]. Правда, дальнейшая расстановка знаков препинаний не учитывает летописного контекста: Стендер-Петерсен отделяет варягов от прочего воинства Олега двоеточием («поя же множество варяг[:] и словень, и чюдь, и кривичи, и мерю» и т.д.), игнорируя очевидное членение списка — варяги и словене образуют ту же пару, что и в киевском войске, т.е. означают собственно *русь*. Единство варягов и словен в летописи трансформируется как раз в связи с упомянутым походом Игоря в 944 г., и здесь двоеточие [19. С. 234] оказывается лишним: варяги означают не все войско, а наемников, призванных Игорем, недаром русь упомянута *отдельно* *вслед* за варягами. Но общая тенденция уловлена автором справедливо — имя *русь* переносилось на все княжеское войско, идущее (плывущее) в поход [19. С. 234].

Существенно иной — «этнографический» — контекст предполагают списки народов, помещенные в космографическое введение к начальной летописи — ПВЛ: исследователи этого введения, как правило, не учитывают того, что оно ориентировано на библейскую Таблицу народов (Бытие. 10), устанавливающую генеалогическое родство групп разных народов и их расселение в пределах Европы («Афетова колена» — потомков Ноя). Варяги в этом списке объединяют свеев, урманов, готов, русь и англян. Последующий список, по мнению Шахматова, объединял

народы Каролингской империи, но и здесь текстологи игнорировали библейскую структуру списка — во главе списка должен быть объединяющий этноним, каким были (если использовать шахматовскую систему препинаний) *галичане/вох-ва* — архаичные «галльские» (кельтские) этникины относились в начальной летописи к народам в империи франков: летописные волохи подчинили и славян, обосновавшихся на Дунае. В этом контексте совсем не «странно» (вопреки Стендер-Петерсену), что «русь названа дважды» [19. С. 236]: в генеалогическом отношении она «от рода варяжска», в географическом — пребывает в Русской земле на востоке Европы.

К анахронизмам в представлениях Стендер-Петерсена следует отнести интерпретацию летописной фразы о варягах, «сидящих к востоку до предела Симова»: Волга действительно текла по летописи в Каспий — предел Симов, но древнейшей магистралью, по которой восточная монета с рубежа VIII и IX вв. стала поступать на варяжский Север, был Дон (оттуда на Верхнюю Волгу), затем Днепр (ср. [19. С. 238]). По течению Волги (за пределами «ярославского Поволжья») нет следов скандинавского расселения, которые могли бы свидетельствовать о варяжской колонизации и распространении с ней имени *русь* (ср. [19. С. 240–241]). Анахронизмом является и отождествление земли «росов» Бертинских анналов, управляемой неким хаканом (839 г.), с «внешней Росией» Константина Багрянородного (середина X в.): внешняя Росия связана с днепровским путем, по которому для «росов» поставлялись гребные суда в Киев; росы Бертинских анналов, по мнению Стендер-Петерсена, прибыли из пределов Хазарии (ср. [19. С. 242–243]).

С упоминавшимися историографическими стереотипами связаны и представления автора о варягах и кульфингах/колбягах (ср. [19. С. 246–266]). Этимологически слово *варяг* восходит к обозначению чужака, обязавшегося служить по клятвенному договору в дружине князя, но на севере Восточной Европы оно приобрело «лишь этническо-географическое, а вовсе не военное значение» [19. С. 247]; в этнической атрибуции Стендер-Петерсен вновь следует летописи, варяги появляются на Востоке одновременно с русью, но идут не ее «политическим» путем освоения днепровского пути, а «чисто торговым» [19. С. 248] — освоением Волги (до предела Симова). Правда, автор признает, что в Византии имя *варяг* было воспринято от русских славян и стало означать воина «германского происхождения» [19. С. 253]. Больше проблем возникло в историографии с пониманием имени *колбяг* (др.-скан. *kylfingr*): в Византии, наряду с варягами, они составляли контингент наемников. Стендер-Петерсен указывает на возможность не «оружейного» понимания основы *kolfir*, означающей не палицу (дубину), а жезл, символ дружинного объединения¹⁰. В соответствии с общей тенденцией своего понимания русско-скандинавских отношений, автор характеризует эту дружину как купеческую, «сестринскую» по отношению к варяжской — ее интересы (по упоминаниям кульфингов в сагах) распространялись преимущественно на финно-угорский мир [19. С. 263–264].

Существенно, впрочем, что автор не ограничивает своего понимания этих отношений торговлей: в главке «Варяги и Киево-Печерский монастырь» [19. С. 267–277] он исследует роль выходцев из Скандинавии в распространении христианства на Руси (начиная с первых мучеников). Ко времени правления

¹⁰ Такого рода жезлы известны в Новгороде: замечательна находка деревянного зооморфного навершия, с резьбой в скандинавском стиле маммен на усадьбе второй половины X — середины XI в. [5]. Носители жезлов — дружинники Владимира — били низвергнутый кумир Перуна (в 988 г., см. [16. С. 52]).

Владимира и особенно Ярослава Стендер-Петерсен относит «собственно варяжский» период русско-скандинавских отношений (первый период связан с расселением «народа» *руотси/русь*), и здесь обнаруживая торговую составляющую — Поромень двор в Новгороде понимается им как купеческое подворье [19. С. 280–281]; соответственно конфликт между новгородцами и варяжской дружиной Ярослава в 1015 г. он интерпретирует как конфликт между воинами и «купеческим сословием», прямолинейно (в этническом смысле) воспринимая летописную конструкцию о новгородцах «от рода варяжска» как свидетельство скандинавского происхождения новгородцев. На Руси эпохи Ярослава, в предствлениях автора, осложнились отношения между разными группами варягов: не только Новгород, но и «варяжский город Полоцк» хотел доминировать на торговых путях [19. С. 285]. Тем временем на юге брат Ярослава Мстислав, опираясь на касогов и хазар, создал свое Тмутараканское княжество, претендуя и на Киев: Ярославу опять понадобилось призывать варягов, но их поражение у Листвена (1024 г.) уже не вызывает сочувствия летописца — автор считает «едкой иронией» его замечание о потере варяжским воеводой Якуном его драгоценного скандинавского плаща (луды). Уже после последнего неудачного похода руси на Царьград (1043 г., в поражении были повинны алчные варяги) «Ярослав, ранее ориентировавшийся на север, страстно увлекся греческой культурой» [19. С. 289]¹¹.

Сам Ярослав «не ощущал себя варягом», и, несмотря на женитьбу на шведской принцессе Ингигерд, его сыновья не носят скандинавских имен. Загадочной остается судьба его первенца Ильи, первого и рано умершего новгородского князя — автор считал, что он был сыном наложницы¹². Законная супруга получила как «утренний дар» Ладогу — древний форпост скандинавов в Восточной Европе. Вслед за ней на Руси оказался и норвежский конунг Олав Харальдссон, бежавший от датского конунга Кнута: согласно собранию саг в «Круге земном», Ярослав и Ингигерд даже отдали ему во власть Волжскую Болгарию. Этот мотив автор справедливо связывает с представлениями о традиционных торговых связях, а не с реальными политическими акциями [19. С. 293]. Естественно критическое отношение автора к подвигам, которые приписываются скандинавам (Харальду, Эймунду, Ингвару) на Руси исландскими сагами и руническими надписями — они призваны были увековечить славу героев, оказавшихся за морем в Восточной Европе [19. С. 292–297].

В работе о «древнейших византийско-русско-скандинавских связях», представляющей доклад на X конгрессе исторических наук (1955), автор вернулся к проблеме периодизации трансконтинентальных отношений, поставленной им ранее в книге о «варяжских сказаниях». Справедливо отмечая ведущую роль Хазарского каганата в становлении этих отношений, он продолжил следовать сложившимся в историографии установкам на доминанту торговли в этих отношениях¹³ и поискам некоего Русского каганата, ведь русь (росы), согласно упомянутому Бертинскими анналами и в данной работе посольству Феофила, в 839 г. объявляли себя подданными кагана. Центром этого «каганата» автор считал Ладогу — город, где первоначально, по приведенным им летописным спискам, в 862 г. обосновался призванный из-за моря князь Рюрик [19. С. 304], а очевидным свидетельством

¹¹ Стремился создать «Константинополь на Днепре», как метафорически определили трансформацию его интересов недавние исследователи [23. С. 304 и сл.].

¹² Замечу, что в «Саге о Тидреке Бернском» некий Илья фигурирует как брат князя Владимира, что может отражать сведения о новгородских князьях — сыновьях Ярослава.

¹³ Эта тенденция остается самодовольшей: С.А. Плетнева позднее увязывала Саркел — центральный памятник Хазарии на Дону — с шелковым путем [15].

исследуемых «древнейших отношений» считал монету Феофила, найденную в главном «торговом городе Швеции» — Бирке (оттуда росы стремились вернуться в Ладогу [19. С. 306–308]). Первое известие о руси (росах) и русском кагане провоцирует на бесконечные конструкции истории, альтернативной летописной — ведь «русский каган» правил задолго до Рюрика. Археология, казалось бы, придает оттенок обоснованности этим конструкциям, ибо монеты Феофила обнаруживаются на магистральных памятниках, где присутствовали скандинавы — Новгородском Городище на Волхове и более всего в Гнёздове на Днепре. Проблема в том, что и в Бирке, и в Гнёздове эти монеты найдены в поздних комплексах конца IX — X в., и не могут принципиально удревнить русскую государственность (см. [25]). Остается вернуться к упомянутому наблюдению В.О. Ключевского, который считал, что «росы» Бертинских анналов сопровождали посольство к Феофилу *хазарского кагана*, просившего греков о строительстве Саркела (в условиях вторжений в хазарскую степь венгров и печенегов); эти «росские» подданные хазарского кагана продолжили свой путь на Рейн уже в составе посольства Феофила.

Развивает тему «варяжских сказаний» и статья о «военной хитрости» (с. 311–319) — автор приводит античные примеры из историй Геродота и Иосифа Флавия, которые могли повлиять на формирование «варяжской стратагемы» об избавлении города от осады. В специальной работе Стендер-Петерсен рассматривает «Геллеспонтскую традицию у Саксона Грамматика» [19. С. 320–336]: парадоксальное размещение причерноморского Геллеспонта (Дарданелл) в Прибалтике (Земгалии), свойственное сагам и датскому хронисту XII в., автор связывает не только со «смутными представлениями о географии» [19. С. 324], но и с предполагаемой варяжской передачей «геллеспонтской традиции», перемещавшей в пространстве события Причерноморья на балтийский Север. Участие варягов в передаче эпических традиций засвидетельствовано «Сагой о Тидреке Бернском» — сага приводит «варяжские» формы имен героев эпоса [19. С. 320]. Тидрек Бернский — Теодорих Веронский — действительно был известен на Балтике, его имя попало даже в Новгородскую летопись, правда, не в связи с деяниями варягов, а в связи с взятием Царьграда «франками» в 1204 г. [7]. К «византийскому прототипу» возводит автор и «варяжское сказание о смерти героя от его коня» [19. С. 337–343], хотя предсказание судьбы по поведению коня характерно для балтийских славян и повсюду, где практиковалось коневодство (см. [10]).

Издание классических работ А. Стендер-Петерсена безусловно способствует не только пониманию роли варягов в создании системы трансконтинентальных коммуникаций, но и плодотворному развитию поисков исторического начала в литературных и историографических сюжетах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПВЛ — Повесть временных лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бибииков М.В., Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Ранние этапы русско-византийских отношений в свете исторической ономастики // Византийский временник. М.: Наука, 2000. Т. 59 (84). С. 35–39.
2. Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 362 с.
3. Гуревич Е.А. Поэзия и проза средневековой Исландии. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 452 с.
4. Джаксон Т.Н. Четыре норвежских конунга на Руси. М.: ЯСК, 2000. 192 с.

5. Ениосова Н.В., Сингх В.К. Деревянное навершие в виде головы барана с усадьбы «С» Троицкого раскопа // Археологические вести. 2021. № 31. С. 93–107.
6. Исландские пряди / изд. подгот. Е.А. Гуревич. М.: Наука, 2017. 1010 с.
7. Клейненберг И.Э. «Дедрик Бернский» в Новгородской I летописи // Летописи и Хроники 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 129–136.
8. Ключевский В.О. Сочинения. В 9-и т. / под ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 436 с.
9. Мельникова Е.А. Сюжет смерти героя «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традициях // От древней Руси к новой России. Юбилейный сб., посв. чл.-корр. РАН Я.Н. Щапову. М.: Наука, 2005. С. 95–108.
10. Неклюдов С.Ю. Легенда о вешем Олеге: опыт исторической реконструкции // *Con amore*. Историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселевой. М.: ОГИ, 2010. С. 366–395.
11. Николаев Д.С. Легенда о призвании варягов и проблема легитимности власти в раннесредневековой историографии // Именослов. История Языка. История культуры / отв. ред. Ф.Б. Успенский. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 184–199.
12. О происхождении этнонима русь // Этнографическое обозрение 2021. № 4. С. 79–137.
13. Петрухин В.Я. Русь в IX–X вв.: от призвания варягов до выбора веры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Неолит/Форум, 2017. 464 с.
14. Петрухин В.Я. Русь христианская и языческая. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2019. 608 с.
15. Плетнева С.А. Саркел и «Шелковый путь». Воронеж, Издательство Воронежского государственного университета 1996. 168 с.
16. ПВЛ / подг. текста, пер., ст. и комм. Д.С. Лихачева, под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, подг. М.Б. Свердлов. СПб.: Наука, 1996. 668 с.
17. Правер Дж. Королевство крестоносцев. Два века правления европейских рыцарей на древних библейских землях: от взятия Иерусалима до падения Акры / пер. с англ. В.С. Мухина. М.: Центрполиграф, 2019. 511 с.
18. Светоний Транквила Гай. Жизнь двенадцати цезарей / пер. с лат., предисл. и примеч. М.Л. Гаспарова. М.: Правда, 1988. 512 с.
19. Стендер-Петерсен А. Варангика: историко-филологические изыскания / пер. В.И. Матузовой, под общей ред. Е.А. Мельниковой. М.: Варфоломеев А.Д., 2021. 384 с.
20. Тиандер К.Ф. Проездки скандинавов в Белое море. М.: Вече, 2020. 400 с.
21. Томсен В. Начало Русского государства // Из истории русской культуры. Т. II / сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М.: ЯСК, 2002. С. 143–226.
22. Флёров В.С. Обороноспособность донских хазарских крепостей // Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная Европа и мир ислама. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. С. 55–89.
23. Франклин С., Шенард Д. Начало Руси. 750–1200 / под ред. Д.М. Буланина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 624 с.
24. Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л.: Наука, 1965. 220 с.
25. Шевцов А.П. Монеты императора Феофила (829–842) на территории Гнёздовского археологического комплекса // Российская археология. 2017. № 1. С. 141–149.

REFERENCES

- Bibikov M.V., Mel'nikova Ye.A., Petrukhin V. Ya. Rannije etapy russko-vizantiiskikh otnoshenii v svete istoricheskoi onomastiki. Vizantiiskii vremennik. Moscow, Nauka Publ., 2000, no. 59 (84), pp. 35–39. (In Russ.).
- Gadlov A.V. *Predystoriia Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo kniazheniia na Severnom Kavkaze*. Saint Petersburg, SPBGU Publ., 2004. 362 p. (In Russ.).
- Gurevich Ye.A. *Poezija i proza srednevekovoi Islandii*. Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2020. 452 p. (In Russ.).
- Dzhakson T.N. *Chetyre norvezhskikh konunga na Rusi*. Moscow, Lrc Publ., 2000. 192 p. (In Russ.).
- Jeniosova N.V., Singkh V.K. Dereviannoje navershije v vide golovy barana s usad'by «С» Troitskogo raskopa. *Arheologicheskie vesti*. 2021, no. 31, pp. 93–107. (In Russ.).
- Islandskiye priadi*, izd. podgot. Je.A. Gurevich. Moscow, Nauka Publ., 2017. 1010 p. (In Russ.).
- Kleinenberg I.E. «Dedrik Bernskii» v Novgorodskoi I letopisi. *Letopisi i Khroniki 1973 g*. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 129–136. (In Russ.).
- Kliuchevskii V.O. *Sochineniia. V 9 t.*, pod red. V.L. Ianina. Moscow, Mysl' Publ., 1987, t. 1. (In Russ.).

- Mel'nikova Ye.A. Siuzhet smerti geroia «ot konia» v drevnerusskoi i drevneskandinavskoi traditsiiakh. *Ot drevnei Rusi k novoi Rossii. Iubileinyi sb., posv. chl.-korr. RAN Ia.N. Shchapovu*. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 95–108. (In Russ.).
- Nekliudov S. Iu. Legenda i veshchem Olege: opyt istoricheskoi rekonstruktsii. *Con amore. Istoriko-filologicheskii sbornik v chest' Liubovi Nikolajevny Kiselevoi*. Moscow, OGI Publ., 2010, pp. 366–395. (In Russ.).
- Nikolajev D.S. Legenda o prizvanii variagov i problema legitimnosti vlasti v rannesrednevekovoi istoriografii. *Imenoslov. Istoriia Iazyka. Istoriia kul'tury*, otv. red. F.B. Uspenski., Moscow, Dmitry Pozharsky University Publ., 2012, pp. 184–199. (In Russ.).
- O proiskhozhdenii etnonima rus'. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 4, pp. 79–137. (In Russ.).
- Petrukhin V. Ia. *Rus' v IX–X vv.: ot prizvaniia variagov do vybora very*. Izd. 3-je, ispr. i dop. Moscow, Neolit/Forum Publ., 2017, 464 p. (In Russ.).
- Petrukhin V. Ia. *Rus' khristianskaia i iazycheskaia*. Saint Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2019. 608 p. (In Russ.).
- Pletneva S.A. *Sarkel i «Shelkovyi put'»*. Voronezh, Voronezh university Publ., 1996. 168 p. (In Russ.).
- Povest' vremennykh let*, podg. teksta, per., st. i komm. D.S. Likhacheva, pod red. V.P. Adrianovoi-Peretts. Izd. 2-je, podg. M.B. Sverdlov. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996. 668 p. (In Russ.).
- Praver Dzh. *Korolevstvo krestonostsev. Dva veka pravleniia yevropeiskikh rytsarei na drevnikh bibleiskikh zemliakh: ot vziatiiia Iherusalima do padeniia Akry*, per. s angl. V.S. Mukhina. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2019, 511 p. (In Russ.).
- Svetonii Trankvill Gai. *Zhizn' dvenadtsati tsezarei*, per. s lat., predisl. i primech. M.L. Gasparova. Moscow, Pravda Publ., 1988. 512 p. (In Russ.).
- Stender-Petersen A. *Varangika: istoriko-filologicheskije izyskaniia*, per. V.I. Matuzovoi, pod obshechi red. Ye.A. Mel'nikovoi. Moscow, Varfolomejev A.D. Publ., 2021. 384 p. (In Russ.).
- Tiander K.F. *Projezdki skandinavov v Beloje more*. Moscow, Veche Publ., 2020, 400 p. (In Russ.).
- Tomsen V. Nachalo Russkogo gosudarstva. *Iz istorii russkoi kul'tury*, t. II, sost. A.F. Litvina, F.B. Uspenskii, Moscow, Lrc Publ., 2002, pp. 143–226. (In Russ.).
- Flërov V.S. Oboronosposobnost' donsikh khazarskikh krepostei. *Drevneishije gosudarstva Vostochnoi Jevropy 2021 god: Vostochnaia Jevropa i mir islama*. Moscow, Dmitry Pozharsky University Publ., 2021, pp. 55–89. (In Russ.).
- Franklin S., Shepard D. *Nachalo Rusi. 750–1200*, pod red. D.M. Bulanina. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2000. 624 p. (In Russ.).
- Shaskol'skii I.P. *Normanskaia teoriia v sovremennoi burzhuaznoi nauke*. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1965. 220 p. (In Russ.).
- Shevtsov A.P. Monety imperatora Feofila (829–842) na territorii Gnëzdovskogo arkhelogicheskogo kompleksa. *Rossiiskaia arkhologia*, 2017, no. 1, pp. 141–149. (In Russ.).

Сведения об авторе

Петрухин Владимир Яковлевич

доктор исторических наук,
 главный научный сотрудник
 отдела средних веков
 Института славяноведения РАН,
 Москва, Российская Федерация,
 профессор НИУ Высшая
 школа экономики. Москва.
 ORCID: 0000-0002-6151-4262
 E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com

Information about the author

Vladimir Ia. Petrukhin

DSc. (History), Principal Research Fellow
 Department of Middle ages
 Institute of Slavic Studies
 of Russian Academy of Sciences,
 Moscow, Russian Federation;
 Professor of National Research University
 Higher School of Economics
 ORCID: 0000-0002-6151-4262
 E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com



Славяноведение, 2022, № 2, с. 39–53

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 2, pp. 39–53

DOI: 10.31857/S0869544X0019020-5

Оригинальная статья / Original Article

**Языковая редакция Толковых Пророчеств
и «простота» книжного языка в русской литературе XVI века
2022 г. В.В. Калугин**

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Российская Федерация)

vasiliykalugin@mail.ru

Аннотация. Русская Языковая редакция древнеболгарского перевода Толковых Пророчеств сохранилась в ветхозаветном сборнике середины или конца второй четверти XVI в. Источниками правки были Паримийник, пророческие песни в Псалтыри, «Христианская топография» Козьмы Индикоплова и др. Редактор стремился соединить традиционность книжного языка с простотой и понятностью библейского текста, согласовать его с общепринятым литургическим употреблением. Пересмотр древнеболгарского перевода отразил «переоценку ценностей» и критическое отношение к старому южнославянскому наследию в русской литературе первой половины и середины XVI в.

Ключевые слова: Паримийник, Псалтырь, пророческие песни, протограф, оригинал, список, правка.

Ссылка для цитирования: Калугин В.В. Языковая редакция Толковых Пророчеств и «простота» книжного языка в русской литературе XVI века. // Славяноведение. 2022. № 2. С. 39–53. DOI: 10.31857/S0869544X0019020-5

**A 16th Century Russian Revision of the Catenae on the Prophets
and the «Simplicity» of the Russian Literary Language**

2022. Vasilij V. Kalugin

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

vasiliykalugin@mail.ru

Abstract. The Russian recension of the Old Bulgarian translation of the Catenae on the Prophets has been preserved in an Old Testament codex dating to the middle or end of the second quarter of the 16th century. The editor used such sources as the Prophetologion, the Psalter Canticles, Cosmas Indicopleustes's *Christian Topography*, and others. He sought to to maintain the traditional literary language and at the same time to make the biblical text more clear and comprehensible, and to bring it into accord with the liturgical usage. The recension of the Old Bulgarian translation reflected a «reassessment of values» and a critical attitude towards the old South Slavonic heritage among Russian bookmen of the first half and middle of the 16th century.

Keywords: Prophetologion, Psalter, psalter canticles, protograph, original, manuscript witness, text editing.

Reference for citation: *Kalugin V.V. A 16th Century Russian Revision of the Catenae on the Prophets and the «Simplicity» of the Russian Literary Language // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2022. No. 2. P. 39–53. DOI: 10.31857/S0869544X0019020-5*

Второе южнославянское влияние, достигнув апогея в русской письменности XV в., постепенно пошло на убыль. Во второй половине XV в., после гибели православных балканских государств и Византии под ударами турок, приток на Русь болгарских и сербских рукописей сократился и вместе с тем стало ослабевать и южнославянское влияние. Первая половина и середина XVI в. — время постепенного освобождения русского правописания от южнославянской орфографической тератологии.

В это время углубились отличия между русской разговорной речью и книжным языком и вместе с тем все дальше расходились друг от друга местные редакции церковнославянского языка. «С половины XVI века южнославянские переводы, как древнейшие IX–X веков, так и более поздние XIII–XV веков, особенно первые, перестают в Московской Руси читаться, будучи для русского читателя уже малопонятными; впрочем, не без исключений» [12. С. V]. Показательно, что с середины XVI в. количество списков древнеболгарского перевода Толковых Пророчеств (далее — ТП) последовательно уменьшается. Это сокращение ясно обозначилось еще до Острожской Библии 1580–1581 гг., куда ТП вошли в отредактированном виде. Острожское издание, вышедшее в свет большим тиражом, окончательно подорвало рукописную традицию ТП и привело к тому, что их стали переписывать еще реже. В переломный момент в истории ТП, не позднее второй четверти XVI в., была сделана попытка адаптировать их обветшалый язык, соединить традиционность книжного языка с простой и понятностью библейского текста и его общепринятым литургическим употреблением.

И.Е. Евсеев выделял новую редакцию ТП, «которая задается целью последовательно на всем протяжении пророческого текста упростить древний перевод сообразно с потребностями русского читателя того времени. Древние слова, выражения и обороты заменяются новыми, древние формы склонений и спряжений — позднейшими церковнославянскими и русскими» [4. С. 28]. Он отмечал: «Нам известны только русские списки — Румянц. Муз. Библия № XXVIII — XVI века, Московско-Синод. Б. (Горский и Невоструев 18)¹ и Четьи Минеи Макария» [4. С. 28. Сн. 1] (см. также [3. С. XLVIII, LXII, № 11; LXIV, № 23; 4. С. 28, 63]). На самом деле, указанные И.Е. Евсеевым источники не представляют одну редакцию ТП, и уже тем более выдержанную от начала до конца. Он объединил их произвольно только на том основании, что в них древний перевод адаптирован. Сама же адаптация и ее объем в этих списках различны.

Синодальная рукопись № 117 («Горский и Невоструев 18») содержит правку украинского читателя или, точнее, перевод с церковнославянского на «простую мову» с сильной примесью польского. Текст ТП был пересмотрен частично:

¹ ТП с пермскими глоссами. Вторая четверть XVI в. ГИМ. Синодальное собр. № 117. Первыми на украинскую правку в этом списке указали А.В. Горский и К.И. Невоструев в каталоге под № 18 [1. 1855. С. 205–207].

главным образом, в особо заинтересовавшем читателя начале Ис: главы 1–3 и 5–8 на л. 59об.–62, 64–67. Отрывки из этих глав входят в Паримийник. Некоторые из них читают на Господские праздники. Главу 1: 16–21 читают как паремию в навечерие Богоявления, главу 2: 1–3 – на Вознесение Господне, главу 6: 1–12 – на Сретение Господне, главы 7: 10–16 и 8: 1–4, 8–10 – в навечерие Рождества Христова.

Однако церковнославянский текст сверялся не с Паримийником, а с польской протестантской Брестской Библией 1563 г. [6. С. 56–58]. Правка предназначалась читателям, плохо понимавшим по-церковнославянски и гораздо лучше знавшим польский язык. Известны и другие случаи обращения к Брестской Библии украинско-белорусских книжников, например, при создании украинской Дополненной редакции ТП в начале (10-х гг.) XVII в. [3. С. XLIX–L, LXVIII–LXIX, № 45]. А.В. Горский и К.И. Невоструев датировали правку XVII в. [1. 1855. С. 205]. Судя по почерку, она была сделана не ранее последней трети XVI в. и не позднее первой трети XVII в. О ее характере дают ясное представление следующие примеры.

Табл. 1. Украинская правка преславского перевода

Старый перевод	Глоссы читателя
1. на вѣ гра̑ высокъ ѿ на̑ вѣ коравль мѡрьскы̑ (Ис 2: 15–16) ² .	мѡрѣ ѡборѡны̑ к гра̑ высокъ, ср.: польск. <i>mur obronny</i> ‘крепостная стена’ от лат. <i>murus</i> , укр. <i>мур оборонний</i> ; междустрочная глосса (ѡкрѣты), ср.: польск. <i>okręć</i> ‘корабль’ к <i>корабль</i> , где ѡ исправлен на и, а мѡрьскы̑ исключено: взято в киноварные круглые скобки.
2. вѣзвѣзѣ сапогѣ̑ (Ис 5: 27) ³ .	ремѣнець ѡ̑ чѣревика. Ср. польск. <i>trzewik</i> и укр. <i>черевик</i> .
3. скоро пѡвигни ѡстрѣ̑ пѣ̑ни (Ис 8: 3) ⁴ . Ср.: др.-евр. <i>māher šālāl haš baz</i> ‘спешит к добыче, торопится на грабеж’.	квап’се до лѣпѣ̑, а спѣ̑ше до витѣ̑н’кѣ̑. Ср. польск. <i>kwapić się</i> , укр. <i>ква́пнися</i> ‘спешить, торопиться сделать что-л.’, польск. <i>tur</i> ‘добыча; трофей’.
4. просите̑ ж̑тровны̑ влѣхвовані̑. ѿже̑ ѡ̑ земла̑ гласаца̑. ѿже̑ ѡ̑ чрѣ̑ва гласа̑ть (Ис 8: 19) ⁵ .	пытáйт’ѣ̑ ѡ̑ чаровникѡ̑, а̑ вѣщ’ковъ̑ которы̑е шепчѡ̑ ѿ̑ макочѣ̑ть. Ср. польск. а̑ ‘и’, <i>wieszczek</i> ‘вещун, прорицатель’, <i>markotać</i> и укр. <i>мѡркнути</i> ‘ворчать’.

Совсем иной случай представляют ТП в Великих Четых Минеях. Это вообще не отдельная самостоятельная редакция. Составители Минеи использовали старый перевод Пророчеств с толкованиями и Геннадиевскую редакцию без комментариев, с дополнениями, правкой и делением текста на главы по Вульгате, как в Библии 1499 г. Под 1 мая Иер, Вар, Плач, Посл Иер даны сначала в старом переводе, а затем они же приведены в Геннадиевской редакции в другом порядке по Вульгате: Иер, Плач, Вар и Посл Иер, ставшее Вар 6. Под 9 мая Ис и под 21 июля Иез помещены без комментариев, а потом с толкованиями [9. С. 109–137; 17. С. 281–290]. Руководитель работ над Великими Четыми Минеями Макарий кратко изложил свои языковые требования к исполнителям в «Летописце», или предисловии: **многи̑ трѣ̑ды̑ и̑ подвиги̑ подѣ̑лахъ̑ отъ̑ исправленія̑ иностран’скихъ̑ и̑ дрѣ̑в’нихъ̑ пословицъ̑, преводя̑ на̑ рѣ̑сскі̑ю**

² ТП с пермскими глоссами. Л. 61об.

³ ТП с пермскими глоссами. Л. 64об.

⁴ ТП с пермскими глоссами. Л. 66об.

⁵ ТП с пермскими глоссами. Л. 67.

рѣчь (подробнее см. [14. С. 347–348]). Под «русской речью» подразумевается не разговорный, а простой и понятный церковнославянский язык.

Похожие взгляды высказывали составитель Хронографа редакции 1512 г., которым, возможно, был Досифей Топорков, уже, несомненно, сам Досифей Топорков, подготовивший древний перевод «Синайского патерика» для Великих Четых Миней в 1528–1529 гг., Нил Курлятев в предисловии к Псалтыри в переводе Максима Грека 1552 г. [14. С. 342–348]. Курлятев решительно выводил за пределы книжной нормы маловразумительные архаизмы, непонятные греческие кальки и специфические южнославянизмы. Они воспринимались как порча **нашего языка** и **украшенія**, затемнявшие смысл текста. Старые южнославянские переводы вызвали у Курлятева резкую неприязнь: **А прѣнии переводѣцы нашего языка извѣстно не знали, и онѣ перевели ино гречески, ово словѣски і ино сѣвьски і другаа бѣгарски, иже не удоволишася преложити на рѣскіи языкъ** [7. С. 96]. В глазах Курлятева образцовым был перевод Максима Грека, так как в нем нет **рѣчен по сѣвьски или волъгаски, но все по нашему языку прямо зъ греческа языка и бѣ украшенія** [7. С. 97–98]. Нил Курлятев и другие, выступая с позиций языкового пуризма, отвергали не второе южнославянское влияние вообще, а все то чуждое и наносное, что противоречило **нашему языку** и влекло за собой его искажение и порчу.

Эти и подобные пуристические взгляды нашли воплощение в русской Языковой редакции древнеболгарского перевода ТП. Она сохранилась в ветхозаветном сборнике (далее ссылки даются в тексте сокращенно: Рум-28)⁶. Рукопись содержит Пятикнижие⁷, Нав, Иов, ТП и Сир. Почти половину румянцевского сборника занимают ТП. Над ними трудились несколько писцов в середине или в конце второй четверти XVI в. В пророческой части сборника использована однородная бумага с водяным знаком «двуручный кувшинчик без розетки над трилистником» [8. № 1686, 1687–1540 г.]. Только на л. 328 видна филигрань «пряжка». Найти ее точное соответствие в альбомах не удалось.

Язык ТП в румянцевской рукописи стандартный церковнославянский с незначительным количеством диалектизмов, возможно, перешедших из оригинала. Иногда на месте **ѣ** встречается **и**: **развиваѣмый** (Ос 13: 3), где первая и исправлена на **ѣ** другой рукой, **ѣцѣливъшій** (Иез 6: 9), **разгнива** (Плач 2: 6), л. 235в, 335в, 390б. Еще реже цоканье: **ѣгодице** (Ам 7: 14), 245б. Насколько можно судить по единственному примеру **скорбю** (Иона 4: 9) в правке на л. 250в, в речи редактора утратился мягкий [л'] после губного перед окончанием 1-го лица ед. ч. настоящего времени у глагола 2-го тематического спряжения на -і-.

В румянцевском списке язык древнего перевода ТП пересмотрен и подновлен. В некоторых местах это сделано очень тщательно. Однако в целом правка непоследовательна. Она не охватывает многих текстов, особенно во второй половине сборника, в отделе великих пророков (Иер, Плач, Посл Иер, Вар, Дан, а также часть Ис и Иез). Редактирование прошло несколько этапов, но так и не было закончено. Судя по частоте и регулярности замен, к словам,

⁶ Ветхозаветный сборник с Языковой редакцией ТП (Л. 227–413б). Середина (конец второй четверти) XVI в. РГБ. Собр. Н.П. Румянцева (Ф. 256). № 28.

⁷ А.В. Горский и К.И. Невоструев установили, что в румянцевской рукописи текст Пятикнижия разделен по еврейскому оригиналу на параши, или отрывки, читаемые в синагоге по субботам и праздникам, как и в некоторых других русских списках Пятикнижия XV–XVI вв. [1. 1855. С. 9].

особенно не любимым редактором, относились малоупотребительные южнославянизмы и архаизмы вроде **вышацин**, **дѣла**, **заапѣтиса**, **мждити**, **отънждьныи** ‘полный, общий, совершенный’, **правѣдивын** ‘праведный’, **притыкати**, **поустити** ‘послать, прислать, отправить’, их однокоренные образования и т.п. Большая или меньшая степень правки зависела и от статуса текста. В факультативных частях — в толкованиях, вводных и заключительных статьях к Пророчествам редактор вел себя смелее и свободнее, чем в библейском тексте. Иногда в правке звучат интонации живой речи (см. ниже примеры № 3—5). Вот некоторые наиболее типичные исправления.

Табл. 2. Русская правка преславского перевода

Старый перевод	Языковая редакция
1. сего дѣла притычѣ (Ос 4: 4—5, толк.) ⁸ .	сего рѣа прилагаѣ, л. 229б.
2. поѣмѣ ѿмѣ. ѿ ѿ пыаинчествѣ (Ос 4: 9—11, толк.) ⁹ .	поноси ѿмѣ ѿ пѣанствѣ, л. 229в.
3. вѣтромъ ѿстепено (Ос 8: 7) ¹⁰ .	вѣтрѣ ѿзвѣнто, л. 232б.
4. стра на смоквѣниці (Ос 9: 10) ¹¹ .	сторожѣ на смоковниці, л. 232 г.
5. ни нивѣ. нагѣ вес класѣ (Авв 3: 17, толк.) ¹² .	ни нивѣ. гѣлы вѣ класѣ, л. 263а.
6. горѣи выѣтъ (Ис 1: 3, толк.) ¹³ .	хѣжши выѣ, л. 276б.
7. нравѣ прѣкѣ вышациѣ... гѣати (Ис 1: 7, толк.) ¹⁴ .	ѿвычан прѣкомъ, вѣдѣцаѣ... гѣати, л. 276г.
8. на скончаѣ привести. зѣло помыслено ѣтъ вѣи (Ис 1: 17, толк.) ¹⁵ .	на дѣло ѿзвести. зѣло ѿгодно ѣ вѣи, л. 278б.
9. ѿ расковѣтѣ мечѣ своѣ на лемешѣ. ѿ лѣжж своѣ на сѣпы. ѿ не вѣздвигнетѣ страна. на странѣ мечѣ. ѿ не наѣчѣтѣсѣ кътомѣ сѣци (Ис 2: 4) ¹⁶ .	ѿ расѣѣкоѣ ѿрѣжѣа своѣ на рѣла. ѿ мечѣ своѣ на сѣрѣпы. ѿ не востанѣ страна на странѣ ѿрѣжѣи, не навѣкѣноѣ кътомоѣ рѣтовати, л. 280б.

В последнем примере возможно влияние Паримийника, где **сѣсѣкжтѣ мечѣ своѣ на рѣла** и в конце во второй раз **ѿрѣжѣи**¹⁷. Не исключена и унификация с похожим чтением в ТП: **расѣѣѣтѣ рѣла вѣи на ѿрѣжѣи. ѿ сѣрѣпы вѣша на лѣѣца** ‘копья’ (Иои 3: 10), л. 239в. Редактор не пользовался греческим и латинским переводом Пророчеств [4. С. 28] и, скорее всего, не знал этих языков. Но он был опытным и знающим книжником с богатым словарем. В ТП дана неполная ссылка в рассказе о мадиамском царе Салмане, убитом Геденом: **сего догѣлаваѣ въ книгѣ** (Ос 10: 13—15, толк.)¹⁸. Перерабатывая это место, справщик уточнил: **сего повѣдѣѣи книги сѣдѣа** (Суд 8: 5—21), л. 234а.

⁸ТП Основной редакции. Геннадиевская рабочая рукопись. Начало 90-х гг. XV в. (не позднее 1491 г.). ГИМ. Чудовское собр. № 184. Л. 6; Книги XII малых пророков с толкованиями в древнеславянском переводе. Книги Осии, Иоила, Амоса, Авдия и Ионы / пригот. к печати Н.Л. Туницкий. Сергиев Посад, 1918. Вып. 1. С. 9.

⁹ТП Основной редакции. Л. 6об.; Книги XII малых пророков. С. 10.

¹⁰ТП Основной редакции. Л. 11об.; Книги XII малых пророков. С. 18.

¹¹ТП Основной редакции. Л. 13; Книги XII малых пророков. С. 20.

¹²ТП Основной редакции. Л. 70.

¹³ТП Основной редакции. Л. 95.

¹⁴ТП Основной редакции. Л. 96.

¹⁵ТП Основной редакции. Л. 99.

¹⁶ТП Основной редакции. Л. 102об.

¹⁷Рибарова З., Хауптова З. Григоровичев паримейник. Скопје, 1998. Т. 1. Текст со критички апарат. С. 67, 69. Л. 17—17об.

¹⁸ТП Основной редакции. Л. 15; Книги XII малых пророков. С. 24.

Редактора не смутил редкий гебраизм в заключительной статье к Авв: **прострътїе давирова** (**простѣртїе давѣрово**), греч. *τὸ ἄπλωμα τοῦ δαβεῖρ* ‘завеса давира (Святая Святых Иерусалимского храма)’¹⁹. Он заменил его по смыслу текста употребительным грецизмом: **простѣртїе каттапезмы**, л. 263в, ср.: **каттапетазма**, **каттапезма** ‘завеса’ (Мф 27: 51)²⁰. В другом случае он использовал вместо специфически книжного грецизма **пан’тирь** (Ос 5: 14), **пан’тирмь ти л’вомъ. рѣкы** (Ос 6: 1–4, толк.)²¹ более понятное и употребительное греческое же заимствование **пардоѹ, пардоѹѡ. ѥ л’вѡ. глѡ**, л. 230в, г. Оно в значениях ‘гепард, леопард, барс’ известно в разных переводных и оригинальных произведениях древнерусской литературы XI–XVI вв. [10. С. 152].

В Языковой редакции отчетливо заметно стремление приблизить библейский текст к его литургическому употреблению, согласовать его с наиболее распространенной версией. Источниками правки были Паримийник, пророческие песни в Псалтыри, цитаты из Пророчеств в Новом Завете и др. Известное высказывание **мѣти хѡѡѡ. негли трѣвѣ** (Ос 6: 6)²² приведено в соответствие с Евангельской редакцией: **мѣти хѡѡѡ ѡ не жертвѣ** (Мф 9: 13; 12: 7), л. 230г²³.

Редактор хорошо знал Паримийник и часто обращался к нему для сверки. И. Е. Евсеев текстологически показал, что использовался список «паримийного перевода позднейшей редакции» [4. С. 28–29]. Правке подвергались отдельные слова и целые фразы, как, например, в следующих случаях:

Табл. 3. Правка по Паримийнику

Старый перевод	Паримийник	Языковая редакция
1. въ ѡригы, въ ѡригъ (Иона 3: 5, 8) ²⁴ .	въ врѣтница, дважды ²⁵ .	въ вретнице, въ вретница, л. 250а, б.
2. ѡгнѣшенїе ми естъ (Ис 1: 13) и далее: гнѣсть гѣи (Ис 1: 13, толк.) ²⁶ .	мрѣзость ми естъ ²⁷ .	мерзость ми ѣ и ниже, возможно, под влиянием предшествующей замены: мерзость гѣи, л. 277в.
3. ѡврѣзѣте злѡби (Ис 1: 16) ²⁸ .	ѡимѣте лжакѣствїи, вариант лжакѣства ²⁹ .	ѡимете лжакѣство, л. 278а.
4. цюда (Ис 3: 2) ³⁰ .	исполнина ³¹ .	ѡсполнина, л. 283а.
5. ѥ сѣмысльна послушателя. ѥ пристаю юноша княза ѥ. ѥ поржгающейсѣ съвлаждѣти ѥми (Ис 3: 3–4) ³² .	и разѡумна послушника. и поставѣ юношѣ княза имѣ. и ржгатеѣ ѡвладаѣтъ ѥми ³³ .	ѥ разѡумна послѣш’ника. ѥ поставѣю юноша началники ѥ. ѥ рѣгатеѣ ѡвладаѣю ѥми, л. 283а.

¹⁹ ТП Основной редакции. Л. 71.

²⁰ Евангелие от Матфея в славянской традиции / изд. подгот. А. А. Алексеев и др. СПб., 2005. С. 155.

²¹ ТП Основной редакции. Л. 80б.; Книги XII малых пророков. С. 13.

²² ТП Основной редакции. 9; Книги XII малых пророков. С. 14.

²³ Евангелие от Матфея. С. 51, 65.

²⁴ ТП Основной редакции. Л. 46; Книги XII малых пророков. С. 74.

²⁵ Рибарова З., Хауптова З. С. 331. Л. 83.

²⁶ ТП Основной редакции. Л. 97об.

²⁷ Рибарова З., Хауптова З. С. 57. Л. 140б.

²⁸ ТП Основной редакции. Л. 98.

²⁹ Рибарова З., Хауптова З. С. 56–57. Л. 140б.

³⁰ ТП Основной редакции. 105об.

³¹ Рибарова З., Хауптова З. С. 81. Л. 200б.

³² ТП Основной редакции. Л. 105об.

³³ Рибарова З., Хауптова З. С. 81. Л. 200б.

Молитва пророка Ионы сверялась по Паримийнику или Псалтыри, где она находится среди пророческих песней. В древнем переводе ТП встречаются архаичные формы простого аориста: рѣ́кы ѡбидѣ ма [...] влѣны [...] прѣидѣ (Иона 2: 4), а также оборот житїе моє (Иона 2: 7)³⁴. В Языковой редакции сигматический аорист нового типа: рѣ́кы ѡвыдоша ма [...] волны [...] преидоша и живо мой, л. 249в, как в Паримийнике и Псалтыри³⁵. Между прочим, ранее такие же замены делались и в других списках ТП³⁶.

В Паримийнике нет чтений из Авв. Редактор обратился к Псалтыри, где среди пророческих песней помещена Молитва Аввакума (3: 1–19), и по ней основательно переработал соответствующий текст в ТП.

Табл. 4. Правка Молитвы Аввакума по ее Псалтырной редакции

Старый перевод	Языковая редакция
1. о҃ужасѡса... вънегда вѣдѣ годѣ. покажешисѧ (Авв 3: 2) ³⁷ .	о҃двнхса... внегда приде время ѡвншса, л. 261б, в; дивнхса... егда ³⁸ .
2. ѡ ѡстааша страны (Авв 3: 6) ³⁹ .	ѡ ѡ [вторая ѡ – остаток первоначального ѡстааша] растаашаса ѡзыци, л. 261г; так ⁴⁰ .
3. рожаникъ твои: ѡ на хоржгѣви (Авв 3: 9) ⁴¹ .	лѡкъ сѡй. на скѣпетры, л. 262б; так ⁴² .
4. смокы плода не принесѣ. ѡ не воудѣт плода въ винограѣѣ (Авв 3: 17) ⁴³ .	смокви плоѡда не сътвори. ѡ не воудѣт рода въ винограѣѣ, л. 263а; смокы ⁴⁴ .
5. въ свѣтъ стрѣлы (Авв 3: 11) ⁴⁵ .	въ свѣѣ молнїа, на поле: стрѣлы, л. 262б; так, но без глоссы ⁴⁶ .

В последнем примере чтение стрѣлы первоначальное. Оно точно соответствует масоретскому оригиналу, греческому и церковнославянскому переводам, а его замена на молнїа произошла под влиянием следующего млнїи в том же стихе вследствие стремления к единообразию текста.

В дальнейшем правка по Псалтыри отсутствует в Языковой редакции, хотя основания и параллели с пророческими песнями имеются: Песнь Исаии (26: 9–20), л. 310а–б и Молитва трех отроков (Дан 3: 26–88), л. 400б–401в, где не восполнен пропуск паче всѣхъ ѡзыкъ (Дан 3: 37), л. 400в [3. С. 46]. Работа над Языковой редакцией не была закончена. Многие Книги пророков, главным образом великих, остались в своем первоначальном виде, в том числе часть Ис и вся Дан. Добавление в христианском духе в конце Молитвы трех отроков (Дан 3: 88) на л. 401б–в было включено еще в архетип преславского

³⁴ ТП Основной редакции. Л. 45; Книги XII малых пророков. С. 72.

³⁵ Рибарова З., Хауптова З. С. 328, 329. Л. 82об.; Киевская Псалтирь 1397 года из Государственной Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде [ОЛДП F 6]. М., 1978. [Т. 1]. Л. 220, 220об.

³⁶ Библиейский сборник с малыми пророками без толкований и нарушенным порядком книг (Ос, Иона, Ам, Наум, Авд на л. 79–109). Рубеж XV–XVI вв. БАН, Архангельское собр. С, № 3. Л. 92об.; Великая Миния Четья. Январь. Успенский комплект. 40-е гг. XVI в. ГИМ. Синодальное собр. № 990. Л. 730а, б.

³⁷ ТП Основной редакции. Л. 67.

³⁸ Киевская Псалтирь. Л. 216.

³⁹ ТП Основной редакции. Л. 68.

⁴⁰ Киевская Псалтирь. Л. 216об.

⁴¹ ТП Основной редакции. Л. 68об.

⁴² Киевская Псалтирь. Л. 217.

⁴³ ТП Основной редакции. Л. 70.

⁴⁴ Киевская Псалтирь. Л. 218.

⁴⁵ ТП Основной редакции. Л. 69.

⁴⁶ Киевская Псалтирь. Л. 217.

перевода из богослужебной редакции Молитвы, помещенной в Паримийнике и Псалтыри [3. С. XXXV, 62].

В списке Языковой редакции непоследовательно переданы толкования. Сначала Пророчества переписывались с ними. Однако потом, начиная с Ис 15: 1 на л. 305а, толкования опущены. Необходимо заметить, что в этой части преславского перевода, в отделе великих пророков, с самого начала толкований не имели Ис 15–51, Иер 26, 40, 41, Вар (кроме гл. 3), Плач, Посл Иер и вся Дан [1. 1857. С. 113]. Исключение представляет один любопытный редкий случай. Молитва иудейского царя Езекии не протолкована в преславском переводе (Ис 38: 10–20). В Рум-28 на л. 317б–318б она заменена на ее редакцию с толкованиями из «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, распространенной в древнерусской письменности⁴⁷.

Во многих местах румянцевского списка ТП заметны ясные следы незаконченной редакторской работы. Нередки пустоты в тексте на месте пропущенных слов и их частей. В этих местах писец-редактор не мог **вѣрѣсти праваа**. Он затруднялся подобрать подходящую синонимичную замену, или испытывал сомнения в правильности написанного, или не знал редкого слова и не мог понять древний перевод. Иногда он подозревал ошибку, но не был твердо уверен в этом. Тогда он пропускал сомнительное чтение и делал пробел в строке в надежде, что потом истина будет установлена и пропуск восполнен им самим или другими писцами и читателями.

Во многих списках ТП искажен глагол **стропатъ**⁴⁸ в значении ‘ставят стропила на дом’: **снмъ же сти ѡпатъ храмы** (Ис 9: 8–10, толк.)⁴⁹. В Рум-28 пропуск с пробелом на месте испорченного чтения: **снмъ... храмы**, л. 294г. Или вот еще один пример. В самом раннем геннадиевском списке стоит правильно: **ѡ блаженъи прѣкъ** (Иона 1: 12–16, толк.)⁵⁰, греч. *μακάριος*. В геннадиевской же копии, сделанной с этого оригинала, замена одной буквы исказила смысл: **ѡвнаженъи прѣкъ**⁵¹. По-видимому, так же неверно было и в источнике, с которым работал редактор ТП. В Рум-28 здесь «дыра» в строке: **...прѣкъ**, л. 249в.

После предлога **ѡ** сделан пропуск, оставлено свободное место в строке, куда позднее другой рукой было вписано чтение ТП **зазлѣннй ѣго** (Иона 4: 6), л. 250в⁵². В Паримийнике здесь: **ѡ вѣсѣхъ золъ ѣго**⁵³. По Паримийнику правка внесена в сербский список из Лесновского монастыря в северной Македонии: **ѡ злѣ ѣго**⁵⁴. Писец не знал, как поступить с похожими словами **оѣто** и **оѣво** в выражении **оѣто зѣло оѣво раждали си** (Иона 4: 4)⁵⁵. Он оставил свободное место в конце одной и начале другой строки и далее написал **зѣло разжали си**, л. 250в. Позднее справщик, восполнивший пропуск в Иона 4: 6 по ТП,

⁴⁷ Книга нарицаема Козьма Индикоплов / изд. подгот. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина. М., 1997. С. 242–244.

⁴⁸ Лицевые ТП дьяка Василия Мамырева. 1489 г. РГБ. Собр. МДА (Ф. 173.1). № 20. Л. 112об.

⁴⁹ ТП Основной редакции. Л. 127; Сборник с ТП (Л. 1–340). Конец XV в. РГБ. Собр. МДА (Ф. 173.1). № 19. Л. 97; ТП Геннадиевской редакции. 90-е гг. XV в. РГБ. Собр. ТСЛ (Ф. 304.1). № 89. Л. 69об.; ТП Основной редакции. 1488–1489 гг. РГБ. Собр. ТСЛ (Ф. 304.1). № 90. Л. 130.

⁵⁰ ТП Основной редакции. Л. 44об.

⁵¹ ТП Геннадиевской редакции. № 89. Л. 24; Туницкий Н.Л. С. 72.

⁵² ТП Основной редакции. Л. 47; Книги XII малых пророков. С. 75.

⁵³ Рибарова З., Хауптова З. С. 333. Л. 83об.

⁵⁴ Сербские ТП и Апокалипсис с толкованиями архиепископа Андрея Кесарийского. 60–80-е гг. XVI в. ГИМ. Собр. А.И. Хлудова. № 1. Л. 31.

⁵⁵ ТП Основной редакции. Л. 46об.; Книги XII малых пророков. С. 75.

добавил по ним же в конце строки **о҃ѣто** и над следующей строкой **ѡво** между **ѡѣло** и **разжали**. В сербской лесновской рукописи архаизм **о҃ѣто** заменен: **почѣто ѡво ѡѣлоу разжали се**.⁵⁶

Лакуны обнаруживают связь с редакторскими установками и аналогичными заменами архаизмов в других местах Языковой редакции. Так, **зѡаѡпѣ** означает ‘сомнение’ [13. Т. 1. Стб. 960]. Редактор не смог подыскать к нему синонима и исключил его, оставив пробел: **...многы помысливъ** (Иона 1: 1–6, толк.), л. 249а, ср.: **зѡаѡпы многы помысливъ**.⁵⁷ Справщик вообще недолюбливал малопонятные и устаревшие слова с этим корнем. Несколько ранее он, редактируя вводное «Сказание Пророчества Ионина», последовательно заменял однокоренный глагол и каждый раз подбирал к нему новые соответствия в зависимости от смысла фразы, что говорит о его богатом словаре. В старой редакции: **зѡаѡпѣѡса по нао҃укѣ и се же члѣкъ сын. члѣкъ са зѡаѡпѣше. зѡаѡпѣше же са ѡ на ѡно рекѣ**⁵⁸, в новой: **помысли въ ѡмѣ и сѡи же члѣкъ сѡ. члѣческа о҃мысли. о҃у҃сѡмнѣвъ са. ѡ ѡнако рѣ в себѣ**, л. 248в. Так же редактор поступал и в других местах, ср. старый вариант: **Зѡаѡпѣтисѡ [...]** ѡ поманѣт (Иоил 2: 14–19, толк.)⁵⁹ и новый: **Вѣспоманѣтисѡ [...]** ѡ покаѣтисѡ, л. 238б.

Старославянские слова **вѣзвѣтити** и **вѣзвѣтъ** обозначают ‘выгода’, ‘проценты, прибыль’ [11. С. 253], например: **да ѡ сѡи лѣ вѣдетъ. вѣзвѣтитѡ всего** (Ам 7: 7–13, толк.), **ѡ всего кѡпа вѣзвѣтит ѡ** (Ам 8: 6)⁶⁰. Первый фрагмент редактор полностью переработал: **да лишентъ воудѣтъ вѣзѣтѡа всего**, л. 245б. Во втором отрывке он начал писать архаизм с **ѣ** вместо и: **возѣвѣ**, л. 245г, но, сбившись и засомневавшись, не закончил его и оставил пробел.

Редактор не смог определиться с редким словом **бравѣ** ‘мелкий скот: овцы, козы’ [11. С. 139]. Он пропустил его и оставил свободное место для доработки после **ѡстѣтка**. на л. 242б, ср.: **ѡстѣтѣка. брѡва** (Ам 3: 12, толк.)⁶¹.

В ТП термин **златѣница** имеет медицинское значение ‘болезнь желтуха’ (Иер 30: 6), л. 371б [13. Т. 1. Стб. 980] и сельскохозяйственное «ржа или медвянка на хлебе» [2. Стб. 1724]: **повѣи вы раждѣжениимъ. ѡ златѣницею. ѡ о҃множистѣ вѣчѣствовати**⁶². В масоретском оригинале здесь: «...губил Я ваши посевы суховею и мучнистой росой...». В редакции ТП стих Ам 4: 9 двусмыслен. Он может быть понят и в сельскохозяйственном, и в медицинском значении, потому что **раждѣжениѣ** – это также и ‘горячка’ [13. Т. 3. Стб. 18]. Возможно, редактор не знал сельскохозяйственного значения слова. Или он хотел устранить двусмысленность, но затруднялся подобрать замену. Тогда он, не окончив слова, оставил «дыру» в строке: **зла...** на л. 243б.

Заменены первоначальные чтения **ноу҃жда поо҃у҃щенѣа** (Ис 1: 17, толк.), по **гнѣю поо҃у҃щенѣю глѣющѣю** (Ис 4: 5–6, толк.)⁶³ на **нѣжа ѡ потѣцѣнѣа, по гнѣю словѣси глѣющѣмоу**, л. 278б, 285в. Незадолго до этого редактор, встретившись с архаизмом **сѣ поо҃у҃щенѣемъ** (Ис 1: 15, толк.)⁶⁴, начал было писать его, но не закончил

⁵⁶ Сербские ТП и Апокалипсис. Л. 31.

⁵⁷ ТП Основной редакции. Л. 44; Книги XII малых пророков. С. 71.

⁵⁸ ТП Основной редакции. Л. 43; Книги XII малых пророков. С. 69.

⁵⁹ ТП Основной редакции. Л. 23; Книги XII малых пророков. С. 37.

⁶⁰ ТП Основной редакции. Л. 36об., 37об.; Книги XII малых пророков. С. 59, 60.

⁶¹ ТП Основной редакции. Л. 31; Книги XII малых пророков. С. 50.

⁶² ТП Основной редакции. Л. 33; Книги XII малых пророков. С. 52.

⁶³ ТП Основной редакции. Л. 98об., 110.

⁶⁴ ТП Основной редакции. Л. 98.

и сделал пропуск в строке: с п... на л. 278а. Много позднее в свободное место вписали по догадке **омененымъ**.

Также недописаны с пробелом: **не**, л. 257в — **не ѡвет'шаю**⁶⁵ (Наум 1: 14–15, толк.); **ѡѣбо**, л. 240в — **ѡѣбожѣимъ**⁶⁶ (Ам 1: 9–12, толк.); **не ѡ**, л. 261б — **не ѡверѣдатыса**⁶⁷ (Авв 2: 19–20, толк.). В пересмотренных главах Ис нередки пустоты в тексте на месте пропущенных **расыпаньѣ** ‘рассеяние’⁶⁸ (вводное «Сказание Исаина Пророчества»), л. 275б; **ноудѣю пророкъ. не тако сѣце**⁶⁹ (Ис 2: 5–6, толк.), л. 280в (редкий случай, когда в строке оставлено места меньше, чем нужно); **чѣтѣть чинѣ**⁷⁰ (Ис 4: 5–6, толк.), л. 285в; **вѣцѣю**⁷¹ (Ис 5: 1, толк.), л. 285в; **хѣльныймъ**⁷² (Ис 5: 7, толк.), л. 286б; **ѣногдою**⁷³ (Ис 5: 18–19, толк.), л. 287б; **нѣ ѣ съ ѡжилъса въ**⁷⁴ (Ис 7: 18–19, толк.), л. 291б; **ѣ съкрѣплѣнъ**⁷⁵ (Ис 10: 22–23, толк.), л. 297б; **прѣльсть**⁷⁶ (Ис 10: 28–31, толк.), л. 297 г.

Нередко последующие писцы-ремесленники, особо не задумываясь, писали все подряд и устраняли пустые пространства, оставленные редактором для доработки. В Рум-28 нередки небольшие пропуски в сплошном тексте. Возможно, какие-то из них появились в пустых местах незаконченной правки. Одни из пропусков в сплошном тексте так и остались незамеченными (Ос 1: 1, толк.; Иоил 3: 14; Иер 34: 14), л. 227, 239в, 377в. Другие же были выявлены и восполнены на полях позднее (Ос 1: 9, 10; 7: 15–16; 11: 2; 14: 10; Мих 4: 4; Соф 2: 7; Зах 6: 13 и 12: 6; Мал 3: 2–3; Ис 17: 14 и 30: 18; Иез 6: 6; 36: 3; 47: 17–18; Иер 34: 17), л. 227об., 231об., 234, 236, 253об., 264, 268об., 271, 273об., 306, 312об., 335, 356об., 367, 377об. и т.д. Некоторые лакуны идут от общего источника и повторяются в других рукописях. Часть стихов Зах 3: 2 и Иез 16: 46 отсутствовала в протографе Рум-28 (л. 267в, 341б) и сербской лесновской рукописи⁷⁷.

Работа над Языковой редакцией не была доведена до конца. Многих текстов, в особенности из середины и второй половины ТП в Рум-28, не коснулась рука редактора (например, на л. 301а–315в, 354в–413б Иер, Плач, Посл Иер, Вар, Дан, а также часть Ис и Иез). Мелкая правка в этих местах делалась эпизодически и произвольно: **по всен тихотѣ** (Вар 2: 7)⁷⁸ — **по всей тихости**, л. 386в; **найде на ню** (Вар 4: 35)⁷⁹ — **взидѣ на ню**, л. 388в и т.п. К тому же она могла перейти в список из его оригинала. Так, по крайней мере, с конца XV в. в ТП известна замена грецизма **ѡлокавтоматы**, **въ ѡлокав'тахъ**⁸⁰ на **всесъжеженѣа**, **въ всесъжеженѣи** (Дан 3: 38, 40)⁸¹. Оба последних чтения встречаются в параллельных местах в некоторых рукописях Паримийника,

⁶⁵ ТП Основной редакции. Л. 60.

⁶⁶ ТП Основной редакции. Л. 28об.; Книги XII малых пророков. С. 46.

⁶⁷ ТП Основной редакции. Л. 67.

⁶⁸ ТП Основной редакции. Л. 93.

⁶⁹ ТП Основной редакции. Л. 103.

⁷⁰ ТП Основной редакции. Л. 110.

⁷¹ ТП Основной редакции. Л. 110.

⁷² ТП Основной редакции. Л. 111.

⁷³ ТП Основной редакции. Л. 113.

⁷⁴ ТП Основной редакции. Л. 120об.

⁷⁵ ТП Основной редакции. Л. 131об.

⁷⁶ ТП Основной редакции. Л. 132об.

⁷⁷ Сербские ТП и Апокалипсис. Л. 55об., 186.

⁷⁸ ТП Основной редакции. Л. 384об.

⁷⁹ ТП Основной редакции. Л. 387об.

⁸⁰ ТП Основной редакции. Л. 407об.

⁸¹ Лицевые ТП. Л. 334, 334об.

пророческой песни в Псалтыри⁸² и мефодиевском переводе Дан [3. С. 46]. В Рум-28 такие же замены на л. 400в.

В Рум-28, в неисправленной части ТП, не устранена путаница общего протографа: отрывок Иез 45: 12–25 и вся глава Иез 46: 1–24 вставлены в Иез 48: 4 на л. 366в–368г, 371в–372б, но так почти во всех списках памятника. Значительно важнее, что рядом сделана еще одна перестановка, известная в очень немногих родственных рукописях. В Рум-28 на л. 374б пропущен отрывок от Иер 26: 2 (после **проповѣси всемъ**) до Иер 30: 21 (почти весь стих до слов **иже дастъ серъце свое** включительно). Весь этот кусок вставлен в стих Иез 48: 8 и разрывает его после слов: **а ѿ предѣ ѿидинъ, иже к' востокѣмъ. да станѣ начало** на л. 368 г. Далее идет искомый фрагмент (Иер 26: 2–30: 21): **иудѣ. в'ходящіймъ кланати въ домъ господень... иже дастъ серъце свое** на л. 368г–371в. И только после этого продолжается Иез 48: 8–35 на л. 371в–372б. Путаница произошла, очевидно, по вине переплетчика, неправильно подобравшего листы в тетрадах. В Рум-28 объем пропуска составляет немного меньше трех листов в 1^о в два столбца. Границы вставки в Рум-28 проходят не по стыкам листов, а посередине текста. Ясно, что дефектным был предок-оригинал Рум-28. К этому общему протографу с перестановкой отрывка из Иер в конец Иез восходят родственные сербские списки ТП из Нямецкого и Лесновского монастырей 50–80-х гг. XVI в. (подробнее о сербских ТП см. [5. С. 267–269; 15. С. 475–487; 16. С. 59–82; 18. С. 9–26]).

Правка старого перевода ТП отвечала читательским потребностям и языковым вкусам эпохи. В списке конца XV в. устаревший южнославянизм **оумѣднѣ** объяснен на поле: **Ѹмѣднѣ** (Авв 2: 3), а **замѣжж** – **замѣлю** (заключительная статья к Авв)⁸³. В Рум-28 замены сделаны в тексте: **аще оумѣднѣ** (л. 260б), **аще ли замѣлю** (л. 263б), а кроме того, исправлено в соседних местах на л. 260б: **и не премѣднѣ** (Авв 2: 3), **аще оумѣдлѣще** (Авв 2: 3–4, толк.) вместо **и не прѣмоуднѣ**, **аще и оумоудлѣще**⁸⁴. Нил Курлятев, с неприязнью отзывавшийся о маловразумительных южнославянизмах в русских книгах, отмечал: **по нашѣмъ не замѣднѣ, а сѣв'ски ѿли бѹде вол'гаски не замѣднѣ** [7. С. 97].

В более ранних русских списках ТП можно найти и другие соответствия правке и особым чтением Языковой редакции. В Рум-28 на л. 234а произведена замена: **иъзъ ѿѿпта призвѣ чѣда ѿгд** вместо первоначального **сѣа моѿго** (Ос 11: 1)⁸⁵. Однако она была известна и раньше⁸⁶. Так было в протографе Рум-28, общем с сербской лесновской копией: **чѣда ѿгд**⁸⁷. В Рум-28 на л. 275а архаичное причастие будущего времени **сѣвышѣащѣа**⁸⁸ заменено на **сывѣащѣа** («Сказание Исаина Пророчества» Феодорита Кирского), как и в некоторых предшествующих списках⁸⁹. Задолго до Языковой редакции

⁸² Рибарова З., Хауптова З. С. 370, 372; Киевская Псалтирь. Л. 222, 222об.

⁸³ Сборник с ТП. Л. 49, 53об.

⁸⁴ ТП Основной редакции. Л. 65.

⁸⁵ ТП Основной редакции. Л. 15–15об.

⁸⁶ Библийский сборник. Л. 88; Сборник с ТП. Л. 11об.; Лицевые ТП. Л. 13; ТП Геннадиевской редакции. 90-е гг. XV в. РГБ. Собр. ТСЛ (Ф. 304.1). № 63. Л. 8; ТП Основной редакции. 1488–1489 гг. Л. 15об.

⁸⁷ Сербские ТП и Апокалипсис. Л. 10об.

⁸⁸ ТП Основной редакции. Л. 93; Сборник с ТП. Л. 71об.

⁸⁹ Лицевые ТП. Л. 85об.; ТП с апокрифом «Последнее видение пророка Даниила» (Л. 362–364об.). Конец XV – начало XVI в. РГБ. Собр. Н.П. Румянцева (Ф. 256). № 31. Л. 77об.; ТП Геннадиевской редакции. № 63. Л. 64об.

малопонятный архаизм ѡзрѣчь (Ис 2: 16)⁹⁰ объясняли иногда на поле паримийным чтением видѣнїе⁹¹. В Рум-28 (л. 281б) оно внесено в текст вместо исключенного архаизма и т.п.

Необходимо отметить хотя бы некоторые ошибки. В одном из списков к точному переводу на пѣѣ земли (Иез 38: 12) сделана на поле неверная конъектура на пѣстѣ, искажившая смысл⁹². В Рум-28 она вставлена в строку: на поустѣ земли, л. 359б. В пересмотренном тексте стоит ѡ войнѣ вывши, л. 237а вместо ѡ винѣ вышациѣ (Иоил 1: 6–14, толк.)⁹³. Редактор заменил причастие, но не заметил предшествующей ошибки войнѣ, или она была допущена позднее: в последующей копии.

Вполне вероятно, что редакторская работа не ограничилась исправлением одних ТП, а охватила и другие ветхозаветные книги, например, Нав [4. С. 28. Сн. 2], но выяснить это — задача другого исследования. На материале ТП можно заключить, что Языковая редакция появилась, вероятно, в первой половине или даже во второй четверти XVI в. Рукопись Рум-28 не является ее авторским списком, но недалеко отстоит от него по времени. Многие пустоты в тексте, оставленные редактором для доработки, сохранились в Рум-28. При неоднократном переписывании памятника их становилось бы все меньше и меньше в каждой новой копии, пока они не исчезли бы совсем. И уже одно это дает основание полагать, что список Рум-28 близок к авторскому экземпляру Языковой редакции. Работа над ней не была закончена. Многие Книги пророков, по преимуществу великих, остались неисправленными (Иер, Плач, Посл Иер, Вар, Дан, часть Ис и Иез), хотя они представляют обширное поле для редактирования. К протографу сохранившегося списка Языковой редакции восходят две сербские рукописи из Нямецкого и Лесновского монастырей [5. С. 256–281]. Их источник перешел из русской письменности в сербскую не позднее начала второй половины XVI в.

Рассмотренная правка ТП предваряет отдельными чтениями редакции Острожской и Елизаветинской Библии [4. С. 28. Сн. 3]. Разумеется, прямого влияния Рум-28 на печатную Библию не было. Общее между ними — основная тенденция. Стремление редактора соединить традиционность книжного языка с простотой и понятностью библейского текста, согласовать его с общепринятым литургическим употреблением отвечало языковому стилю эпохи и оставалось актуальным и в более позднее время. Неизвестно, кто был создателем Языковой редакции ТП, но он разделял взгляды митрополита Макария, Досифея Топоркова и Нила Курлятева. Его редакция представляет собой как бы практическую реализацию их теоретических заявлений. Пересмотр древнеболгарского перевода ТП отразил «переоценку ценностей» и критическое отношение к старому южнославянскому наследию в русской литературе первой половины и середины XVI в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург.
ГИМ — Государственный Исторический музей, Москва.

⁹⁰ ТП Основной редакции. Л. 104об.

⁹¹ ТП Геннадиевской редакции. № 63. Л. 67об.; ТП с апокрифом. Л. 81; Рибарова З., Хаунтова З. С. 75. Л. 19.

⁹² ТП. Конец XV — начало XVI в. РГБ. Собр. Е.Е. Егорова (Ф. 98). № 123. Л. 232.

⁹³ ТП Основной редакции. Л. 20об.; Книги XII малых пророков. С. 34.

МДА — Московская духовная академия.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности АН.
РГБ — Российская государственная библиотека, Москва.
РНБ — Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург.
ТП — Толковые Пророчества.
ТСЛ — Троице-Сергиева лавра.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Библейский сборник с малыми пророками без толкований и нарушенным порядком книг (Ос, Иона, Ам, Наум, Авд на л. 79–109). Рубеж XV–XVI вв. БАН. Архангельское собр. С, № 3.
Великая Миней Четья. Январь. Успенский комплект. 40-е гг. XVI в. ГИМ. Синодальное собр. № 990.
Ветхозаветный сборник с Языковой редакцией ТП (Л. 227–4136). Середина (конец второй четверти) XVI в. РГБ. Собр. Н.П. Румянцева (Ф. 256). № 28.
Лицевые ТП дьяка Василия Мамырева. 1489 г. РГБ. Собр. МДА (Ф. 173.1). № 20.
Сборник с ТП (Л. 1–340). Конец XV в. РГБ. Собр. МДА (Ф. 173.1). № 19.
Сербские ТП и Апокалипсис с толкованиями архиепископа Андрея Кесарийского. 60–80-е гг. XVI в. ГИМ. Собр. А.И. Хлудова. № 1.
ТП. Конец XV — начало XVI в. РГБ. Собр. Е.Е. Егорова (Ф. 98). № 123.
ТП с апокрифом «Последнее видение пророка Данила» (Л. 362–364об.). Конец XV — начало XVI в. РГБ. Собр. Н.П. Румянцева (Ф. 256). № 31.
ТП Геннадиевской редакции. 90-е гг. XV в. РГБ. Собр. ТСЛ (Ф. 304.1). № 63, № 89.
ТП Основной редакции. 1488–1489 гг. РГБ. Собр. ТСЛ (Ф. 304.1). № 90.
ТП Основной редакции. Геннадиевская рабочая рукопись. Начало 90-х гг. XV в. (не позднее 1491 г.). ГИМ, Чудовское собр. № 184.
ТП с пермскими глоссами. Вторая четверть XVI в. ГИМ. Синодальное собр. № 117.
Евангелие от Матфея в славянской традиции / изд. подгот. А.А. Алексеев и др. СПб.: Нестор-История, 2005. 181 с. (Novum Testamentum Palaeoslovenice, II).
Киевская Псалтирь 1397 года из Государственной Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде [ОЛДП F 6]. М.: Искусство, 1978. [Т. 1]. 229 л. ил.
Книга нарицаема Козьма Индикоплов / изд. подгот. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина. М.: Индрик, 1997. 776 с., 48 рис.
Книги XII малых пророков с толкованиями в древнеславянском переводе. Книги Осии, Иоила, Амоса, Авдия и Ионы / пригот. к печати Н.Л. Туницкий / изд. ОРЯС РАН. Сергиев Посад, 1918. Вып. 1. X, 77 с.
Рибарова З., Хауптова З. Григоровичев паримејник. Скопје: Македонска Академија на науките и уметностите, 1998. Т. 1. Текст со критички апарат. XVIII, 452 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М.: Синодальная тип., 1855. Отд. 1. Священное Писание. [2], XIV, 339, [3] с.; 1857. Отд. 2. Писания святых отцев. Ч. 1. Толкование Священного Писания. [2], V, [1], 199, [2] с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Репринт. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. Т. 1. XIV с., 1744 стб., VI, X с.
3. Евсеев И.Е. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты / изд. ОРЯС имп. Академии наук. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. XC, 183 с.
4. Евсеев И.Е. Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. СПб.: т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1897. Ч. 1, 2. II, 168, 145, III с.
5. Калугин В.В. Сербский (лесновский) список Толковых Пророчеств XVI века и его русский источник // Историк и источник. Сб. статей. СПб.: Искусство России, 2018. С. 256–281.
6. Калугин В.В. Толковые Пророчества с пермскими глоссами и московский еретик Иван Черный // Palaeoslavica. Cambridge (Massachusetts), 2019. Vol. 27. № 2. С. 49–75.
7. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л.: Наука, 1975. 351 с.

8. Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб.: тип. «В.С. Балашев и К», 1899. Ч. 1. ССХII, 510 с.; Ч. 2. 424, 248, IV, [5] с.; Ч. 3. [4], DCXXXVI с. (ОЛДП. Т. 116).
9. Мострова Т. О структурных особенностях Книги пророка Иеремии в составе Великих миней-четых митрополита Макария // *Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij* / Hrsg. von E. Maierund, E. Weiher. Freiburg i. Br., 2006. Bd. 2. С. 109–137. (*Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes.* Т. XLIX).
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1988. Вып. 14. 311 с.
11. Словарь старославянского языка / *Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae Palaeoslovenicae* / Репринт. изд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. Т. 1. [6], LXXXII, 853 с.
12. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Библиографические материалы. СПб.: тип. имп. Академии наук, 1903. VIII, 460 с. (Сб. ОРЯС. Т. 74. № 1).
13. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринт. изд. М.: Книга, 1989. Т. 1. Ч. 2. 805–1420 стб., 49 с.; Т. 3. Ч. 1. 910 стб.
14. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 560 с.
15. Мострова Т. За един ръкопис от XVI в. с книгите на пророците и Тълковния апокалипсис // *Българският шестнадесети век*. София: Изд-во на Народната библиотека «Св. св. Кирил и Методий», 1996. С. 475–487.
16. Мострова Т. Книгата на пророк Иеремия в български, сръбски и руски преписи от XIV–XVI в. // *Palaeobulgarica* / Старобългаристика. София: Кирило-Методиевски научен център при Българска академия на науките, 2008. Т. 32. № 2. С. 59–82.
17. Мострова Т. Книгата на пророк Исая във Великите чети-minei на митрополит Макарий // *Jews and Slavs. Jerusalem–Sofia: The Hebrew University of Jerusalem and The Cyrillo-Methodian Research Center*, 2008. Vol. 20. С. 281–290.
18. Мострова Т. Старобългарският превод на книгата на пророк Иеремия по преписи от XIV–XVI век // *Palaeobulgarica* / Старобългаристика. София: Кирило-Методиевски научен център при Българска академия на науките, 1995. Т. 19. № 2. С. 9–26.

REFERENCES

- Gorskii A.V., Nevostrujev K.I. *Opisanije slavianskikh rukopisei moskovskoi Sinodal'noi biblioteki*. Moscow, Sinodal'naia tip. Publ., 1855. Otd. 1. Sviashchennoje Pisanije. [2], XIV, 339, [3] p.; 1857. Otd. 2. Pisaniiia sviatykh ottsev. Ch. 1. Tolkovanie Sviashchennogo Pisanija. [2], V, [1], 199, [2] p. (In Russ.)
- Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*, reprint. vosproizvedeniye izd. 1903–1909 gg. pod red. I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Izdatel'skaia gruppa «Progress», «Univers» Publ., 1994. T. 1. XIV p., 1744 col., VI, X p. (In Russ.)
- Jevsejev I. Je. *Kniga proroka Daniila v drevneslavianskom perevode. Vvedeniye i teksty*, izd. ORIAS imp. Akademii nauk. Moscow, tip. G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1905, XC, 183 p. (In Russ.)
- Jevsejev I. Je. *Kniga proroka Isaii v drevneslavianskom perevode*. St. Petersburg, t–vo «Pechatnia S.P. Iakovleva» Publ., 1897. Ch. 1, 2. II, 168, 145, III p. (In Russ.)
- Kalugin V.V. Serbskii (lesnovskii) spisok Tolkovykh Prorochestv XVI veka i jego russkii istochnik. *Istoriik i istochnik. Sbornik statei*. St. Petersburg, 2018, pp. 256–281. (In Russ.)
- Kalugin V.V. Tolkovyje Prorochestva s permskimi glossami i moskovskii jeretik Ivan Chernyi. *Palaeoslavica*. Cambridge (Massachusetts), 2019, vol. 27, no. 2, pp. 49–75. (In Russ.)
- Kovtun L.S. *Leksikografiia v Moskovskoi Rusi XVI – nachala XVII v.* Leningrad, Nauka Publ., 1975, 351 p. (In Russ.)
- Likhachev N.P. *Paleograficheskoe znachenije bumazhnykh vodianykh znakov*. St. Petersburg, tip. «V.S. Balashov i K» Publ., 1899. Ch. 1. ССХII, 510 p.; Ch. 2. 424, 248, IV, [5] p.; Ch. 3. [4], DCXXXVI p. (ОЛДП. Т. 116). (In Russ.)
- Mostrova T. Knigata na prorok Ieremiia v bulgarski, srbski i ruski prepisi ot XIV–XVI v. *Palaeobulgarica* / *Starobulgaristika*. Sofia, 2008, t. 32, no. 2, pp. 59–82. (In Bulg.)
- Mostrova T. Knigata na prorok Isaia vuv Velikite cheti-minei na mitropolit Makarii. *Jews and Slavs*. Jerusalem–Sofia, 2008, vol. 20, pp. 281–290. (In Bulg.)
- Mostrova T. O strukturnykh osobennostiakh Knigi proroka Ijeremii v sostave Velikikh minei-chet'jikh mitropolita Makarii. *Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij*, hrsg. von

- E. Maierund, E. Weiher. Freiburg i. Br., 2006, Bd. 2, pp. 137–109. (Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertations. T. XLIX). (In Russ.)
- Mostrova T. Starobŭlgarskiiat prevod na knigata na prorok Ieremiia po prepisi ot XIV–XVI vek. *Palaeobulgarica / Starobŭlgaristika*. Sofia, 1995, t. 19, no. 2, pp. 9–26. (In Bulg.)
- Mostrova T. Za edin rŭkopolis ot XVI v. s knigite na prorotsite i Tŭlkovniia apokalipsis. *Bŭlgarskiiat shestnadeseti vek*. Sofia, 1996, pp. 475–487. (In Bulg.)
- Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* Moscow, Nauka Publ., 1988. Vyp. 14. 311 p. (In Russ.) *Slovar' staroslavianskogo iazyka / Slovník jazyka staroslověnského*. Lexicon linguae Palaeoslovenicae, reprint. izd. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2006. T. 1. [6], LXXXII, 853 p. (In Czech and Russ.)
- Sobolevskii A.I. *Perevodnaia literatura Moskovskoi Rusi XIV–XVII vv. Bibliograficheskiye materialy*. St. Petersburg, tip. imp. Akademii nauk Publ., 1903, VIII, 460 p. (Sb. ORIAS. T. 74. No. 1). (In Russ.)
- Sreznevskii I.I. *Slovar' drevnerusskogo iazyka*. Reprint. izd. Moscow, Kniga Publ., 1989. T. 1. Ch. 2. 805–1420 col., 49 p.; T. 3. Ch. 1. 910 col. (In Russ.)
- Uspenskii B.A. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*. 3-je izd., ispr. i dop. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 560 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Калугин Василий Васильевич,
доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Отдела лингвистического источниковедения
и истории русского литературного языка
Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0000-0003-2188-2113
E-mail: vasiliykalugin@mail.ru

Information about the author

Vasilij V. Kalugin
DSc. (Philology), Professor,
Leading Researcher, Department of Linguistic
Source Studies and History of the Russian
Literary Language,
Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: 0000-0003-2188-2113;
E-mail: vasiliykalugin@mail.ru



Богемизмы в старобелорусских переводах «Песни песней»

© 2022 г. А.В. Алексеевич

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси (Минск, Республика Беларусь)

hanaaleks@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются два переводных старобелорусских памятника «Песни песней»: анонимный XV–XVI вв., сохранившийся в составе рукописи 558 из Синодального собрания ГИМ, и опубликованный Ф. Скориной в 1518 г. Оба перевода восходят к чешским редакциям Библии — Падеровской и Венецианской. Главным образом, анализируется язык старобелорусских текстов на предмет наличия в них чешских заимствований — богемизмов. Старобелорусские тексты были сопоставлены с чешскими источниками. Отмечается синкретизм языка старобелорусских памятников, обусловленный инославянским влиянием: старославянским (церковнославянским), чешским и польским. По результатам историко-этимологического анализа удалось установить следующие богемизмы: *зернатое яблоко, вечерadlo, ѣдло, купало, ѡпочива(д)ло, преваль*. Таким образом, чешские заимствования проникали в старобелорусский язык не только опосредованно (через польский язык), но и непосредственно (в процессе перевода чешских текстов на старобелорусский язык).

Ключевые слова: старобелорусский язык, чешский язык, старославянизм (церковнославянизм), полонизм, Ф. Скорина.

Ссылка для цитирования: Алексеевич А.В. Богемизмы в старобелорусских переводах «Песни песней» // Славяноведение. 2022. № 2. С. 54–66. DOI: 10.31857/S0869544X0019025-0

Bohemisms in the Old Belarusian translations of the «Song of Songs»

© 2022. Anna V. Aleksiajevich

The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches
of National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

hanaaleks@gmail.com

Abstract. This article examines two translations of Old Belarusian monuments of the «Song of Songs»: an anonymous one from the 15th–16th centuries, preserved as part of manuscript 558 from the Synodal collection SHM, and the translated text published by F. Skaryna in 1518. The main focus of our analysis is the language of the Old Belarusian texts as to whether they contain Czech borrowings, i.e. bohemisms. The Old Belarusian texts have been compared with the Czech sources. The syncretism of the

language of Old Belarusian monuments was caused by foreign Slavonic influence: Old Slavonic (Church Slavonic), Czech and Polish. According to the results of the historical and etymological analysis, the following bohemisms were discovered: *зернатое яблоко, вечерадло, пьдло, купало, ѿпочива(д)ло, преваль*. Thus, Czech loanwords penetrated into Old Belarusian not only indirectly (through Polish), but also directly (through Czech translation into Old Belarusian).

Keywords: Old Belarusian, Czech, Old Slavonic (Church Slavonic), Polonism, F. Skaryna.

Reference for citation: *Aleksiyevich H.* Bohemisms in the Old Belarusian translations of the «Song of Songs» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2022. No. 2. Pp. 54–66. DOI: 10.31857/S0869544X0019025-0

В период с XIV по XVIII в. чешское влияние на восточнославянские языки чаще всего рассматривалось в контексте чешско-польско-восточнославянских языковых отношений [32; 42; 43; 44. С. 13–16; 45. С. 31–49]. Богемизмы заимствовались восточнославянскими языками через польское посредничество. Следует отметить, что польский язык продолжительное время находился под влиянием чешского: начиная с X в. богемизмы проникали в польскую религиозную терминологию, на протяжении XIII–XIV вв. слова заимствовались из области права, административного управления, торгово-экономической сферы, в XV в. количество богемизмов существенно возрастает, среди них также военные и научные термины, на последнем этапе в XVI в. приток новых богемизмов постепенно уменьшается [28; 49. С. 11–25; 52. С. 217–224; 53]. Польский язык играл роль посредника, благодаря которому богемизмы вместе с полонизмами усваивались восточнославянскими языками [3; 4; 22; 23].

Менее изучено проникновение богемизмов в восточнославянскую письменность через переводы чешских текстов или их использование в процессе переводческой деятельности. На сегодняшний день установлено, что старобелорусские «Сказание о Сивилле-пророчице», «Песнь песней», староукраинский «Луцидариус» восходят к чешским редакциям; старобелорусские «Житие Алексея, человека Божьего», «Книга о Таудале-рыцаре», «Троянская история», «История об Аполлоне Тирском» были переведены с использованием чешских источников. В рамках текстологического анализа исследователи обращали внимание и на языковые особенности произведений, свидетельствующие об их чешском происхождении [1; 8; 9; 10; 14; 29; 30. С. 28–45; 38; 39; 57].

Обстоятельно вопрос о чешском языковом влиянии был изучен в отношении переводов Ф. Скорины. Известно, что на протяжении 1517–1519 гг. белорусский просветитель издал двадцать три книги Библии в Праге. Работая над восточнославянским переводом, Ф. Скорина обращался к чешской редакции Библии в венецианском издании 1506 г. Исследованием чешских заимствований в текстах просветителя занимались П.В. Владимиров, А.В. Флоровский, А.И. Журавский, А.Н. Булыко, В.В. Аниченко, Н.Н. Запольская, С.Е. Рапацевич, П. Станковска, Л.П. Гарбуль, И.В. Будько и др. Отмечая в них семантические, фонетические, морфологические и синтаксические особенности чешского происхождения, исследователи пришли к выводу, что на язык Ф. Скорины заметное влияние оказала не только церковнославянская литературно-письменная традиция, но и западнославянская, в частности, чешская [5; 11; 12; 13; 15. С. 296–301; 16; 19. С. 113–157; 20; 21; 24; 27; 31. С. 166–225].

В данной статье проанализированы два старобелорусских перевода «Песни песней», которые восходят к чешским редакциям. Первый из них является анонимным, сохранившимся в единственном экземпляре в составе рукописи 558 из Синодального собрания ГИМ. Второй, изданный в Праге в 1518 г., принадлежит Ф. Скорине. Анонимная «Песнь песней» обычно датируется XV–XVI вв., однако, согласно последним исследованиям Ю. Верхоланцева, памятник следует отнести ко второй трети или середине XV в. [57. Р. 43–44]. В основе этого старобелорусского перевода лежит третья редакция рукописной чешской Библии 1432–1435 гг., так называемая Падеровская Библия (*Padeřovská Bible*) [1; 2. С. 163–164; 57. Р. 39–40]. Источником «Песни песней» Ф. Скорины является текст чешской Библии 1506 г., так называемая Венецианская Библия (*Benátská Bible*) [2. С. 164–165].

Подробным изучением «Песни песней» из Синодального собрания ГИМ, в том числе ее языковых особенностей занимались А.В. Флоровский, А.А. Алексеев, Ю. Верхоланцева [31. С. 232–242; 1; 2. С. 163–164; 57. Р. 39–51, 99–109]. А.В. Флоровский считал памятник украинским переводом, а его язык «белорусско-малорусским» [31. С. 232]. Позже А.И. Журавский высказался, что подобное предположение не обосновано, поскольку в тексте явных украинизмов нет, а язык памятника ничем не отличается от других старобелорусских переводов [19. С. 158–159]. А.А. Алексеев утверждал, что «язык перевода, по терминологии русской науки XIX в., западнорусский, с незначительными украинскими вкраплениями; по сегодняшней терминологии – это старобелорусский язык» [2. С. 163–164]. Тем не менее в «Исторический словарь белорусского языка» этот памятник включен не был, однако он вошел в «Словарь староукраинского языка XVI – первой половины XVII в.», где цитируется по изданию Н.И. Костомарова «Старинный южнорусский перевод Песни песней с послесловиями о любви» 1861 г. [26. Вип. 1. С. 49].

Что касается перевода Ф. Скорины, то язык «Песни песней» не изучался отдельно от других его переводов. Следовательно, при анализе заимствований чешского происхождения в «Песне песней» нужно учитывать общие выводы, сделанные вышеупомянутыми исследователями.

В данной статье «Песнь песней» Ф. Скорины и старочешский текст из Венецианской Библии 1506 г. цитируются по оригинальным изданиям. Старобелорусский перевод «Песни песней» из Синодального собрания ГИМ – по монографии А.А. Алексеева «Песнь песней в древней славяно-русской письменности» [2. С. 166–173, 222–226]. Старочешский текст из рукописной Падеровской Библии – по интернет-приложению *Vokabulář webový*, разработанному «Институтом чешского языка» при Академии наук Чешской республики.

При изучении богемизмов в старобелорусских памятниках исследователи могут столкнуться с некоторыми сложностями, которые стоит оговорить. Старобелорусские тексты, особенно религиозной направленности, содержат достаточное количество старославянизмов (церковнославянизмов). В отдельных случаях невозможно определить является ли слово богемизмом или старославянизмом (церковнославянизмом). Подобное наблюдается в старобелорусских переводах «Песни песней». Например, наличие рефлексов *-ra-*, *-la-* и *-rě-*, *-lě-* в группе согласных свойственны как чешскому, так и старославянскому (церковнославянскому) языкам [7. С. 216–220]: ст.-бел. *гла(с)* (ПП-А. С. 166), *гласъ* (ПП-С. С. 3), которым соответствует ст.-чеш. *hlas* (РВ. 1: 11; ВВ. I: 11), ср. со ст.-слав. *гласъ* [40]; ст.-бел. *сла(д)ко* (ПП-А. С. 167),

сладокъ (ПП-С. С. 4) — ст.-чеш. *sladké* (РВ. 2: 3; ВВ. II: 8), ср. со ст.-слав. *сладѣкъ* [40]; ст.-бел. *заграды* (ПП-А. С. 169; ПП-С. С. 7) — ст.-чеш. *zahrady* (РВ. 5: 1; ВВ. V: 3), ср. со ст.-слав. *заграда* [40]; ст.-бел. *древа* (ПП-А. С. 168), *древъ* (ПП-С. С. 5b) — ст.-чеш. *dřevie* (РВ. 3: 9; ВВ. III: 31), ср. со ст.-слав. *древа* [40]; ст.-бел. *сребраны* (ПП-А. С. 168), *серебрёные* (ПП-С. С. 5b) — ст.-чеш. *sříebné* (РВ. 3: 10; ВВ. III: 32), ср. со ст.-слав. *сѣребро* [40]; ст.-бел. *млеко* (ПП-А. С. 169), *млько* (ПП-С. С. 6b) — ст.-чеш. *mléko* (РВ. 4: 11; ВВ. III: 32), ср. со ст.-слав. *млько* [40]. Кроме неполногласных форм, в переводе «Песни песней» из Синодального собрания ГИМ встречаются также полногласные, свойственные восточнославянским языкам: ст.-бел. *голоѣ*, *золотыи*, *серебро(м)* (ПП-А. С. 167), *огородокъ*, *огорода*, *молокомъ* (ПП-А. С. 169), *деревомъ* (ПП-А. С. 172), *соло(д)кость* (ПП-А. С. 173).

Начальному [о] в восточнославянских языках соответствует [е] в западнославянских и южнославянских [7. С. 226]. Таким образом, начальное [е] может свидетельствовать как о чешском, так и церковнославянском влиянии: ст.-бел. *елене(му)* (ПП-А. С. 167), *еленеви* (ПП-С. С. 4b) соответствует ст.-чеш. *jelenieti* (РВ. 2: 9; ВВ. II: 20–21), ср. со ст.-слав. *юлень* [40]. В переводах были использованы также формы с начальным [о]: ст.-бел. *олени* (ПП-А. С. 167), *оленьми* (ПП-С. С. 4b).

Богемизмы следует отличать от заимствований общего западнославянского происхождения. Поскольку лексические фонды чешского и польского языков во многом совпадают, довольно тяжело, а порой и невозможно определить, является слово богемизмом или полонизмом: ст.-бел. *боіовали* (ПП-А. С. 166) — ст.-чеш. *bojovali* (РВ. 1: 5; ВВ. I: 15), ср. со ст.-польск. *bojować*, *bojować* [54. Т. 1. С. 125–126], Ф. Скорина использовал *бранаше* (ПП-С. С. 3b); ст.-бел. *гавронъ* (ПП-А. С. 170) — ст.-чеш. *havran* (РВ. 5: 11; ВВ. V: 40), ср. со ст.-польск. *gawron* [54. Т. 2. С. 387], Ф. Скорина использовал *вран* (ПП-С. С. 7b); ст.-бел. *квѣ(т)*, *кветіемъ*, *квѣтіе*, *квитучи*, *кви(т)* (ПП-А. С. 167) — ст.-чеш. *květ*, *kvietím*, *kvietie*, *kwúće*, *zkvetla* (РВ. 2: 1, 5, 13, 15), *květ*, *kvietím*, *kvietie*, *rozkvětlé*, *rozkvetla* (ВВ. II: 2, 10–11, 26, 30, 39), ср. со ст.-польск. *kwiecie*, *kwiść*, *kwitnąć* [54. Т. 3. С. 477–479], у Ф. Скорины использованы *цветъ*, *цвети-ем*, *цветы*, *цвитущие*, *процвила* (ПП-С. С. 4, 4b, 5); ст.-бел. *корунъ*, *коруновала* (ПП-А. С. 168), *коруне*, *коруновала* (ПП-С. С. 5b) — ст.-чеш. *koruň*, *korunovala* (РВ. 3: 11; ВВ. III: 37–38), ср. со ст.-польск. *korona*, *koruna*, *krona* [54. Т. 3. С. 346–347], *koronować*, *korunować* [54. Т. 3. С. 348]; ст.-бел. *пекло* (ПП-А. С. 172) — ст.-чеш. *peklo* (РВ. 8: 6; ВВ. VIII: 25), ср. со ст.-польск. *piekło*, *piekieł*, *piekieł* [54. Т. 6. С. 89–90], Ф. Скорина использовал *адъ* (ПП-С, 10b); ст.-бел. *рыбники* (ПП-А. С. 171), *рыбници* (ПП-С. С. 9) — ст.-чеш. *rybníci* (РВ. 7: 4; ВВ. VII: 14), ср. со ст.-польск. *rybnik* [54. Т. 8. С. 55]; ст.-бел. *смѣда* (ПП-А. С. 166), *смеда* (ПП-С. С. 3b) — ст.-чеш. *smědá* (РВ. 1: 5; ВВ. I: 14), ср. со ст.-польск. *(śniady) śmiady* [54. Т. 9. С. 33]; ст.-бел. *склепове* (ПП-А. С. 167) — ст.-чеш. *sklepové* (РВ. 1: 16), ср. со ст.-польск. *sklep* [54. Т. 8. С. 233]; ст.-бел. *сукню* (ПП-А. С. 169), *сукню* (ПП-С. С. 7) — ст.-чеш. *sukni* (РВ. 5: 3; ВВ. V: 17), ср. со ст.-польск. *suknia* [54. Т. 8. С. 503–504].

В старобелорусских переводах фиксируется некоторое количество полонизмов. Рефлексы *-ro-*, *-lo-* в группе согласных свидетельствуют о польском происхождении заимствований: ст.-бел. *броны*, *бранахъ* (ПП-А. С. 171, 172), которым соответствуют ст.-чеш. *bráně*, *branách* (РВ. 7: 4, 13; ВВ. VII: 15, 38), у Ф. Скорины использовано *вратехъ* (ПП-С. С. 9, 10); ст.-бел. *власу* (ПП-А.

С. 169) – ст.-чеш. *vlasu* (РВ. 4: 9), *vlasem* (ВВ. III: 28), у Ф. Скорины – *вла-сомъ* (ПП-С. С. 6). К полонизмам следует отнести также ст.-бел. *моцны(х)*, *мо-цныхъ*, *моцна* (ПП-А. С. 168, 169, 172); *мура* (ПП-А. С. 170), *муровъ* (ПП-С. С. 7b); *коханиахъ*, *коханиа* (ПП-С. С. 9b, 10), которым соответствуют в чешских редакциях иные слова: ст.-чеш. *silných* (РВ. 3: 7, 4: 4; ВВ. III: 25, III: 16), *silná* (РВ. 8: 6), *silnáť* (ВВ. VIII: 24); *zdi* (РВ. 5: 7; ВВ. V: 31); *rozkošech* (ВВ. VII: 21), *rozkoší* (ВВ. VIII: 17).

Небольшую группу составляют богемизмы, ранее заимствованные восточнославянскими языками при польском посредничестве: ст.-бел. *кацере(м)* (ПП-А. С. 167) – ст.-чеш. *kacieřstvím* (РВ. 2: 15; ВВ. II: 37), Ф. Скорина использовал *еретикомъ* (ПП-С. С. 5); ст.-бел. *мѣсто* (ПП-А. С. 168) – ст.-чеш. *město* (РВ. 3: 3; ВВ. III: 6), у Ф. Скорины – *градъ* (ПП-С. С. 5); ст.-бел. *рыницъ(х)* (ПП-А. С. 168) – ст.-чеш. *rynciech* (РВ. 3: 3; ВВ. III: 6), у Ф. Скорины – *тор-зехъ* (ПП-С. С. 5); ст.-бел. *тварь*, *тварность* (ПП-А. С. 167, 170), *тварь* (ПП-С. С. 8) – ст.-чеш. *tvář*, *tvářnost* (РВ. 2: 14, 5: 15), *twářnost* (ВВ. V: 51).

Несмотря на определенные сложности, которые возникают при размежевании церковнославянского, польского и чешского языкового влияния на старобелорусские переводы «Песни песней», можно утверждать, что в текстах содержится несколько богемизмов, непосредственно заимствованных из чешских источников.

Зернатое яблоко

В чешских редакциях «Песни песней» словосочетание *zrnaté jablko* используется по шесть раз в каждой. Ф. Скорина употребил сочетание *зернатое яблоко* пять раз, в анонимном старобелорусском переводе словосочетание встречается единожды. Для удобства разместим все случаи их использования в таблице:

Падеровская Библия	«Песнь песней» из рукописи 558	Венецианская Библия	«Песнь песней» Ф. Скорины
<i>zrnatého jablka</i> (РВ. 4: 3)	<i>раиска(ѣ) аблока</i> (ПП-А. С. 169)	<i>jablka zrnatého</i> (ВВ. III: 12)	<i>аблока зернатого</i> (ПП-С. С. 6)
<i>zrnatých jablek</i> (РВ. 4: 13)	<i>зернаты(х) абло(к)</i> (ПП-А. С. 169)	<i>jablek zrnatých</i> (ВВ. III: 36)	<i>аблокъ зернатыхъ</i> (ПП-С. С. 6b)
<i>zrnatého jablka</i> (РВ. 6: 6)	<i>раиска(ѣ) аблока</i> (ПП-А. С. 171)	<i>jablka zrnatého</i> (ВВ. VI: 18)	<i>красного аблока</i> (ПП-С. С. 8b)
<i>jablka zrnatá</i> (РВ. 6: 10)	<i>аблока раискаа</i> (ПП-А. С. 171)	<i>jablka zrnatá</i> (ВВ. VI: 33)	<i>аблока зернатыи</i> (ПП-С. С. 8b)
<i>zrnatá jablka</i> (РВ. 7: 12)	<i>раиски(х) аблокъ</i> (ПП-А. С. 172)	<i>jablka zrnatá</i> (ВВ. VII: 36)	<i>аблока зернатыи</i> (ПП-С. С. 9b, 10)
<i>zrnatých jablek</i> (РВ. 8: 2)	<i>раиски(х) аблокъ</i> (ПП-А. С. 172)	<i>jablek zrnatých</i> (ВВ. VIII: 10)	<i>аблокъ зернатыхъ</i> (ПП-С. С. 10)

Для обозначения плода граната в старочешском языке существовало несколько наименований: *červené, jadrné, margramské, peckové, plané, rajské, zardělé, zrnaté jablko* [37. S. 672; 46. S. 168; 47. S. 214; 58]. Согласно Я. Гебауеру, ст.-чеш. *rajská jablka* письменно было зафиксировано в конце XIV в., ст.-чеш. *zrnatá jablka* – в первой половине XV в. [41. D. 1. S. 587]. Для сравнения в старопольском языке гранат имел также несколько названий, частично совпадающих со старочешскими: *czerwone, granatowe, polne, rajskie, włoskie, ziarniate jabłko* [54. Т. 3. S. 87–88]. Стоит отметить, что впервые словосочетание *ziarniate jabłko* было зарегистрировано в Библии королевы Софии [54. Т. 3. S. 88]. Как

известно, этот старопольский памятник насыщен многочисленными богемизмами. В. Неринг относит ст.-польск. *zarnaty* (*zarnata iablka*, *zarnatych iablek*), использованное в названном памятнике, к чешским заимствованиям [48. S. 103].

Материалы исторических словарей восточнославянских языков дают следующую информацию: ст.-бел. *яблоко зернатое* ‘плод граната’ [17. Вып. 12. С. 228], ст.-укр. *зернятый* ‘который содержит много зерен, зернистый’ [26. Вип. 11. С. 235]. В старобелорусской письменности словосочетание было зафиксировано несколько раз, но все в переводах Ф. Скорины — «Песнь песней», «Премудрость божья», третьей и четвертой книгах «Царств» [17. Вып. 12. С. 228; 6. С. 225]. Ст.-укр. *зернятый* было засвидетельствовано со ссылкой на «Песню песней» из рукописи 558 Синодального собрания ГИМ. Таким образом, в старобелорусском и староукраинском словарях словосочетание появилось исключительно благодаря переводам чешских источников.

Вечерадло

Слово встречается в анонимной «Песне песней» (ПП-А. С. 168), которому в чешском тексте из Падеровской Библии соответствует *večeřadlo* (РВ. 3: 9). Что касается Венецианской Библии и перевода Ф. Скорины, то в чешском источнике использовано *pokojíček* (ВВ. III: 30), в старобелорусском — *комору* (Вин. п.) (ПП-С. С. 5b).

Ст.-чеш. *večeřadlo* в значении ‘столовая’ [37. S. 559] является производным ст.-чеш. *večer*, прасл. **večerь* [46. S. 558; 47. S. 680; 51. S. 769]. Ст.-польск. *wieczerzadło*, датируемое XV в. [54. Т. 10. S. 128], относится к богемизмам [36. S. 428–429; 44. S. 103; 50. S. 78].

Среди исторических словарей восточнославянских языков слово было зафиксировано только в «Словаре староукраинского языка XVI — первой половины XVII в.» со ссылкой на «Песнь песней» из рукописи 558 Синодального собрания ГИМ: ст.-укр. *вечерядло* ‘то же самое, что и вечерникъ’ [26. Вип. 4. С. 7], ср. со ст.-укр. *вечерникъ* ‘столовая; комната, предназначенная для приема ужина’ [26. Вип. 4. С. 9]. А.В. Флоровский и Ю. Верхоланцева относят *вечерядло* в старобелорусской «Песне песней» к богемизмам, непосредственно заимствованным из чешского источника [31. С. 233; 57. Р. 108].

Їдло

Слово было зафиксировано в анонимной «Песне песней» в форме П. п. с предлогом — *оу ѓдль* (ПП-А. С. 167), в старочешском тексте ему соответствует сочетание *v jédle* (РВ. 1: 11). Чешская редакция Библии 1506 г. содержит вместо него *v pokoji* (ВВ. I: 32), которое Ф. Скорина перевел как *въ покои* (ПП-С. С. 4).

Ст.-чеш. *jiedlo* датируется 1414 г. [41. D. 1. S. 645], восходит к прасл. **ědlo* [33. Вып. 6. С. 41; 46. S. 181; 47. S. 228]. В старочешском языке слово использовалось в нескольких значениях ‘еда, снесь’, ‘блюдо’, ‘прием пищи’ [41. D. 1. S. 645; 58], но ни одно из них не подходит в контексте «Песни песней». Ю. Верхоланцева обратилась к латинской редакции Библии, с которой был сделан чешский перевод, и нашла соответствие: лат. *accubitus* [57. Р. 108]. Согласно И.Х. Дворецкому, лат. *accubitus* имело два значения ‘1) возлежание за столом (совместная трапеза); 2) застольное ложе’ [18. С. 22]. По-видимому, чешский переводчик был не точен и допустил ошибку.

Ст.-бел. *едло*, *идло* ‘еда, блюдо’ впервые было засвидетельствовано в 1596 г. [17. Вып. 9. С. 170], также ст.-укр. *ѓдло*, *идло* [26. Вип. 13. С. 22]. Слово было

заимствовано из западославянских языков [33. Вып. 6. С. 41], о чем свидетельствует сочетание *-dl-*, относящееся к общезападнославянским изоглоссам [7. С. 229]. Вероятней всего, в старобелорусский и староукраинский языки слово пришло из польского, ср. ст.-польск. *jedłto, jadłto* [55. Т. 9. С. 362–363]. Учитывая обстоятельства возникновения «Песни песней», сочетание *ou ydlъ* следует отнести к богемизмам.

Купало

Слово дважды использовал в переводе Ф. Скорины: *изъ купала* (ПП-С. С. 6), *ис купала* (ПП-С. С. 8b). Соответствующая им форма в чешской редакции Венецианской Библии: *z kupadla* (ВВ. III: 8, VI: 14). Это слово отсутствует в анонимной «Песне песней», вместо него находим *з мытели* (ПП-А. С. 168), *из мытели* (ПП-А. С. 170). В тексте Падеровской Библии им соответствует *z umyvadla* (РВ. 4: 2, 6: 5).

Ст.-чеш. *kupadlo* было зарегистрировано в нескольких значениях: 'купальня, место для купания', 'купель, в особенности для ритуального омовения', 'средство, в особенности для ритуального омовения', 'лента, которая дарилась накануне некоторых праздников', 'растение с листьями в форме сосуда, удерживающего воду, возможно, манжетка' [37. S. 113; 41. D. 2. S. 177; 58]. Согласно Я. Гебауеру, в значении 'купальня, место для купания' слово датируется XV в. [41. D. 2. S. 177]. Восходит к прасл. **kǫpadlo*, которое является производным с суф. *-(a)dlo* от глаг. **kǫpati* [33. Вып. 12. С. 58], историю слова см. также у В. Махека [46. S. 247–248; 47. S. 307–308].

Ст.-бел. *купало* письменно фиксируется в двух значениях: '1. Место для купания, купальня; 2. Праздник Ивана Купалы' [17. Вып. 16. С. 225]. Ст.-укр. *купало*, ст.-рус. *купалы* семантически связаны с праздником Ивана Купалы [26. Вип. 15. С. 183; 25. Вып. 8. С. 124]. В значении 'место для купания, купальня' ст.-бел. *купало* было отмечено только в «Песне песней» Ф. Скорины. Сравните определение семантики этого слова в «Словаре языка Скорины» — *купало* 'водоем' [6. С. 289]. Это обстоятельство, а также отсутствие слова в старопольском языке свидетельствуют о непосредственном заимствовании слова из чешского источника.

Їтпочива(д)ло

Слово дважды встречается в анонимной «Песне песней»: *ѡтпочивало* (ПП-А. С. 168), *з ѡтѡпочива(л)* (ПП-А. С. 169), которым в чешской Падеровской Библии соответствуют *odpočívadlo* (РВ. 3: 10), *z odpočívadl* (РВ. 4: 8). В переводе Ф. Скорины слово использовано один раз: *ѡтпочиваadlo* (ПП-С. С. 5b), в Венецианской Библии ему соответствует *odpočívadlo* (ВВ. III: 32).

Ст.-чеш. *otpočívadlo* было зарегистрировано в значениях '1. Ложе, постель, кушетка; носилки; 2. Комната, помещение, предназначенное для отдыха или приема пищи (столовая), или ночного отдыха (спальня); 3. Место или пространство, предназначенное для отдыха и пребывания (кого-н.), прежде всего, жилище, (высокопоставленного человека) резиденция, (скота) хлев, загон; (зверя) логово, берлога; 4. Стоянка, место остановки во время похода; 5. Место вечного посмертного отдыха и блаженства, рай', датируется второй половиной XIV в. [56. Seš. 14. S. 926–927]. Является производным глаг. *odpočínout si, odpočívát*, которые восходят к прасл. **počiti*, состоящему из префикса **po-* и **čiti*. В западославянских языках используется также с префиксом *od-* [46. S. 334; 47. S. 409; 51. S. 466].

Ст.-польск. *odpoczywadłō, odpoczywadłō* ‘место отдыха, прежде всего, ложе, постель’ датируется XV в. [54. Т. 5. S. 481]. Поскольку слово было зафиксировано в таких памятниках, как Библия королевы Софии и Маммотректах, изобилующих богемизмами, можно предположить его чешское происхождение.

По данным исторического словаря, ст.-бел. *отпочивадло* ‘подлокотник’ было письменно засвидетельствовано только в «Песне песней» Ф. Скорины [17. Вып. 23. С. 208], в «Словаре языка Скорины» отмечено *отпочивадло* в значении ‘площадка’ [6. С. 467]. Если учесть семантику ст.-чеш. *otpočivadlo, odpōčivadlo*, ст.-польск. *odpoczywadłō, odpoczywadłō*, вызывает сомнение значение, присвоенное старобелорусскому слову в вышеуказанных словарях. На чешское происхождение ст.-бел. *отпочивадло* в текстах Ф. Скорины указывали П.В. Владимиров [15. С. 297] и А.Н. Булыко [12. С. 289; 13. С. 106].

Преваль

Слово было использовано в анонимной «Песне песней» в словосочетании *превалъ лютости* (ПП-А. С. 168), которому в чешском источнике соответствует *převal* (РВ. 2: 11). Венецианская Библия также содержит это слово — *přival* (ВВ. II: 26), довольно точно переведенное Ф. Скориной как *дождь велии* (ПП-С. С. 4b).

Ст.-чеш. *přieval, přěval* было зафиксировано в нескольких значениях: ‘1. Осадки, прежде всего дождевые, ливень, гроза; 2. Вихрь, сильный ветер; 3. Водный поток, река, ручей; 4. (Слезы) ручьем; 5. (Чувств) порывы; 6. Стихийное бедствие, гибель’ [37. S. 395; 57]. Слово является производным глаг. *valiti, váleti*, прасл. **valiti* [46. S. 554–555; 47. S. 676; 51. S. 764].

Ст.-польск. *przewał* ‘1. Ливень; 2. Высокая вода, волна; 3. Сильный ветер, вихрь’ датируется 1444 г. [54. Т. 7. S. 198]. На заимствование слова из старочешского языка в Библии королевы Софии указывал В. Неринг [48. S. 104]. А. Баньковский рассматривает возможность чешского происхождения слова во «Флорианской псалтири» [35. Т. 2. S. 917]. Я. Сятковский детально проанализировал использование слова и пришел к выводу, что в письменных памятниках значение ‘ливень’, ‘волна’ за ст.-польск. *przewał* закрепилось под непосредственным чешским влиянием. Исследователь считает слово общеславянским, приводя примеры из других славянских языков. Современное польск. *przewał* фиксируется в значениях ‘переворачивание’, ‘нарушение’, ‘вал’. Таким образом, Я. Сятковский рассматривает ст.-польск. *przewał* как семантический богемизм [36. S. 281].

Согласно «Этимологическому словарю белорусского языка», известны бел. диал. *перавал, ісці пераваламі* (о дожде) ‘с перерывами’, рус. волог., перм. *перевала* ‘черная, дождевая туча, которая внезапно надвигается, и из нее идет кратковременный дождь’ [34. Т. 9. С. 30]. Восточнославянские слова отличает наличие полногласия в группе согласных. Отмеченное в старобелорусской «Песне песней» *превалъ* сохраняет неполногласие, свойственное западно- и южнославянским языкам, в частности чешскому. А.В. Флоровский и Ю. Верхоланцева считают слово богемизмом, заимствованным из чешского источника [31. С. 233; 57. Р. 108]. Выполненный анализ подтверждает их выводы.

Изучение чешского влияния на восточнославянские письменные языки в XIV–XVIII вв. следует проводить в двух основных направлениях. Во-первых, значительная часть богемизмов проникала на восток через посредничество польского языка, т.е. непрямым путем. Соответственно необходимо и далее разрабатывать вопрос о чешско-польско-восточнославянских языковых отношениях. Во-вторых, богемизмы могли заимствоваться непосредственно из чешских

письменных источников. Исследование языка старобелорусских памятников «Песни песней» показало, что в текстах сохранилось определенное количество богемизмов. Несмотря на синкретизм языка, обусловленного влиянием старославянской (церковнославянской) литературно-письменной традиции, а также польского языка, подробный историко-этимологический анализ позволяет выявить богемизмы и подтвердить их чешское происхождение.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ – Государственный исторический музей.

ПП-А – «Песнь песней» из рукописи 558 Синодального собрания ГИМ. Изд-е: *Алексеев А.А.* Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб.: Д. Буланин, 2002. С. 166–173.

ПП-С – «Песнь песней» Ф. Скорины, 1518 г.

PВ – Падеровская Библия. Bible padeřovská, Píseň písní [online]. Ed. Anna Michalcová, Kateřina Voleková. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v.v.i., oddělení vývoje jazyka 2010 [cit. 12. 12. 2021]. Dostupné z: <https://vokabular.ujc.cas.cz/moduly/edicni/edice/41320393-61a2-495b-87b8-d56d1403693b/plny-text/s-apatrem/folio/227v>

BB – Bible benátská, 1506 г.

бел. – белорусское, волог. – вологодское, диал. – диалектное, лат. – латинское, перм. – пермское, прасл. – праславянское, рус. – русское, ст.-бел. – старобелорусское, ст.-польск. – старопольское, ст.-рус. – старорусское, ст.-слав. – старославянское, ст.-укр. – староукраинское, ст.-чеш. – старочешское.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.А.* «Песнь песней» в Чешской библии и восточнославянские переводы XV–XVI вв. // *Slavia*. 1983. № 52. С. 283–289.
2. *Алексеев А.А.* Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб.: Д. Буланин, 2002. 237 с.
3. *Алексяевич Г.В.* Польская мова як пасрэднік у працэсе запазычвання лексем з чэшскай у беларускую мову // *Беларуска-польскія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі. Да 220-годдзя з дня нараджэння Адама Міцкевіча: зб. арт. / гал. рэд. І.Э. Багдановіч. Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2018. С. 203–213.*
4. *Андел В.П.* Из истории чешских лексических заимствований в восточнославянских языках // *Slavica Tartuensia*. Славянские литературные языки и историография славяноведения: сб. ст. / отв. ред. А.Д. Дуличенко. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1988. С. 80–89.
5. *Анічэнка У.В.* Беларуска-чэшскі сінкрэтызм мовы пражскіх выданняў Скарыны // *Slavia*. 1989. № 58. С. 115–120.
6. *Анічэнка У.В.* Слоўнік мовы Скарыны: у 3 т. Мінск: Вышэйшая школа, Навука і тэхніка, 1977–1994. Т. 1. 476 с.
7. *Бернштейн С.Б.* Сравнительная грамматика славянских языков: учеб. для студентов вузов. Изд. 2-е. М.: Изд-во Моск. ун-та, Наука, 2005. 350 с.
8. *Бразгуноў А.У.* Запазычанні з чэшскай мовы ў перакладной «Аповесці пра Траянскую вайну» // *Слово во времени и пространстве: сб. науч. ст. к 75-летию лауреата Гос. премии СССР, д-ра филол. наук, проф. А.П. Груцо. Минск: Беларус. гос. пед. ун-т, 1999. С. 30–32.*
9. *Бразгуноў А.У.* Зборнік «Рымскія дзеі» ў чэшскім, польскім і беларускім перакладах XV–XVII стст. («Гісторыя пра Апалона Цірэскага») // *Літаратуразнаўства. Этналогія: матэрыялы IV міжнар. кангр. беларусістаў «Беларуская культура ў кантэксце культур еўрапейскіх краін», Мінск, 6–9 чэрв. 2005 г. / рэд. І. Багдановіч, Т. Валодзіна. Мінск: Лімарыус, 2010. С. 27–32.*
10. *Будзько І.У.* Лексіка помніка «Сказанне аб Сівіле-прарочыцы» (XVI ст.) // *Лексіка старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы XIV – сярэдзіны XVI ст. / рэд. І.У. Будзько (і інш.). Мінск: Беларус. навука, 2016. С. 253–258.*
11. *Будзько І.У.* Лінгвістычныя і тэксталагічныя асаблівасці пражскіх выданняў Францыска Скарыны // *Роднае слова. 2017. № 5. С. 13–17.*
12. *Булыка А.М.* Западнославянская лексика в изданиях Франциска Скорины // *Булыка А.М.* Избр. пр. / уклад. А.М. Булыка, Н.В. Паляшчук. Мінск: Беларус. навука, 2015. С. 283–295.

13. Булыка А.М. Чэшская лексіка ў выданнях Ф. Скарыны // Булыка А.М. Избр. пр. / уклад. А.М. Булыка, Н.В. Паляшчук. Мінск: Беларус. навука, 2015. С. 99–114.
14. Владимиров П.В. Житіе св. Алексѣя, чловѣка Божія въ западнорусскомъ переводѣ конца XVII вѣка // Журн. М-ва нар. просвещения. 1887. № 9/10. С. 250–267.
15. Владимиров П.В. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1888. 414 с.
16. Гарбуль Л.П. Переводы Ф. Скорины как источник богемизмов в других славянских языках // Гістарычнае мовазнаўства ў кантэксце міждысцыплінарных даследаванняў: зб. арт. Між-нар. навук. канф., Мінск, 25–26 кастр. 2017 г. / уклад. І.У. Будзько. Мінск: Права і эканоміка, 2017. С. 56–60.
17. Гістарычны слоўнік беларускай мовы: у 37 вып. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства; рэдкал. А.І. Жураўскі (гал. рэд.), А.М. Булыка (гал. рэд.). Мінск: Навука і тэхніка, 1982–2017.
18. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. 845 с.
19. Жураўскі А.І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы: у 2 т. Мінск: Навука і тэхніка, 1967–1968. Т. 1. 1967. 371 с.
20. Жураўскі А.І. Мова друкаваных выданняў Ф. Скарыны // 450 год беларускага кнігадрукавання, 1517–1967: зб. арт. / рэд. К. Крапіва. Мінск: Навука і тэхніка, 1968. С. 277–304.
21. Запольская Н.Н. Структурна-функцыянальны статус гібрыдных варыянтаў славянскіх літаратурных моў (Біблія Ф. Скарыны) // Замежная мовазнаўчая беларусістыка на міжнародных з'ездах славістаў: зб. дакл.: да XV Міжнар. з'езда славістаў / уклад. Г.А. Цыхун. Мінск: Беларус. навука, 2013. С. 83–101.
22. Мельников Е.И. О чешских лексических элементах в русском языке, заимствованных через посредство польского и других языков (в XIV–XIX вв.) // Slavia. 1967. Roč. 36. № 1. S. 98–114.
23. Пальцаў Г.В. Агульныя словы чэшскага паходжання ў беларускай і польскай літаратурных мовах // Польские говоры в СССР: исследования и материалы: в 2-х ч. / сост. В.В. Мартынов. Минск: Наука и техника, 1973. Ч. 1: 1967–1969 гг. С. 120–131.
24. Ратаецвіч С.Я. Сінтаксіс пражскіх выданняў Францыска Скарыны: дыс. ... канд. філал. навук / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства Я. Коласа. Мінск, 2000. 131 с.
25. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 31 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Р.И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1975–2019.
26. Словник староукраїнської мови XVI – першої половини XVII ст.: у 17 вип. / редкол. Д.Г. Гринчишин (гол. ред.), М. Чікало (гол. ред.) (та ін.). Львів: Ін-т українознавства НАН України, 1994–2017.
27. Станковска П. Русская Библия Франциска Скорины и чешская среда // Latopisy Akademii Supraskiej. Białystok: Fundacja «Oikonomos», 2016. Т. 7. S. 29–35.
28. Сятковский Я. Воздействие чешского языка на формирование польского литературного языка // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв.: материалы междунар. конф. ЮНЕСКО / редкол. Д.Ф. Марков (и др.). М.: Наука, 1978. С. 134–136.
29. Темчин С. Руськомовный перевод 1636 года чешского Луцидария (Оломоуц, 1622) // Res Humanitariae. 2020. Vol. 28. S. 146–163.
30. Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.): в 2-х т. Praha: Orbis–Legiografie–Práce, 1935–1947. Т. 2. 1947. 548 с.
31. Флоровский А.В. Чешская Библия в истории русской культуры и письменности (Фр. Скорина и продолжатели его дела) // Sborník filologický. Praha, 1946. № 12. S. 153–258.
32. Шенкер А. Главные пути лексических заимствований в славянских языках (на материалах чешского, польского и восточнославянских языков) // American contributions to the Ninth International congress of slavists, Kiev, Sept. 1983 (in 2 vol.) / ed. M.S. Flier. Columbus, Ohio: Slavica, 1983. Vol. 1. P. 255–267.
33. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд (в 41 вып.) / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз.; под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–2011.
34. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы: у 14 т. / Нац. акад. навук, Ін-т мовазнаўства; рэдкал. В.У. Мартынаў (і інш.). Мінск: Беларус. навука, 1978–2017.
35. Bańkowski A. Słownik etymologiczny języka polskiego: 2 t. Warszawa: Wydaw. Nauk. PWN, 2000. Т. 2. 977 с.
36. Basaj M., Siatkowski J. Bohemizmy w języku polskim: słownik. Warszawa: Wydaw. Polonistyki Uniw. Warszawskiego, 2006. 501 s.
37. Bělič J., Kamiš A., Kučera K. Malý staročeský slovník. Praha: Státní ped. nakl., 1979. 708 s.

38. Brückner A. Die Visio Tundali in Böhmischer und Russischer Übersetzung // Archiv für Slavische Philologie. 1891. № 13. S. 199–212.
39. Brynychová V. České Proroctví Sibyllino v ruském překladě // Český Lid. 1927. Roč. 27. S. 49–60.
40. Elektronický slovník jazyka staroslověnského. URL: <http://gorazd.org/gulliver> (дата обращения: 01.05.2021).
41. Gebauer J. Slovník staročeský: 2 d. Praha: Academia, 1970.
42. Havránek B. Vlivy spisovné češtiny na jiné jazyky slovanské v době feudalismu // Studie o spisovném jazyce. Praha: Nakl. Českosl. Akad. Věd, 1963. S. 291–304.
43. Havránek B. Expanse spisovné češtiny od 14. do 16. století // Co daly naše země Evropě a lidstvu. 3-é vyd. Praha: Evropský literární klub, 1998. S. 103–116.
44. Kochman S. Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XIV do XVIII w. Opole: OTPN, 1975. 155 s.
45. Kochman S. Studia nad słownictwem i frazeologią słowiańską. Opole: Wydaw. Uniw. Opolskiego, 2005. 356 s.
46. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Českosl. Akad. Věd, 1957. 627 s.
47. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. 2-é vyd., opravené a doplněné. Praha: Českosl. Akad. Věd, 1968. 868 s.
48. Nehring W. Wpływ języka i literatury staroczeskiej na język i literaturę staropolską. Poznań: Pro, 2017. 188 s.
49. Orłoś T.Z. Polsko-czeskie związki językowe. Wrocław: Zakł. Narodowy im. Ossolińskich, Wydaw. Pol. Akad. Nauk, 1980. 60 s.
50. Reczek J. Bohemizmy leksykalne w języku polskim do końca XV wieku. Wrocław: Zakł. Narodowy im. Ossolińskich, Wydaw. PAN, 1968. 160 s.
51. Rejzek J. Český etymologický slovník. Voznice: Leda, 2015. 824 s.
52. Siatkowski J. Czesko-polskie kontakty językowe. Warszawa: Energeia, 1996. 272 s.
53. Siatkowski J. Význam českých jazykových vlivů pro formování spisovné polštiny // Mezinárodní vědecká konference: Doba Karla IV. v dějinách národů ČSSR: k 600 výročí úmrtí Karla IV, Praha, 29 list.–01 pros. 1978: materiály ze sekce jaz. a lit. Praha: Univerzita Karlova, 1981. S. 55–64.
54. Słownik staropolski: w 11 t. / Pol. Akad. Nauk, Inst. Jęz. Pol.; kom. red. S. Urbańczyk (i in.). Wrocław: Ossolineum; Warszawa: Wydaw. PAN, 1953–2002.
55. Słownik polszczyzny XVI wieku: w 36 t. / kom. red. St. Bąk (i in.); Inst. Badań Lit. Pol. Akad. Nauk. Wrocław: Ossolineum, Wydaw. PAN, 1966–2012.
56. Staročeský slovník: ve 26 seš. / za vedení B. Havránka [aj.]. Praha: Academia, 1968–2008.
57. Verkholtantsev J. Ruthenica Bohemica: Ruthenian Translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuanian and Poland. Wien; Berlin: Lit. Verlag, 2008. 215 p.
58. Vokabulár webový. Verze 0.4.2. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český. URL: <http://vokabular.ujc.cas.cz> (дата обращения: 01.05.2021).

REFERENCES

- Aleksejev A.A. «Pesn' pesnei» v Cheshskoi biblii i vostochnoslavianskije perevody XV–XVI vv. *Slavia*, 1983, no. 52, pp. 283–289. (In Russ.)
- Aleksejev A.A. *Pesn' pesnei v drevnei slaviano-russkoi pis'mennosti*. St. Petersburg, D. Bulanin Publ., 2002, 237 p. (In Russ.)
- Aleksiejewich H.V. Pol'skaia mova iak pasrédnik u pratsése zapazychvannia leksem z chěshskai u belaruskuiu movu. *Belarusk-a-pol'skiia moŭnyia, litaraturnyia, histarychnyia i kul'turnyia suviazi. Da 220-hoddzia z dnia naradzhennia Adama Miskevicha*, ed. I.É. Bahdanovich, Minsk, Belarus. St. Univ. Publ., 2018, pp. 203–213. (In Belarus.)
- Andel V.P. Iz istorii cheshskikh leksicheskikh zaimstvovanií v vostochnoslavianskikh iazykakh. *Slavica Tartuensia. Slavianskije literaturnyje iazyki i istoriografija slavianovedeniia*, ed. A.D. Dulichenko, Tartu, Tartusk. St. Univ. Publ., 1988, pp. 80–89. (In Russ.)
- Anichénka U.V. Belarusk-a-chěshski sinkrétyzm movy prazhskikh vydanniaŭ Skaryny. *Slavia*, 1989, no. 58, pp. 115–120. (In Belarus.)
- Anichénka U.V. *Sloŭnik movy Skaryny*: in 3 vols. Minsk, Vyshěshaia shkola Publ., Navuka i těkhnika Publ., 1977–1994, vol. 1, 476 p. (In Belarus.)
- Bańkowski A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*: in 2 vols. Warsaw, Wydaw. Nauk. PWN Publ., 2000, vol. 2, 977 p. (In Pol.)
- Basaj M., Siatkowski J. *Bohemizmy w języku polskim: słownik*. Warsaw, Wydaw. Polonistyki Uniw. Warszawskiego Publ., 2006, 501 p. (In Pol.)

- Bělič J., Kamiš A., Kučera K. *Malý staročeský slovník*, Prague, Státní ped. nakl. Publ., 1979, 708 p. (In Czech)
- Bernshtein S.B. *Sravnitel'naia grammatika slavianskikh iazykov*. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., Nauka Publ., 2005, 350 p. (In Russ.)
- Brazhunoŭ A.U. Zapazychanni z cheshskai movy ŭ perakladnoŭ «Apovesti pra Traianskuiu vainu». *Slovo vo vremeni i prostranstve: sb. nauch. st. k 75-letiiu laureata Gos. premii SSSR, d-ra filol. nauk, prof. A.P. Grutso*, Minsk, Belarus. St. Ped. Univ. Publ., 1999, pp. 30–32. (In Belarus.)
- Brazhunoŭ A.U. Zbornik «Rymskii dzei» ŭ cheshskim, pol'skim i belaruskim perakladakh XV–XVII stst. («Historyia pra Apalona Tsirskaha»). *Litaraturaznaŭstva. Ėtnalohii: materyialy IV mizhnar. kanhr. belarusistaŭ «Belaruskaia kul'tura ŭ kantektse kul'tur jeŭrapeŭskikh krain»*, Minsk, the 6–9-th of June 2005, eds. I. Bahdanovich, T. Valodzina, Minsk, Limaryus Publ., 2010, pp. 27–32. (In Belarus.)
- Brückner A. Die Visio Tundali in Böhmischer und Russischer Übersetzung. *Archiv für Slavische Philologie*, 1891, no. 13, pp. 199–212.
- Brynychová V. České Proroctví Sibyllino v ruském překladě. *Český Lid*, 1927, no. 27, pp. 49–60. (In Czech)
- Budz'ko I.U. Leksika pomnika «Skazanne ab Sivile-prarochytsy» (XVI st.). *Leksika starabelaruskai litaraturna-pis'movaŭ movy XIV–siarėdziny XVI st.*, ed. I.U. Budz'ko [etc.], Minsk, Belarus. navuka Publ., 2016, pp. 253–258. (In Belarus.)
- Budz'ko I.U. Linhvistychnia i tēkstalahichnyia asablivasti prazhskikh vydanniaŭ Frantsyska Skaryny. *Rodnaje slova*, 2017, no. 5, pp. 13–17. (In Belarus.)
- Bulyka A.M. Zapadnoslavianskaia leksika v izdaniakh Frantsiska Skoriny. *Vybr. pr. Bulyka A.M.*, eds. *Bulyka A.M., Paliashchuk N.V.* Minsk, Belarus. Navuka Publ., 2015, pp. 283–295. (In Russ.)
- Bulyka A.M. *Cheshskai a leksika ŭ vydanniakh F. Skaryny. Vybr. pr. Bulyka A.M.*, eds. *Bulyka A.M., Paliashchuk N.V.* Minsk, Belarus. Navuka Publ., 2015, pp. 99–114. (In Belarus.)
- Dvoretiskii I. Kh. *Latinsko-russkii slovar'*. Moscow, Rus. iaz.—Media Publ., 2003, 845 p. (In Russ.)
- Elektronický slovník jazyka staroslověnského*. Available at: <http://gorazd.org/gulliver> (accessed 01.05.2021). (In Russ.)
- Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: praslavianskii leksicheskii fond*: in 41 vols., ed. O.N. Trubachev. Moscow, Nauka Publ., 1974–2011. (In Russ.)
- Ėtymalahichny sloŭnik belaruskai movy*: in 14 vols., eds. V.U. Martynaŭ [etc.], Minsk, Belarus. navuka Publ., 1978–2017. (In Belarus.)
- Florovskii A.V. *Chekhi i vostochnyje slaviane. Ocherki po istorii cheshsko-russkikh otnoshenii (X–XVIII vv.)*: in 2 vols. Prague, Orbis—Legiografie—Práce Publ., 1935–1947, vol. 2. 548 p. (In Russ.)
- Florovskii A.V. Cheshskaia Bibliia v istorii russkoi kul'tury i pis'mennosti (Fr. Skorina i prodolzhateli jeho dela). *Sborník filologický*. Prague, 1946, no. 12, pp. 153–258. (In Russ.)
- Garbul' L.P. Perevody F. Skoriny kak istochnik bogemizmov v drugih slavianskikh iazykakh. *Historychnaje movaznaŭstva ŭ kantektse mizhdystyplinarykh dasledavanniaŭ: zb. art. Mizhnar. navuk. kanf., Minsk, the 25–26-th of October 2017*, ed. I.U. Budz'ko, Minsk, Prava i ēkonomika Publ., 2017, pp. 56–60. (In Russ.)
- Gebauer J. *Slovník staročeský*: in 2 vols. Prague, Academia Publ., 1970.
- Havránek B. Vlivy spisovné češtiny na jiné jazyky slovanské v době feudalismu. *Studie o spisovném jazyce*. Prague, Nakl. Českosl. Akad. Věd Publ., 1963, pp. 291–304. (In Czech)
- Havránek B. Expanse spisovné češtiny od 14. do 16. století. *Co daly naše země Evropě a lidstvu*. Prague, Evropský literární klub Publ., 1998, pp. 103–116.
- Historychny sloŭnik belaruskai movy*: in 37 vols., eds. A.I. Zhuraŭski, A.M. Bulyka, Minsk, Navuka i tēkhnika Publ., 1982–2017. (In Belarus.)
- Kochman S. *Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XIV do XVIII w.* Opole, OTPN Publ., 1975, 155 p. (In Pol.)
- Kochman S. *Studia nad słownictwem i frazeologią słowiańską*. Opole, Wydaw. Uniwersytetu Opolskiego Publ., 2005, 356 p. (In Pol.)
- Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Prague, Českosl. Akad. Věd Publ., 1957, 627 p. (In Czech)
- Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého*. Prague, Českosl. Akad. Věd Publ., 1968, 868 p. (In Czech)
- Meľnikov Je. I. O cheshskikh leksicheskikh elementakh v russkom iazyke, zaimstvovannykh cherez posredstvo pol'skogo i drugih iazykov (v XIV–XIX vv.). *Slavia*, 1967, no. 36, part 1, pp. 98–114. (In Russ.)
- Nehring W. *Wpływ języka i literatury staroczeskiej na język i literaturę staropolską*. Poznań, Pro Publ., 2017, 188 p. (In Pol.)
- Orłóś T.Z. *Polsko-czeskie związki językowe*. Wrocław, Zakł. Narodowy imienia Ossolińskich Publ., Wydaw. Pol. Akad. Nauk Publ., 1980, 60 p. (In Pol.)
- Pal'tsaŭ H.V. Ahul'nyia slovy cheshskaha pakhodzhannia ŭ belaruskai i pol'skai litaraturnykh movakh. *Pol'skije govory v SSSR: issledovaniia i materialy*: in 2 parts, ed. V.V. Martynov, Minsk, Nauka i tēkhnika Publ., 1973, part 1, 1967–1969, pp. 120–131. (In Belarus.)

- Rapatsévich S. Ia. *Sintaksis prazhskikh vydanniaŭ Frantsyska Skaryny*. Diss. kand. filal. navuk. Minsk, 2000, 131 p. (In Belarus.)
- Rezek J. *Bohemizmy leksykalne w języku polskim do końca XV wieku*. Wrocław, Zakł. Narodowy im. Ossolińskich Publ., Wydaw. PAN Publ., 1968, 160 p. (In Czech)
- Rejek J. *Český etymologický slovník*. Voznice, Leda Publ., 2015, 824 p. (In Czech)
- Shenker A. Glavnyje puti leksicheskikh zaimstvovaniĭ v slavianskikh iazykakh (na materialakh cheshskogo, pol'skogo i vostochnoslavianskikh iazykov). *American contributions to the Ninth International congress of slavists, Kiev, Sept. 1983*: in 2 vol., ed. M.S. Flier, Columbus, Ohio, Slavica Publ., 1983, vol. 1, pp. 255–267. (In Russ.)
- Siatkovskii Ia. Vozdeistviye cheshskogo iazyka na formirovaniye pol'skogo literaturnogo iazyka. *Slavianskije kul'tury v epokhu formirovaniia i razvitiia slavianskikh natsii XVIII–XIX vv.*: materialy mezhdunar. konf. UNESCO, eds. D.F. Markov [etc.], Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 134–136. (In Russ.)
- Siatkowski J. *Czesko-polskie kontakty językowe*. Warsaw, Energeia Publ., 1996, 272 p. (In Pol.)
- Siatkowski J. Význam českých jazykových vlivů pro formování spisovné polštiny. *Mezinárodní vědecká konference: Doba Karla IV. v dějinách národů ČSSR: k 600. výročí úmrtí Karla IV, Praha, 29 list. – 01 pros. 1978: materiály ze sekce jaz. a lit*, Prague, Charles Univ. Publ., 1981, pp. 55–64. (In Czech)
- Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.*: in 31 vols., eds. R.I. Avanesov [etc.], Moscow, Nauka Publ., 1975–2019. (In Russ.)
- Slovník staroukrajinských slov XVI – první polovina XVII st.*: in 17 vols., eds. D.H. Hrynchyshyn, M. Chikalo, Lviv, In-t ukrainoznavstva NAN Ukrainy Publ., 1994–2017 (In Ukrain.)
- Słownik staropolski*: in 11 vols., eds. S. Urbańczyk [etc.], Wrocław, Ossolineum Publ., Warsaw, Wydaw. PAN Publ., 1953–2002.
- Słownik polszczyzny XVI wieku*: in 36 vols., eds. St. Bąk [etc.], Wrocław, Ossolineum Publ., Wydaw. PAN Publ., 1966–2012. (In Pol.)
- Stankovska P. Russkaia Bibliia Frantsiska Skoriny i cheshskaia sreda. *Latopisy Akademii Supraskiej*, Białystok, Fundacja «Oikonomos» Publ., 2016, vol. 7, pp. 29–35. (In Russ.)
- Staročeský slovník*: in 26 vols., eds. B. Havránka (etc.). Prague, Academia Publ., 1968–2008.
- Temchin S. Rus'skomovnyi perevod 1636 goda cheshskogo Lutsidariia (Olomouts, 1622). *Res Humanitariae*. 2020, vol. 28, pp. 146–163. (In Russ.)
- Verkhoholantsev J. *Ruthenica Bohemica: Ruthenian Translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuanian and Poland*. Wien, Berlin, Lit. Verlag publ., 2008, 215 p.
- Vladimirov P.V. Zhitije sv. Aleksieia, chelovieka Bozhii v zapadnorusskom perevodie kontsa XVII veka. *Zhurn. M-va nar. prosveshcheniia*, 1887, no. 9/10, pp. 250–267. (In Russ.)
- Vladimirov P.V. *Doktor Frantsisk Skorina, jeho perevody, pechatnyje izdaniia i iazyk*. St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. Nauk Publ., 1888, 414 p. (In Russ.)
- Vokabulár webový*. Verze 0.4.2. Oddělení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český. Available at: <http://vokabular.ujc.cas.cz> (accessed 01.05.2021). (In Czech)
- Zapol'skaia N.N. Strukturna-funktsional'ny status hibrydnykh varyiantaŭ slavianskikh litaraturnykh moŭ (Bibliia F. Skaryny). *Zamezhnaia movaznaŭchaia belarussystyka na mizhnarodnykh z'jezdakh slavistaŭ: zb. dakl.: da XV Mizhnar. z'jezda slavistaŭ*, ed. H.A. Tsykhun, Minsk, Belarus. navuka Publ., 2013, pp. 83–101. (In Belarus.)
- Zhuraŭski A.I. *Historyia belaruskaj litaraturnaj movy*: in 2 vols. Minsk, Navuka i tĕkhnika Publ., 1967–1968, vol. 1, 1967, 371 p. (In Belarus.)
- Zhuraŭski A.I. *Mova drukavanykh vydanniaŭ F. Skaryny. 450 hod belaruskaha knihadrukavannia, 1517–1967*, ed. K. Krapiva, Minsk, Navuka i tĕkhnika Publ., 1968, pp. 277–304. (In Belarus.)

Сведения об авторе

Information about the author

Алексеевич Анна Викторовна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Отдел славистики и теории языка,
Институт языкознания им. Якуба Коласа,
ГНУ «Центр исследований белорусской
культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси»,
г. Минск, Республика Беларусь;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2950-9890>
E-mail: hanaaleks@gmail.com

Anna V. Alekseyevich,
PhD (Philology) senior researcher,
Department of the Slavic Studies
and Language Theory,
The Yakub Kolas Institute of Linguistics,
The Center for the Belarusian Culture,
Language and Literature Researches of
National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2950-9890>
E-mail: hanaaleks@gmail.com



Завещание Ярослава I в трудах русских историков XVIII – первой трети XIX века

2022 г. Д.А. Боровков

Независимый исследователь
(Москва, Российская Федерация)

brancalone85@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются интерпретации летописного рассказа о «завещании» киевского князя Ярослава I (1054) в работах первых русских историков. Прослеживается эволюция историографической мысли от пересказа летописных текстов в XVIII в. к концептуальным интерпретациям первой трети XIX в., связанным с формированием представлений об общности феодального строя в Древней Руси и средневековой Европе. Такой анализ позволяет охарактеризовать эти этапы развития исторической мысли как доконцептуальный и концептуальный.

Ключевые слова: Ярослав I, завещание, В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин.

Ссылка для цитирования: Боровков Д.А. Завещание Ярослава I в трудах русских историков XVIII – первой трети XIX века // Славяноведение. 2022. № 2. С. 67–74.
DOI: 10.31857/S0869544X0019019-3

The Testament of Yaroslav I in the works of Russian historians of the 18th – the first third of the 19th centuries

2022. Dmitry A. Borovkov

Independent researcher
(Moscow, Russian Federation)

brancalone85@mail.ru

Abstract. The article considers the interpretations of annalistic recital of «testament» of the Kiev Prince Yaroslav I (1054) in the works of the first Russian historians. The evolution of historiography idea is traced from retelling of annalistic texts in the 18th century to the conceptual interpretations of the first third of the 19th centuries, related to forming of ideas about community of feudal society in Ancient Rus' and Medieval Europe. This analysis allows to describe these stages of development of historical thought as pre-conceptual and conceptual.

Keywords: Yaroslav I, testament, V.N. Tatishchev, M.V. Lomonosov, M.M. Shcherbatov, N.M. Karamzin.

Reference for citation: *Borovkov D.* The Testament of Yaroslav I in the works of Russian historians of the 18th – the first third of the 19th centuries // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2022. No 2. P. 67–74. DOI: 10.31857/S0869544X0019019-3

Завещание или «ряд» Ярослава Мудрого – такое определение закрепилось за рассказом ПВЛ под 1054 г. об осуществленном киевским князем Ярославом I незадолго до своей смерти разделе городов (Киева, Чернигова, Переяславля, Смоленска и Владимира на Волыни) между пятью сыновьями – Изяславом, Святославом, Всеволодом, Вячеславом и Игорем, сопровождавшимся наставлениями о сохранении единства между ними как залога процветания Русской земли и послушания старшему из братьев, остававшемуся вместо отца. Несмотря на то что без упоминания об этом политическом акте не обходится ни одна общая или специальная работа по истории Древней Руси, интерпретации «ряда» Ярослава в трудах русских историков не рассматривались за пределами небольших экскурсов [1. С. 22, 25, 48; 3. С. 101–105; 10. С. 434–437; 16. С. 404–406]. Целью настоящей статьи является рассмотрение эволюции исследовательских интерпретаций «ряда» Ярослава в общих трудах по русской истории, опубликованных со второй половины 1760-х до середины 1830-х годов.

Для таких работ, как «Ядро российской истории» А.И. Манкиева, «История Российская» В.Н. Татищева, «Древняя русская история» М.В. Ломоносова, характерно цитирование или, в крайнем случае, пересказ древнерусских текстов, сообщающих о разделе 1054 г. В случае А.И. Манкиева это пересказ текста «Степенной книги» [13. С. 384; 12. С. 366–371], в котором восходящие к ПВЛ слова о распределении Ярославом городов между своими сыновьями соседствовали с авторской трактовкой, из которой следовало, что Ярослав разделил государство на уделы [17. С. 75]. В случае В.Н. Татищева это фрагмент Никоновской летописи, который во второй редакции его «Истории Российской...», датированной 1748–1750 гг., подвергся стилистической правке и вставкам из Библии, но, с точки зрения терминологии следовал за летописными формулировками, представлявшими раздел 1054 г. как раздел городов [14. Т. 2–3. С. 81–82; Т. 4. С. 152]; ср. [8. С. 85–86]. В случае М.В. Ломоносова это воспроизведение рассказа Радзивиловской летописи (или ее копии), где при перечислении сыновей Ярослава пропущено имя Игоря [4. С. 140]. Этот же источник, видимо, использовал в «Российской истории» Ф.А. Эмин, допустивший ту же ошибку. В отличие от М.В. Ломоносова, который не успел закончить своего труда, Эмин дал развернутую интерпретацию раздела 1054 г., которая, однако, не отличалась точностью в деталях и носила более литературный, чем исторический характер [20. С. 449–452].

Более прогрессивной в теоретическом плане является интерпретация М.М. Щербатова в первых томах «Истории Российской от древнейших времен», вышедших в свет в 1770–1771 гг., которая основана на тексте введенной им в научный оборот Воскресенской летописи [7. С. 332–333]. Интерпретация Щербатова не ограничилась изложением раздела Ярославом «земель своей державы» между сыновьями [18. Т. 1. С. 324–325], а включала попытки реконструкции сформулированного в «ряде» принципа наследования, который, по предположению исследователя, сделанному на основании наблюдений за порядком замещения киевского стола во второй половине XI – начале

XII в., должен был переходить от брата к брату в интересах укрепления власти и преемственности, однако этого не произошло, поскольку каждый из князей стремился передать киевский стол своему сыну, что служило причиной междоусобных войн. М.М. Щербатов первым из историков раскрыл значение «ряда» Ярослава I как регулятора престолонаследования, а также провел аналогию между положением правителей Киева среди удельных князей, которым Ярослав передал по «ряду» верховную власть вместе с «первенствующим» киевским престолом, и положением главы Священной Римской империи среди германских монархов [18. Т. 2. С. 254–257].

Тенденция к сопоставлению политических порядков на Руси и в Европе получила развитие после публикации в 1770 г. анонимного полемического сочинения *Antidote* (позднее атрибутированного Екатерине II), в котором были проведены аналогии между русскими князьями, получавшими уделы от великого князя, и французскими принцами, получавшими от короля апанажи или кормления, являвшиеся материальным обеспечением представителей правящей династии [11. С. 21–24]. Вследствие этого в отечественную историографию была внедрена идея об общности политических процессов и общих форм земельной собственности в эпоху Средневековья как во Франции, так и на Руси, получившая наиболее последовательное выражение в «Кратком начертании Российской истории» М.Н. Муравьева, где раздел Ярослава I рассматривался как один из этапов «раздробления России на уделы», начавшегося в княжение его деда Святослава I и аналогичного практике «феодального или поместного владения» в странах Европы [5. С. 8].

Таким образом, «ряд» Ярослава был интерпретирован в рамках концепции социально-политического развития, сложившейся во французской историографии эпохи Просвещения [11. С. 25–30, 35–37]. Эта концепция была разработана в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, публикация которой (1818) началась незадолго до публикации «Начертания» М.Н. Муравьева (1819). Для обоих исследователей, являвшихся апологетами самодержавной монархии, характерны общие моменты: отождествление феодальной и удельной системы, соотнесение ее начала с разделом Святослава I, трактовка ее как угрозы единству государства вследствие разделения власти, провоцировавшего междоусобные войны.

Именно на этом делал акцент Карамзин, когда пересказывал в «Истории» летописную статью 1054 г.: «Чувствуя приближение смерти, Ярослав созвал детей своих и хотел благоразумным наставлением предупредить всякую распрю между ими. “Скоро не будет меня на свете,— говорил он,— вы, дети одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить друг друга. Знайте, что междоусобие, бедственное лично для вас, погубит славу и величие Государства, основанного счастливыми трудами наших отцов и дедов. Мир и согласие ваше утверждают его могущество. Изяслав, старший брат, заступит мое место и сядет на престоле Киевском: повинуйтесь ему, как вы отцу повиновались. Святославу даю Чернигов, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смоленск: каждый да будет доволен своею частию, или старший брат да судит вас как Государь! Он защитит утесненного и накажет виновного”» [2. Т. 2. Стб. 21].

Раздел Ярослава расценивался Карамзиным как начало кризиса единодержавной монархии, олицетворявшей единство древнерусской государственности: «Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское

счастье, будучи снова раздробленной на малые области. Владимир исправил ошибку Святослава, Ярослав – Владимирову: наследники их не могли воспользоваться сим примером, не умели соединить частей в целое, и Государство, шагнув, так сказать, в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трехсот лет». Несмотря на установление по «ряду» Ярослава приоритета старшего брата как государя над младшими, Н.М. Карамзин писал, что «Изяслав считал себя более равным, нежели государем братьев своих», видя подтверждение этого тезиса в том, что они «по смерти Вячеслава в 1057 году с *общего согласия* отдали Смоленск Игорю (через два года потом умершему)» [2. Т. 2. Стб. 39, 41]. Подобная оговорка сближала его мнение с мнением М.Н. Муравьева, писавшего о том, что, хотя Изяслав являлся «государем народов российских», его младшие братья Святослав и Всеволод на первых порах разделяли с ним «бремя правления и опасности войны» [5. С. 10–11].

Раздел 1054 г. для Карамзина имел значение важного исторического рубежа, но воспринимался не только как утверждение первенства киевского князя, но и как конец единовластной монархии, начало упадка русского государства. Из новаций Карамзина, предложенных при анализе летописной статьи 1054 г., надо отметить попытку объяснить отсутствие в Лаврентьевском и Радзивиловском (по терминологии историка – Пушкинском и Кенигсбергском) списках ПВЛ упоминания о том, каким княжением Ярослав наделил своего младшего сына Игоря. Исходя из того, что в Троицкой летописи, погибшей во время пожара Москвы в 1812 г., имя Игоря и место его княжения было дано в качестве глоссы к основному тексту, Карамзин предположил, что «город Владимир принадлежал сначала к области великого княжения и был отдан Игорю уже от брата старшего, как *частный удел Киевский*» [2. Примечания к II тому. Стб. 23]. Дальше этого замечания критические наблюдения Н.М. Карамзина над текстом статьи 1054 г. не пошли (позже, в процессе оформления теории родового быта, его предположения об особом характере удела Игоря Ярославича были отвергнуты).

Н.А. Полевой в «Истории русского народа» (1829–1833) попытался дистанцироваться от предшествующей историографической традиции, что отразилось как в гипотезе о существовании в древнерусский период не одного, а нескольких государств, так и в предположении о существовании на Руси особой «норманнской феодальной системы», которую после смерти Ярослава I сменил «феодализм семейный» или «система уделов, обладаемых членами одного семейства под властью старшего в роде» [6. Т. 1. С. 197]. Но о разделе 1054 г. Полевой писал именно как о разделе государства на отдельные княжества. Это было не единственное противоречие его концепции. Так, представляя раздел 1054 г. как продолжение раздела Руси по Днепру в 1026 г. между Ярославом и его братом, черниговским князем Мстиславом, Полевой все же должен был признать, что в 1054 г. на Руси появилось не два, а пять княжеств, создание которых было объяснено необходимостью защиты границ. Это объяснение противоречило утверждению о тождественности разделов 1026 и 1054 гг., но позволяло обосновать предположение о том, что раздел Ярослава I в 1054 г. положил начало федерации русских княжеств во главе с великим князем киевским [6. Т. 1. С. 201–202].

После того как в связи с революционными событиями 1830 г. во Франции правительством Николая I был взят курс на укрепление «соединенного духа Православия, Самодержавия и Народности», который министр народного просвещения С.С. Уваров позже, в 1833 г., охарактеризовал как идеологическую

альтернативу «буре, волнующей Европу», наметился идеологический тренд к тому, чтобы подчеркивать различие, а не сходство в историческом развитии России и Европы и, дистанцировавшись от революционных процессов, сконцентрироваться на укреплении положения царского правительства. Благодаря этому сложилась тенденция, противоположная той, что доминировала в русской исторической науке с последней четверти XVIII в., а ее следствием стал отказ от отождествления феодального периода в средневековой Европе и удельного периода в Древней Руси [11. С. 66–74].

Одним из первых проявлений этой тенденции стал курс русской истории Н.Г. Устрялова, писавшего о начале государствообразующих процессов с принятием христианства при Владимире I и их завершении при Ярославе I, после которого началось раздробление Руси в результате борьбы между князьями, являвшейся следствием «понятия о праве на удел каждого члена господствующей фамилии» [15. С. 14]. Этот процесс способствовал консолидации древнерусского общества, противопоставлявшемуся феодальному обществу, которое сложилось в Западной Европе. Попыткой упорядочивания отношений внутри княжеского рода, по утверждению исследователя, являлось завещание Ярослава, который не только распределил области между сыновьями, но и установил, что «старший в княжеском семействе есть глава государства, посредник, миротворец и защитник своих братьев, которые обязаны чтить его как отца, но в то же время, имели неотъемлемое право на свои уделы». Утверждение, что с момента раздела Ярослава «Русь образовала систему союзных государств, друг от друга независимых, тем не менее, соединенных в одно целое верою, языком и господством одного дома» [15. С. 124], свидетельствует о том, что на построения Устрялова могла оказать влияние как концепция Н.А. Полевого о федерации русских княжеств (без его суждений о «семейном феодализме», которые не вписывались в идеологические установки 1830-х годов), так и родовая теория, во второй половине 1820-х годов получившая развитие в исследованиях группы историков-юристов из Дерптского университета во главе с И.Ф.Г. фон Эверсом.

И.Ф.Г. фон Эверс, опиравшийся в своих изысканиях на изучение памятников права, сформулировал концепцию поэтапного формирования государства от патриархальной семьи к родовым, а затем племенным объединениям. Власть первых государей, по его мнению, мало отличалась от власти старейшин рода, которые в управлении делами опирались на сыновей и членов своего семейства. По смерти отца сыновья управляли наследством на праве общей собственности, при котором старший брат пользовался преимуществом, но не обладал всей полнотой власти; позднее в обиход вошел раздел, который сохранялся до тех пор, пока не было признано более эффективным наследование по праву первородства [19].

Конкретизация этой теории была осуществлена учеником Эверса А.М.Ф. фон Рейцем, связывавшим с последней волей Ярослава I установление порядка наследования в княжеском роду, в которой, по его мнению, впервые было объяснено «ясными и точными словами право верховной власти старшего над союзным Государством». В то же время исследователь предполагал, что «право старшего на престол было основанием, которое только что начинало образовываться, и, кажется, еще не довольно твердо укоренилось», поэтому, оно «должно было столкнуться с естественным правом сыновей на оставленные отцом владения и на власть его, тем более что сие последнее право должно было развиваться

в уделах, кои владетели их привыкли почитать своим наследством (“отчиною”))» [9. С. 25, 26, 78].

Работы Эверса и Рейца, переведенные с немецкого на русский язык в середине 1830-х годов, позволили заполнить концептуальную лакуну, которая образовалась после отказа от интерпретации междукняжеских разделов в духе представлений о феодальной раздробленности и стимулировать исследования междукняжеских отношений в рамках формирующейся теории родового быта, которая отводила ключевое место разделу уделов по завещанию Ярослава I. В то же время следует заметить, что приоритетом исследователей являлись концептуальные, а не критические интерпретации летописной статьи 1054 г., первые опыты которых были предприняты приверженцами родовой теории С.М. Соловьёвым и М.П. Погодиным, лишь в конце 1840-х годов, несмотря на то что основы источниковедческой критики летописных текстов, сформулированные А.Л. Шлёцером, к тому времени уже стали достоянием русской историографии.

Подводя итог анализу интерпретаций «ряда» Ярослава I в трудах русских историков XVIII – первой трети XIX в., надо подчеркнуть следующие особенности. Для работ А.И. Манкиева, В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова характерна тенденция к пересказу содержания летописной статьи 1054 г. по текстам древнерусских памятников с частичной модернизацией терминологии, выражавшейся в замене летописной формулы о разделе городов на формулу о разделе государства (за исключением Татищева) и отсутствием авторского комментария. В этом плане ситуация меняется с появлением работ Ф.А. Эмина и особенно М.М. Щербатова, который интерпретировал «ряд» Ярослава I как регулятор принципа наследования киевского стола, а также провел первые аналогии между политическим положением киевского князя и главы Священной Римской империи, развитие которых способствовало сближению социально-политических процессов в Древней Руси (удельный период) и средневековой Европе (феодальная раздробленность). Эта тенденция, заложенная автором полемиического сочинения *Antidote*, получила продолжение в исторических работах М.Н. Муравьева, Н.М. Карамзина и Н.А. Полевого, представлявших первые опыты концептуальных интерпретаций раздела Ярослава как одного из этапов феодальной раздробленности русского государства. В результате изменения идеологической конъюнктуры в 1830-х годах эти представления сменила теория о родовом характере междукняжеских отношений в работах И.Ф.Г. фон Эверса, А.М.Ф. фон Рейца и Н.Г. Устрялова, обусловивших процесс формирования уделов, в котором основополагающее значение продолжал играть раздел 1054 г. Таким образом, можно выделить два следующих друг за другом исследовательских подхода к интерпретации «ряда» Ярослава I, условно обозначив их как доконцептуальный и концептуальный.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПВЛ – Повесть временных лет.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дербин Е.Н. Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск: Издательский дом Удмуртского университета, 2007. 270 с.

2. Карамзин Н. М. История государства Российского: В 4-х кн. М.: Книга, 1988. Кн. 1. Т. 1–4. 1364 стлб.
3. Котышев Д. М. От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье в IX–XII вв. М.: Центрполиграф, 2019. 256 с.
4. Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава I или до 1054 г. СПб.: Императорская АН, 1766. 140 с.
5. Муравьев М. Н. Краткое начертание Российской истории // Муравьев М. Н. Сочинения в 2-х т. СПб.: Издание А. Ф. Смирдина, 1847. Т. 2. 384 с.
6. Полевой Н. А. История русского народа в 3 томах, 6 книгах. М.: Вече, 1997. Т. 1. Кн. 1–2. 640 с.
7. ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. 360 с.
8. ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 288 с.
9. Рейц А. М. Ф. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М.: Типография Московского университета, 1836. 455 с.
10. Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб.: Гуманитарная Академия, 2003. 736 с.
11. Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 336 с.
12. Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII веков. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 552 с.
13. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарий: В 3-х т. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1. Житие княгини Ольги. Степени I–X. 598 с.
14. Татищев В. Н. Собр. Соч. в 8-и т. М.: Ладомир, 1995. Т. 2–4. История Российская. 688 + 556 с.
15. Устрялов Н. Г. Русская история: В 4-х частях. СПб.: Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. Ч. 1. Древняя история [2-е изд., испр.]. 360 с.
16. Фроянов И. Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1048 с.
17. Хилков А. Я. / [Манкиев А. И.] Ядро Российской истории. М.: Московский университет, 1770. 416 с.
18. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен: В 7-и т. СПб.: Императорская АН, 1770, 1771. Т. 1–2. 394 + 592 с.
19. Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб.: Типография Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. 445 с.
20. Эмин Ф. А. Российская история: В 3-х т. СПб.: Императорская АН, 1767. Т. 1. 452 с.

REFERENCES

- Derbin Je. N. *Institut kniazheskoi vlasti na Rusi IX – nachala XIII veka v dorevoliutsionnoi otechestvennoi istoriografii*. Izhevsk, Izdatel'skii dom Udmurtskogo universiteta Publ., 2007, 270 p. (In Russ.)
- Emin F. A. *Rossiiskaia istoriia: V 3-kh t.* SPb., Imperatorskaia AN Publ., 1767. T. 1, 452 p. (In Russ.)
- Evers I. F. G. *Drevneisheje russkoe pravo v istoricheskom jego raskrytii*. SPb., Tipografiia Shtaba ot del'nogo korpusa vnutennei strazhi Publ., 1835 445 p. (In Russ.)
- Karamzin N. M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo: V 4-kh knigakh*. M., Kniga Publ., 1988. Kn. 1. T. 1–4, 1364 p. (In Russ.)
- Khilkov A. Ia. / [Mankijev A. I.] *Iadro Rossiiskoi istorii*. M., Moskovskii universitet Publ., 1770, 416 p. (In Russ.)
- Kotyshchev D. M. *Ot Russkoi zemli k zemle Kijevskoi. Stanovleniye gosudarstvennosti v Srednem Podneprov'je v IX – XII vv.* M., Tsentrpoligraf Publ., 2019, 256 p. (In Russ.)
- Lomonosov M. V. *Drevniaia rossiiskaia istoriia ot nachala rossiiskogo naroda do konchiny velikogo kniazia Iaroslava I ili do 1054 g.* SPb.: Imperatorskaia AN Publ., 1766, 140 p. (In Russ.)
- Murav'jev M. N. *Kratkoje nachertaniye Rossiiskoi istorii. Murav'jev M. N. Sochineniia V 2-kh tomakh*. SPb.: Izdaniye A. F. Smirdina Publ., 1847. T. 2, 384 p. (In Russ.)
- Polevoi N. A. *Istoriia russkogo naroda v 3 tomakh, 6 knigakh*. M., Vechе Publ., 1997. T. 1. Kn. 1–2, 640 p. (In Russ.)
- PSRL. *Letopis' po Voskresenskomu spisku*. M., Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2001. T. 7, 360 p. (In Russ.)

- PSRL. Letopisnyi sbornik, imenujemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiu letopis'iu. M., Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. T. 9, 288 p. (In Russ.)
- Reits A. M. F. *Opyt istorii rossiiskikh gosudarstvennykh i grazhdanskikh zakonov*. M., Tipografiia Moskovskogo universiteta Publ., 1836, 455 p. (In Russ.)
- Sirenov A. V. *Stepennaia kniga i russkaia istoricheskaia mysl' XVI–XVIII vekov*. M.; SPb., Al'ians-Arkheo Publ., 2010, 552 p. (In Russ.)
- Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam. Teksty i kommentarii: V 3-kh t. M., Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2007. T. 1. Zhitije kniagini Ol'gi. Stepeni I–X, 598 p. (In Russ.)
- Sverdlov M. B. *Domongol'skaia Rus'. Kniaz' i kniazheskaia vlast' na Rusi VI – pervoi treti XIII vv.* SPb., Gumanitarnaia Akademiia Publ., 2003, 736 p. (In Russ.)
- Sverdlov M. B. *Obshchestvennyi stroi Drevnei Rusi v russkoi istoricheskoi nauke XVIII–XX vv.* SPb., Dmitrii Bulanin Publ., 1996, 336 p. (In Russ.)
- Shcherbatov M. M. *Istoriia Rossiiskaia ot drevneishikh vremen: V 7 t.* SPb., Imperatorskaia AN Publ., 1770, 1771. T. 1–2, 394 + 592 p. (In Russ.)
- Tatishchev V. N. *Sobr. soch.: V 8-e t.* M., Ladomir Publ., 1995. T. 2–4. Istoriia Rossiiskaia, 688 + 556 p. (In Russ.)
- Ustrialov N. G. *Russkaia istoriia*. SPb., Tipografiia Ekspeditsii zagotovleniia gosudarstvennykh bumag Publ., 1839. Ch. 1. Drevniaia istoriia [2-je izd., ispr.], 360 p. (In Russ.)
- Froianov I. Ia. *Lektsii po russkoi istorii. Kijevskaia Rus'*. SPb., Russkaia kollektsiia Publ., 2015, 1048 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Боровков Дмитрий Александрович
 кандидат исторических наук.
 Москва, Российская Федерация.
 E-mail: brancalone85@mail.ru

Information about the author

Dmitry A. Borovkov –
 Ph D. (History).
 Moscow, Russian Federation.
 E-mail: brancalone85@mail.ru



Славяноведение, 2022, № 2, с. 75–85

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 2, pp. 75–85

DOI: 10.31857/S0869544X0019029-4

Оригинальная статья / Original Article

Украинская советская историография и источники по этнографии, фольклору и диалектологии старообрядчества

© 2022 г. С.В. Таранец

Институт украинской археографии и источниковедения
им. М.С. Грушевского НАН Украины
(Киев, Украина)

trimonastyrje@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется полевая этнографическая, фольклорная и диалектологическая работа украинских советских ученых по исследованию русской традиционной культуры, повседневной жизни и говоров старообрядцев, которая была развернута на Украине начиная с 50-х годов XX в. В советское время ведущими научно-исследовательскими центрами по изучению языка староверов стали Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Черновицкий государственный университет им. Ю.А. Федьковича, Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова, Винницкий государственный педагогический институт им. Н.А. Островского. Особый вклад в изучение традиционного жилища староверов внес Институт искусствоведения, фольклора и этнографии им. М.Ф. Рыльского АН УССР. На материале полевых экспедиций в места компактного проживания старообрядцев на Украине был защищен ряд квалификационных работ по русскому языку.

Ключевые слова: Украина, старообрядцы, историография, источниковедение, этнология, фольклористика, диалектология, полевая экспедиционная работа.

Ссылка для цитирования: Таранец С.В. Украинская советская историография и источники по этнографии, фольклору и диалектологии старообрядчества // *Славяноведение*. 2022. № 2. С. 75–85. DOI: 10.31857/S0869544X0019029-4

Ukrainian Soviet historiography and the sources on ethnography, folklore and dialectology of Old Believers

© 2022. Serhii V. Taranets

M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies
of National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

trimonastyrje@gmail.com

Abstract: The article examines Ukrainian field ethnographic, folklore and dialectological studies of the Russian traditional culture, everyday life and dialect of Old Believers in the period from the middle of the 20th century. In the Soviet times, the leading centers for the study of the language of Old Believers were the Taras Shevchenko Kyiv State University, Yu.A. Fedkovych Chernivtsi State University, I.I. Mechnikov Odessa State University, and N.O. Ostrovsky Vinnytsia State Pedagogical Institute. A valuable contribution to the study of traditional housing of the Old Believers was made by the M.F. Rylsky Institute of Art History, Folklore and Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR. A number of dissertations on Russian language were defended with the materials from field expeditions to the places of compact residence of Old Believers in Ukraine.

Keywords: Ukraine, Old Believers, historiography, source studies, ethnology, folklore, dialectology, field work.

Reference for citation: *Taranets S.V.* Ukrainian Soviet historiography and the sources on ethnography, folklore and dialectology of the Old Believers // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2022. No. 2. P. 75–85. DOI: 10.31857/S0869544X0019029-4

В последнее время в отечественной и зарубежной историографии значительно возрос интерес ученых к изучению истории, культуры и повседневной жизни русских старообрядцев. Учитывая эти тенденции, все более важным становится исследование литературы и источников по истории старообрядчества в различных отраслях науки — праве, истории, археографии, экономике, этнологии, языкознании. Стоит отметить, что даже в советское время, правда, без особого акцента на конфессиональную принадлежность, изучение старообрядчества было на подъеме. Не только в России, но и на Украине, в Белоруссии, Молдавии, Латвии, Литве, Эстонии проводилось сотни полевых экспедиций, предметом изучения которых являлось, прежде всего, документальное наследие староверов, исследование их повседневной жизни, фольклора, говоров. И все это происходило неслучайно, поскольку еще с 50-х годов XX в. одна из основных задач советского языкознания — изучение русских народных говоров, в том числе говоров старообрядцев, их диалектов на исконной территории бытования русского языка, а также изучение переселенческих говоров староверов, которые длительное время находились в иноязычной среде.

Возросший интерес к различным вопросам старообрядоведения в разряд актуальных поставил задачи, связанные с историографией указанной проблемы. В этой связи, на мой взгляд, необходимо показать, насколько в украинской советской диалектологии, фольклористике и этнологии проработаны вопросы повседневной жизни, устно-поэтического творчества и говоров старообрядцев. Имея богатый опыт историко-археографических и этнографических экспедиций и хорошо зная географию расселения староверов на территории Украины, я применил географический подход к выявлению источников по каждому населенному пункту. В основу исследования положены опубликованные результаты этнографических и диалектологических экспедиций, проводившихся ведущими научными центрами Украины.

Проживающие на территории Украины староверы были носителями различных русских говоров, но их длительное контактирование с украинским языком нашло отражение в лексике, синтаксисе, фонетике и морфологии. В 50-е годы XX в. на Украине серьезное развитие получила диалектология, началось систематическое изучение русских, в том числе старообрядческих говоров.

В 1960-е годы интенсивные исследования по изучению русских старообрядческих говоров проводили Киевский, Одесский, Харьковский университеты, Киевский педагогический институт им. А.М. Горького, Винницкий педагогический институт им. Н.А. Островского, некоторые другие высшие учебные заведения [14. С. 128]. Десятки диалектологических экспедиций к староверам были проведены в Житомирской, Винницкой, Хмельницкой, Киевской, Черновицкой и Одесской областях, преподавателями и студентами подготовлены многочисленные статьи (опубликовано свыше 100 работ), на кафедрах русского языка вузов формировались словарные картотеки, которые ежегодно пополнялись за счет полученного в поле материала [7. С. 51].

В 50–80-е годы XX в. говорами старообрядцев занималась значительная группа украинских ученых, в том числе М.А. Брицын, А.Г. Шовкопляс, Н.М. Никитенко в Киевском государственном педагогическом институте им. А.М. Горького, К.И. Самохвалова, Л.Ф. Ципцюра, С.Л. Дацкив в Киевском государственном университете им. Т.Г. Шевченко, Л.Ф. Баранник в Одесском государственном университете им. И.И. Мечникова, В.И. Столбунова в Черновицком государственном университете, Л.З. Егунова в Винницком педагогическом институте им. Н.А. Островского. Эти и другие исследователи занимались организацией и проведением диалектологических экспедиций, описанием фонетических, морфологических и синтаксических черт говоров, изучением истории старообрядческих поселений, диалектной принадлежностью говоров староверов, исследовали лексические связи языка старообрядцев с иноязычными говорами, прежде всего украинскими, описывали процессы, которые протекали в лексико-семантической системе.

В 1950–1970-е годы исследование старообрядческих говоров на Украине стало более интенсивным и глубоким. В это время не только расширилась география исследований, но и появились сведения о говорах, которые ранее не изучались, проводились исследования отдельных черт старообрядческих говоров, различных аспектов их структуры. Статьи о говорах староверов, основанные на полевых материалах из Винницкой, Житомирской и Киевской областей, публиковались в филологической серии «Вестник Киевского университета».

В 1980–1993 гг. кафедра русского языка Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко издавала сборник научных трудов «Русское языкознание» (вышло 26 выпусков), в котором поднимались проблемы российско-украинского взаимодействия в лексике русских «островных» говоров на Буковине [21. С. 18], русских старообрядческих говоров Житомирской области [8. С. 97], принципов и структуры языка произведений протопопа Аввакума и т.д. [13. С. 33].

В 1993 г. в сборнике «Русский фольклор. Межэтнические фольклорные связи», издававшемся в Институте русской литературы РАН, Л.З. Егунова опубликовала отчет по результатам записи русского фольклора в старообрядческих селениях Винницкой области [10. С. 335].

Родоначальником изучения русских старообрядческих говоров на Украине можно считать преподавателя русского языка Каменец-Подольского педагогического института, а затем Киевского педагогического института им. А.М. Горького М.А. Брицына. Он поставил перед собой цель описать фонетические и морфологические системы русских говоров Виньковецкого района Хмельницкой области, сопоставить их с фонетико-морфологической

системой памятников письменности середины XVII в. и говорами современного ему русского языка, определить основные пути развития фонетики и морфологии говоров сел Петраши, Майдан-Александровский, Слободка Женишковацкая и Хлопов, начиная с середины XVII в. и вплоть до начала 50-х годов XX в. Для решения этих задач М.А. Брицын организовал ряд диалектологических экспедиций, во время которых проводил наблюдения за речью взрослых местных староверов, поскольку они меньше всего испытали влияние русского литературного языка, анализировал письменные документы, находившиеся в архивных фондах сельских советов. Он использовал и материалы курсовых работ студентов Каменец-Подольского педагогического института, которые занимались описанием русских говоров указанных поселков, а также фольклорные сведения, записанные учениками общеобразовательных школ сел Петраши и Слободка Женишковацкая. Изучал он и язык представителей младшего поколения староверов, в частности мужчин, которые находились в рядах Советской армии, работников колхозов и молодежи [5].

Прежде чем перейти к изучению русских говоров, М.А. Брицын кратко исследовал вопрос истории старообрядческих селений Виньковацкого района Хмельницкой области, поскольку развитие языка можно понять в неразрывной связи с историей людей, проживавших на данной территории и являвшихся носителями конкретного говора. Исследователь остановился на характеристике географического положения сел Петраши, Майдан-Александровский, Слободка Женишковацкая, Хлопов, указал численность староверов, их конфессиональную принадлежность, определил время поселения русских, датируя его концом XVII в. К числу наиболее ранних поселений он относит Петраши, основанное выходцами из северных российских губерний, а к более поздним — Слободку Женишковацкую, начало которой положили беспоповцы, переселившиеся из Белоруссии [5. С. 13].

Во время диалектологических экспедиций кафедры русского языка Киевского университета им. Т.Г. Шевченко был собран значительный материал, который демонстрирует процессы взаимодействия старообрядческих говоров с русским литературным языком, оказавшим на них значительное влияние. Важнейшей задачей украинских диалектологов являлось составление карты русских говоров на Украине, которая помогла бы определить не только место расположения, но и их типы. Ведущий специалист этой кафедры Е.И. Самохвалова высказывалась о необходимости планирования полевой работы, о более полном изучении русских говоров [16. С. 95].

В Киевском университете изучение русских говоров началось в 1956 г. Кафедра русского языка проводила ежегодные диалектологические экспедиции. В 1959 г. Е.И. Самохвалова провела диалектологическую экспедицию в с. Пятитуб Народичского района Житомирской области и с. Рафаловку Иванковского района Киевской области [15]. Здесь важно отметить, что она внесла весомый вклад в изучение русских говоров староверов, впервые ввела в научный оборот сведения о синтаксической системе староверческих говоров Житомирской области, детально исследовала фонетику и морфологию говоров федосеевцев сел Пятитуб и Рафаловки [18]. Е.И. Самохвалова занималась исследованием вопросов, связанных с происхождением русских поселений на территории Житомирской области, установила отношение говоров друг к другу в разных населенных пунктах, определила их диалектную принадлежность [18. С. 102]. В 1966 г. во время диалектологической экспедиции в Житомирскую область под ее руководством

обследованы 16 староверческих населенных пунктов, в том числе села Большие Кошарища Коростышевского района, Мамеч Овручского района, Пятидуб, Малинка, Бродник Народичского района, Трудолюбовка Малинского района, Человка, Жабче Коростенского района, Шляхова Рудня Володарско-Волинского района, Работище, Теньковка, Адамовка Новоград-Волинского района, Кустин, Филипповка Бердичевского района, Пилипо-Кошара Дзержинского района, Нитино Емильчинского района [18. С. 102].

В 60-е годы XX в. говор старообрядцев с. Красиловки Иванковского района Киевской области изучала сотрудник Лаборатории экспериментальной фонетики Киевского университета им. Т.Г. Шевченко Л.Ф. Ципцюра. В Винницкой области языковеды из Киева обследовали старообрядческие села Жуковцы Жмеринского района, Пилипы-Боровские Черновецкого района, Борсков Тывровского района, причем в последнем насчитывалось 400 дворов с населением 1508 чел., что, по ее мнению, свидетельствовало о древности этого старообрядческого поселения на Подолье [16. С. 97].

В 1968 г. преподаватели и студенты Киевского университета обследовали 17 населенных пунктов в Житомирской области (все старообрядческие), три в Винницкой области (все старообрядческие), три в Киевской области (села Замоще Чернобыльского района, Рафаловка и Красиловка Иванковского района, все старообрядческие) и собрали значительный материал по истории и языку этих поселений [16. С. 95].

В 1966–1975 гг. Н.М. Никитенко провела ряд диалектологических экспедиций в русские старообрядческие селения Хмельницкой области, в частности в села Пилипы-Хребтиевские, Соколовку, Ставчаны, Форосну Новоушицкого района, Майдан-Александровский, Пилипы-Александровские, Слободку Женишковецкую, Петраши, Хлопов Виньковецкого района. До Никитенко словарный состав русских говоров староверов Хмельницкой области почти не привлекал внимания лингвистов. В результате полевых работ диалектологу удалось записать на магнитофонную ленту живую разговорную речь подольских староверов, зафиксировать около тысячи терминов и собрать большое количество текстов. В ходе работы она исследовала говоры старообрядцев Хмельницкой области с точки зрения их происхождения, сферы распространения, взаимодействия с лексикой русского литературного языка, других близкородственных диалектов [12. С. 6].

Материалом для исследований профессионально-терминологической лексики плотничества старообрядцев Винницкой области послужили диалектологические экспедиции А.Г. Шовкопляс в русские старообрядческие села Медвежье Ушко Винницкого района, Борсков Тывровского района, Жуковцы Жмеринского района Винницкой области (1972–1975 гг.). А.Г. Шовкопляс записала на магнитофонную ленту и «от руки» на слух более 500 терминов, значительное количество текстов, зафиксировала живую речь староверов, причем не только людей старшего, но и среднего поколения, а также молодежи [24].

В 1974–1977 гг. Г.Л. Василенко организовала диалектологические экспедиции в старообрядческие села Пилипы-Боровские Томашпольского района, Людавка Жмеринского района и поселок Брацлав Немировского района Винницкой области. Материалом для ее исследований послужила собранная лексика, на основании которой была составлена картотека, включившая более 600 слов. В подготовленной на эту тему диссертации Василенко представила

историко-этнографический анализ вопросов, связанных с возникновением старообрядческих селений в Винницкой области, указала на основные фонетико-морфологические черты говора русских, установила диалектную принадлежность говора подольских староверов в системе русского языка [6].

В 1980-е годы кафедра русского языка Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко ставила следующие цели: получить наиболее полные сведения о всех русских говорах на территории Украины и составить диалектологическую карту, которая бы позволила охарактеризовать русские, в том числе старообрядческие, говоры [17. С. 45].

В 50-е годы XX в. говор буковинских старообрядцев активно исследовался на кафедре русского языка Черновицкого государственного университета им. Ю.А. Федьковича. Основная задача черновицких специалистов состояла в описании фонетико-морфологической системы говора русских, проживающих на территории Черновицкой области. В этой связи в 1952–1958 гг. В.И. Столбунова собрала диалектологический материал, источниками которого стали беседы с жителями с. Белая Криница Глыбокского района и Липованы Вижницкого района в домах, на посиделках, свадьбах, на колхозных дворах и собраниях, в сельских клубах и школе. Изучались тексты писем и рукописей староверов, протоколы колхозных собраний, школьные тетради [20]. Столбунова записывала говор русских, длительное время пребывавших в контакте с украинцами, молдаванами и румынами. В результате исследований ею было установлено, что говор староверов сел Белая Криница и Липованы носит ярко выраженный южнорусский характер, содержащий тем не менее особенности северорусского говора. Она уделяла внимание фонетико-морфологическим и лексическим заимствованиям из украинского и других языков, что имело важное значение для изучения межэтнических контактов и проблемы взаимодействия языков. Вместе с тем говор старообрядцев этих селений являлся своеобразным реликтом, иллюстрировавшим устойчивость языка, несмотря на ассимиляторскую политику австро-венгерских и румынских властей. Он не испытал коренных изменений, сохранил исконно русский характер, заимствовал, главным образом, лексику из близкородственного украинского языка. Причину исключительной устойчивости языка буковинских староверов В.И. Столбунова видела в обособленности местных старообрядческих селений [20. С. 18].

В 1960–1980-е годы среди липован Одесской области многочисленные диалектологические экспедиции проводил Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова. Его сотрудница, ведущий в этой области специалист, Л.Ф. Баранник занималась изучением южнорусской лексики липован, связанной с пищей и женской одеждой в старообрядческих говорах [2–4]. Она принимала участие в составлении «Словаря русских говоров Одесщины», опубликованного в 2000 г. в Одессе [19].

В 1977–1987 гг. активные полевые работы в старообрядческих селениях Винницкой области проводил филологический факультет Винницкого педагогического института им. Н.А. Островского. Во время фольклорных практик студенты обследовали старообрядческие села в Тывровском, Жмеринском, Немировском, Бершадском, Томашпольском и Могилев-Подольском районах, где знакомились с народным творчеством. Участники экспедиции записывали календарные обряды, особенно популярные среди старообрядцев масленичные песни. В этих селах хорошо сохранилась семейно-обрядовая поэзия, особенно свадебные песни, а также песни, исполнявшиеся во время девичника.

Единичными записями были представлены похоронные причитания. В обиходе не было обнаружено рекрутских причитаний, поскольку здешние старообрядцы были освобождены от рекрутской повинности и барщины. Всего участники экспедиций записали 342 произведения обрядовой поэзии и 85 сочинений детского фольклора. Наиболее популярными оказались лирические песни (2116 записей), среди них встречались такие шедевры старинной народной лирики, как «Вдоль по морю», «Ты воспой, воспой в саду, соловушка», «Была у нас одна блоха» и другие, также было записано десять текстов исторических, 38 хороводных, 13 игровых песен. В репертуаре старообрядцев присутствовали так называемые новые песни, созданные городской беднотой, романсы, городские баллады, в том числе «Как любила меня мать, уважала», «Во саду ходила, цветы собирала», «По Дону гуляет казак молодой». Эти сочинения были привезены староверами, занимавшимися отхожими промыслами. Исследователям из Винницы удалось записать несколько средневековых баллад, например «Рябинка» и «Ванька-ключник». Среди подольских старообрядцев были популярны любовные и социально-бытовые частушки. Носителями фольклора в основном являлись женщины старшего поколения, тогда как молодежь уже не знала фольклора и считала его устаревшим явлением. Русский фольклор старообрядцев Винницкой области имел связь с украинским народным творчеством, в связи с чем в репертуар исполнителей вошли русифицированные украинские народные песни. В целом, язык фольклорных текстов подольских старообрядцев, проживавших в Винницкой области, характеризовался фонетическими, лексическими и грамматическими украинизмами [10. С. 335].

Полученные в ходе полевых работ материалы легли в основу подготовки квалификационных работ. В 1950–1980-е годы в Украинской ССР было защищено несколько кандидатских диссертаций, посвященных происхождению отдельных русских поселений на Украине, описанию фонетических и морфологических особенностей говоров старообрядцев, установлению их диалектологической принадлежности и взаимодействия с родственным украинским языком, в частности, в 1954 г. М.А. Брицын защитил кандидатскую диссертацию по русским говорам в Виньковецком районе Хмельницкой области [5], в 1955 г. М.С. Тихомирова — по южнорусским говорам на территории Одесской области (на примере с. Большого Плоского Великомихайловского района) [22], в 1960 г. В.И. Столбунова — по говорам русских старообрядческих селений на Буковине [20], в 1969 г. Л.Ф. Ципцюра — по говорам старообрядцев с. Красиловка Киевской области [23], в 1969 г. Л.Ф. Баранник — по лексике русских говоров Одесской области [1], в 1975 г. А.Г. Шовкопляс — по семантической и словообразовательной характеристике профессионально-терминологической лексики плотничества (на материале русских говоров Винницкой области) [24], в 1978 г. Н.М. Никитенко — по лексике полеводства в русских «островных» говорах Подолья [12], в 1978 г. Г.Л. Василенко — по говорам русских сел Винницкой области [6], в 1985 г. С.Л. Дацкив — по говорам старообрядцев Житомирской области [9].

На Украине велась огромная работа по составлению Диалектологического атласа русского языка. Украинские ученые занимались сбором полевого материала для составления региональных словарей, развернули масштабное изучение русских говоров в иноязычной среде. Диалектологи Киевского университета накопили материал для составления словаря русских говоров старообрядцев Житомирской области, ученые Одесского университета подготовили словарь русских говоров Одесской области. В Киевском университете

в экспериментально-фонетической лаборатории были исследованы говоры старообрядческого с. Красиловки Киевской области, описана специфика русско-украинского диалектного билингвизма [18. С. 102].

В 70-е годы XX в. исследованием этнографии подольских старообрядцев занимались в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР. В 1980 г. научный сотрудник этого учреждения Т.В. Космина подготовила монографию «Сільське житло Поділля, кінець XIX–XX ст. Історико-етнографічне дослідження» [11], в которой осуществила попытку сравнительного анализа традиционного жилища украинцев Подолья и жилищ других народов, в том числе и русских старообрядцев, которые обосновались в этом крае в результате стихийных переселений из разных губерний России. Основными источниками для книги стали полевые материалы, полученные ею во время проведения этнографических экспедиций в 1969–1975 гг. Т.В. Космина исследовала жилища более чем двухсот сел в Винницкой, Хмельницкой, Одесской и Тернопольской областей, работала в Дондюшанском и Бричанском районах Молдавской ССР, в том числе изучала и жилища староверов, проживающих как в моноэтнических, так и в этнически смешанных населенных пунктах. Она посетила такие старообрядческие селения, как села Медвежье Ушко Винницкого района, Борсков Тывровского района (1973 г.), Жуковцы и Людавка Жмеринского района (1972 г.), Пилипы-Боровские Томашпольского района Винницкой области. Полевые исследования были дополнены анализом научной литературы, архивными и музейными материалами, что позволило ей решить ряд важных вопросов, связанных с определением типологии подольского жилища, раскрытием межэтнических связей, определением состояния жилища в конце 60-х – 70-е годы XX в. В книге опубликованы десятки рисунков и фотографий внешнего вида и интерьера жилищ, выполненных З.О. Васиной.

Таким образом, начиная с 50-х годов XX в. на Украине была развернута обширная полевая этнографическая, фольклорная и диалектологическая работа по изучению традиционной культуры, повседневной жизни и говором русских старообрядцев, которой занимались многие научные и учебные учреждения УССР.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АН УССР – Академия наук Украинской Советской Социалистической республики
ИРЛИ – Институт русской литературы
РАН – Российская академия наук
ССР – Советская Социалистическая Республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранник Л. Ф. Лексика русских говоров, функционирующих в разноязычном окружении (на материале русских переселенческих говоров Одесской области УССР): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. 18 с.
2. Баранник Л. Ф. Лексика, связанная с пищей, в русских старообрядческих говорах Украины // Липоване: история и культура русских старообрядцев / отв. ред. А.А. Пригарин. Одесса, 2005. Вып. 2. С. 173–184.
3. Баранник Л. Ф. Наименования женской одежды в старообрядческих говорах Одесщины // Липоване: история и культура русских старообрядцев / отв. ред. А.А. Пригарин. Одесса, 2006. Вып. 3. С. 161–168.

4. Баранник Л. Ф. Традиционная южнорусская лексика в речи липован Юга Украины // Липоване: история и культура русских старообрядцев / отв. ред. А.А. Пригарин. Одесса, 2004. Вып. 1. С. 129–138.
5. Брицын М.А. Русские говоры Виньковецкого района Хмельницкой области: дис. ... канд. филолог. наук / Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко. Киев, 1954. 329 с.
6. Василенко Г.Л. Взаимовлияние контактирующих говоров двух близкородственных языков (на материале бытовой лексики русских сел Винницкой области): автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Ленинградский государственный педагогический университете им. А.И. Герцена. Л., 1978. 19 с.
7. Владимирская Е.А. Из истории изучения русских говоров на Украине // Русское языкознание. Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко. 1983. Вып. 7. С. 48–55.
8. Дацкив С.Л. Названия лиц с суффиксом -к- в русских говорах Житомирской области // Вісник Київського університету. 1984. № 26. Серія: літературознавство та мовознавство. С. 97–101.
9. Дацкив С.Л. Суффиксальные словообразование имен существительных в островных среднерусских говорах на территории Украинской ССР (Житомирская область): автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко. Киев, 1985. 24 с.
10. Егунова Л.З. Записи русского фольклора в Винницкой области // Русский фольклор. Межэтнические фольклорные связи. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН / отв. ред. С.Н. Азбелев. СПб.: Наука, 1993. Т. 27. С. 334–335.
11. Косміна Т.В. Сільське житло Поділля, кінець XIX–XX ст. (Історико-етнографічне дослідження) / відп. ред. В.І. Наулко. Київ: Наукова думка, 1980. 192 с.
12. Никитенко Н.М. Лексика полеводства в русских «островных» говорах Подолья (к проблеме лексического взаимодействия диалектов русского и украинского языков): автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Киевский государственный педагогический институт им. А.М. Горького. Киев, 1977. 25 с.
13. Отин Е.С., Саркисова Л.Н. Частотный словарь языка сочинений Аввакума (общие принципы и структура) // Русское языкознание. Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко. 1982. Вып. 4. С. 33–41.
14. Розов А.Н. Экспедиционная работа по русскому фольклору на территории СССР за последнее десятилетие (обзор информации) // Русский фольклор. Полевые исследования. АН СССР, ИРЛИ / отв. ред. П.С. Выходцев. Л: Наука, 1984. Т. 22. С. 121–135.
15. Самохвалова Е.И. Изучение русских говоров на территории Украины (фонетические и морфологические особенности говоров с. Пятидуба Малинского района Житомирской области и с. Рафаловки Иванковского района Киевской области) // Вісник Київського університету. 1959. № 2. Серія: філологія та журналістики. С. 55–65.
16. Самохвалова Е.И. Изучение русских говоров на Украине (диалектологическая работа на кафедре русского языка Киевского университета) // Вісник Київського університету. 1968. № 10. Серія: філологічна. С. 94–103.
17. Самохвалова Е.И. О формировании русских говоров на Украине // Русское языкознание. Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко. 1983. Вып. 7. С. 41–48.
18. Самохвалова Е.И. Средневеликорусские говоры на территории Житомирщины // Вісник Київського університету. 1966. № 8. Серія: філологія та журналістики. С. 102–108.
19. Словарь русских говоров Одесщины: В 2-х т. / отв. ред. Ю.А. Карпенко, С. Уэмура. Т. I: А–О. Одесса: АстроПринт, 2000. 376 с.
20. Столбунова В.И. Говор русских поселений на Буковине: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Днепропетровский государственный университет имени 300-летия воссоединения Украины с Россией. Днепропетровск, 1960. 19 с.
21. Столбунова В.И. Русско-украинское взаимодействие в лексике русских «островных» говоров на Буковине // Русское языкознание. Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко. 1984. Вып. 9. С. 18–24.
22. Тихомирова М.С. Южновеликорусский говор на территории Одесской области (говор с. Большого Плоского Великомихайловского района Одесской области): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Кременец, 1955. 16 с.
23. Ципцюра Л.Ф. Гласные и согласные изолированного русского говора с. Красиловки Киевской области УССР (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1969. 18 с.

24. Шовкопляс А. Г. Семантическая и словообразовательная характеристика профессионально-терминологической лексики плотничества (на материале русских говоров Винницкой области): автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Киевский государственный педагогический институт им. А. М. Горького. Киев, 1975. 24 с.

REFERENCES

- Barannik L. F. *Leksika russkikh govorov, funkcioniruyushchih v raznoyazychnom okruzenii (na materiale russkikh pereselencheskikh govorov Odesskoj oblasti USSR)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Moscow, 1969. 18 p. (In Russ.)
- Barannik L. F. Leksika, svyazannaya s pishchej, v russkikh staroobryadcheskikh govorah Ukrainy. *Lipovane: istoriya i kul'tura russkikh staroobryadcev*, respons. ed. A. A. Prigarin, Odessa, 2005, vyp. 2, pp. 173–184. (In Russ.)
- Barannik L. F. Naimenovaniya zhenskoj odezhdy v staroobryadcheskikh govorah Odesshchiny. *Lipovane: istoriya i kul'tura russkikh staroobryadcev*, respons. ed. A. A. Prigarin, Odessa, 2006, vyp. 3, pp. 161–168. (In Russ.)
- Barannik L. F. Tradicionnaya yuzhnorusskaya leksika v rechi lipovan YUga Ukrainy. *Lipovane: istoriya i kul'tura russkikh staroobryadcev*, respons. ed. A. A. Prigarin, Odessa, 2004, vyp. 1, pp. 129–138. (In Russ.)
- Bricyn M. A. *Russkie govory Vin'koveckogo rajona Hmel'nickoj oblasti*. Diss. kand. filolog. Nauk. Kievskij gosudarstvennyj universitet im. T. G. Shevchenko. Kiev, 1954. 329 p. (In Russ.)
- Dackiv S. L. Nazvaniya lic s suffiksom -k- v russkikh govorah Zhitomirskoj oblasti. *Visnik Kiïvs'kogo universitetu*, 1984, No. 26, series: literary studies and linguistics, pp. 97–101. (In Russ.)
- Dackiv S. L. *Suffiksāl'nye slovoobrazovanie imyon sushchestvitel'nyh v ostrovnnyh srednerusskikh govorah na territorii Ukrainskoj SSR (Zhitomirskaya oblast')*. Avtoref. diss. kand. filolog. Nauk. Kievskij gosudarstvennyj universitet im. T. G. Shevchenko. Kiev, 1985. 24 p. (In Russ.)
- Egunova L. Z. Zapisi russkogo fol'klora v Vinnickoj oblasti. *Russkij fol'klor. Mezhetnicheskie fol'klornye svyazi*. IRLI (Pushkinskij Dom) RAN, respons. ed. S. N. Azbelev, Sankt-Peterburg, Nauka Publ., 1993, t. 27, pp. 334–335. (In Russ.)
- Kosmina T. V. *Sil's'ke zhitlo Podillya, kinec' HIH—HKH st. (Istoriko-etnografichne doslidzhennya)*, respons. ed. V. I. Naulko. Kiïv: Naukova dumka Publ., 1980. 192 p. (In Ukr.)
- Nikitenko N. M. *Leksika polevodstva v russkikh «ostrovnnyh» govorah Podol'ya (k probleme leksicheskogo vzaimodejstviya dialektov russkogo i ukrainskogo yazykov)*. Avtoref. diss. kand. filolog. Nauk. Kievskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut im. A. M. Gor'kogo. Kiev, 1977. 25 p. (In Russ.)
- Otin E. S., Sarkisova L. N. Chastotnyj slovar' yazyka sochinenij Avvakuma (obschie principy i struktura). *Russkoe yazykoznanie*, Kievskij gosudarstvennyj universitet im. T. G. Shevchenko. 1982, vyp. 4, pp. 33–41. (In Russ.)
- Rozov A. N. Ekspedicionnaya rabota po russkomu fol'kloru na territorii SSSR za poslednee desyatiletie (obzor informacii). *Russkij fol'klor. Polevye issledovaniya. AN SSSR, IRLI*, respons. ed. P. S., Vyhodcev. Leningrad, Nauka Publ., 1984, t. 22, pp. 121–135. (In Russ.)
- Samohvalova E. I. Izuchenie russkikh govorov na territorii Ukrainy (foneticheskie i morfologicheskie osobennosti govorov s. Pyatiduba Malinskogo rajona Zhitomirskoj oblasti i s. Rafalovki Ivankovskogo rajona Kievskoj oblasti). *Visnik Kiïvs'kogo universitetu*. 1959, vyp. 1, no. 2, series: philology and journalism, pp. 55–65. (In Russ.)
- Samohvalova E. I. Izuchenie russkikh govorov na Ukraine (dialektologicheskaya rabota na kafedre russkogo yazyka Kievskogo universiteta). *Visnik Kiïvs'kogo universitetu*. 1968, no. 10, series: philological, pp. 94–103. (In Russ.)
- Samohvalova E. I. O formirovanii russkikh govorov na Ukraine. *Russkoe yazykoznanie*. Kievskij gosudarstvennyj universitet im. T. G. Shevchenko. 1983, no. 7, pp. 41–48. (In Russ.)
- Samohvalova E. I. Srednevelikorusskie govory na territorii Zhitomirshchiny. *Visnik Kiïvs'kogo universitetu*. 1966, no. 8, series: philology and journalism, pp. 102–108. (In Russ.)
- Slovar' russkikh govorov Odesshchiny: V 2-h t., respons. ed. Y. A. Karpenko, S. Uemura, T. I: A–O. Odessa, AstroPrint Publ., 2000, 376 p. (In Russ.)
- Stolbunova V. I. *Govor russkikh poselenij na Bukovine*. Avtoref. diss. kand. filol. Nauk. Dnepropetrovskij gosudarstvennyj universitet imeni 300-letiya vossoedineniya Ukrainy s Rossiej. Dnepropetrovsk, 1960. 19 p. (In Russ.)

- Stolbunova V.I. Russko-ukrainskoe vzaimodejstvie v leksike russkih «ostrovnyh» govorov na Bukovine. *Russkoe yazykoznanie*. Kievskij gosudarstvennyj universitet im. T.G. Shevchenko. 1984, vyp. 9, pp. 18–24. (In Russ.)
- Tihomirova M.S. *Yuzhnovelikorusckij govor na territorii Odesskoj oblasti (govor s. Bol'shogo Ploskogo Velikomihajlovskogo rajona Odesskoj oblasti)*. Avtoref. diss. kand. filolog. nauk. Kremenec, 1955. 16 p. (In Russ.)
- Cipcyura L.F. *Glasnye i soglasnye izolirovannogo russkogo govora s. Krasilovki Kievskoj oblasti USSR (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Kiev, 1969. 18 p. (In Russ.)
- Shovkoplyas A.G. *Semanticheskaya i slovoobrazovatel'naya harakteristika professional'no-terminologicheskoy leksiki plotnichestva (na materiale russkih govorov Vinnickoj oblasti)*. Avtoref. diss. kand. filolog. Nauk. Kievskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut im. A.M. Gor'kogo. Kiev, 1975. 24 p. (In Russ.)
- Vasilenko G.L. *Vzaimovliyanie kontaktiruyushchih govorov dvuh blizkorodstvennyh yazykov (na materiale bytovoj leksiki russkih syol Vinnickoj oblasti)*. Avtoref. diss. kand. filolog. Nauk. Leningradskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitete im. A.I. Gercena. Leningrad, 1978. 19 p. (In Russ.)
- Vladimirskaia E.A. Iz istorii izucheniya russkih govorov na Ukraine. *Russkoe yazykoznanie*. Kievskij gosudarstvennyj universitet im. T.G. Shevchenko. 1983, vyp. 7, pp. 48–55. (In Russ.)

Сведения об авторе

Таранец Сергей Васильевич,
доктор исторических наук, старший научный
сотрудник Отдела источниковедения новой
истории Украины Института украинской
археологии и источниковедения
им. М.С. Грушевского НАН Украины
(г. Киев, Украина)
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7516-098X>
E-mail: trimonastyrje@gmail.com

Information about the author

Serhii V. Taranets
DSc. (History), Senior Researcher of the
Department of Source Studies of the New History
of Ukraine of the Institute of Ukrainian
Archeography and Source Studies named after
M.S. Hrushevsky of National Academy of Sciences
of Ukraine (Kiev, Ukraine)
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-7516-098X>
E-mail: trimonastyrje@gmail.com



Славяноведение, 2022, № 2, с. 86–99

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2022, № 2, pp. 86–99

DOI: 10.31857/S0869544X0019028-3

Оригинальная статья / Original Article

Изучение истории Венгрии вне рамок хунгарологии: к итогам одной конференции

© 2022 г. Л.Ю. Пахомова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

lydia.pakhomova@gmail.com

Аннотация. В Институте славяноведения РАН существует богатая традиция изучения истории Венгрии. Чтобы раскрыть, как Венгрия повлияла на развитие соседей и какое воздействие оказывали соседи на Венгрию, Центральноевропейский семинар, действующий в Институте славяноведения, организовал конференцию «Венгрия как фактор государственных, этнических и культурных взаимодействий в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе». В мероприятии приняли участие ученые из разных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Екатеринбурга, Перми), Венгрии (Будапешта, Эгера, Капошвара) и Сербии (Нови-Сада). Они обсудили отношения Венгрии с Австрией (Цислейтанией); славянскими народами, входившими в монархию, и соседними государствами, в том числе и с теми, где оказалась часть бывших жителей Венгерского королевства.

Ключевые слова: славяноведение, мадьяры, славяне, румыны, Венгерское королевство, Габсбургская монархия, Центральная Европа, Юго-Восточная Европа, Восточная Европа.

Ссылка для цитирования: Пахомова Л.Ю. Изучение истории Венгрии вне рамок хунгарологии: к итогам одной конференции // *Славяноведение*. 2022. № 2. С. 86–99. DOI: 10.31857/S0869544X0019028-3

Studying the History of Hungary Beyond Hungarology: On the Results of a Conference

© 2022. Lidia Yu. Pakhomova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

lydia.pakhomova@gmail.com

Abstract. The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences has a rich tradition of studying the history of Hungary. In order to reveal how the Hungarian people, language, and state influenced the development of all their neighbours and what

impact the neighbours had on Hungary, Interdisciplinary Central European Seminar working at the Institute of Slavic Studies organised a conference «Hungary as a factor of state, ethnic and cultural interactions in Central, Eastern and Southeastern Europe». The event was attended by scientists from different cities of Russia (Moscow, St. Petersburg, Arkhangelsk, Yekaterinburg, Perm), Hungary (Budapest, Eger, Kaposvar) and Serbia (Novi Sad). They discussed Hungary's relations 1) with Austria (Cisleithania) in the Habsburg monarchy, 2) with the Slavic peoples who were part of the Lands of the Crown of Saint Stephen, 3) with neighbouring states, including those where some of the former inhabitants of the Hungarian Kingdom turned out to be.

Keywords: Slavistics, Magyars, Slavs, Rumanians, Hungarian Kingdom, Austria-Hungary, Habsburg Monarchy, Central Europe, Southeastern Europe, Eastern Europe.

Reference for citation: *Pakhomova L. Yu. Studying the History of Hungary Beyond Hungarology: On the Results of a Conference // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2022. No. 2. pp. 86–99. DOI: 10.31857/S0869544X0019028-3*

В 2020 г. ежегодная конференция Центральноевропейского семинара Института славяноведения РАН была посвящена Венгрии как фактору государственных, этнических и культурных взаимодействий в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе [8]. В институте существует богатая традиция изучения истории Венгрии [19; 25], заложенная в 1970-е годы В.П. Шушариным (см., например, [51–52] и др.), Т.М. Исламовым [16–17; и др.], А.И. Пушкиным [33–36; и др.]. Их работу в современной России продолжают Б.И. Желицки [14–15], А.С. Стыкалин [42–47; и др.], О.В. Хаванова [48–49] (см. также [18]). Изучение истории Венгрии именно в Институте славяноведения РАН (ИСл РАН) [1; 5–6; 9–10; 29; 38; 39] имеет то неоспоримое преимущество, что открывает пространство для широких региональных исследований от Средних веков до наших дней, так как в Венгрии пересекались и пересекаются языки и культуры самых разных народов: мадьяр, румын, немцев, славян и других.

Центральноевропейский семинар предложил историкам, литературоведам, лингвистам посмотреть на предмет их изучения через оригинальный ракурс — связи с Венгрией, венгерским социумом и, конечно, мадьярским этносом. Как заметили организаторы, полиэтническое пространство, каковым было Венгерское королевство до конца Первой мировой войны, дает богатый выбор тем для исследователей Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы [24]. В исследовании этих отношений можно выделить несколько уровней: 1) с Австрией (Цислейтанией), 2) со славянскими народами, входившими в монархию, 3) с соседними государствами, в том числе и с теми, где оказалась часть бывших жителей Венгерского королевства. Все эти аспекты проследили в докладах участники конференции (см. тезисы докладов [7]).

Венгрия на протяжении многих веков была для Руси, а затем Российской империи и Советского Союза соседом и партнером, который мог в определенных обстоятельствах стать и врагом. Несмотря на то что нижней границей хронологических рамок конференции было объявлено раннее Новое время, весьма интересно было узнать историю отношений Руси и Венгерского королевства в Средние века. М.К. Юрасов (ИРИ РАН) на основе русских летописей и венгерских хроник рассмотрел причины изменения во внешней политике Венгрии в конце XII в. (см. также его работу [53]). По мнению ученого, у короля Гезы II (1141–1162), отстаивавшего независимость Венгрии, не было возможности экспансии на восток. Исчезновение византийской угрозы и угрозы со стороны Фридриха Барбароссы, занятого в Италии, а также слабость

южнорусских князей вследствие междоусобной борьбы способствовали складыванию благоприятной для Арпадов международной обстановки. Это дало шанс следующему правителю: Бэла III (ок. 1148–1196) в 1186 г. попробовал закрепиться на галичском престоле. С тех пор и до конца XIV в. венгры пытались несколько раз завоевать Галичско-Волынскую Русь.

Венгерское королевство соседствовало и с Османской империей, стремившейся расширить свои европейские владения. Из-за опасности турецкой экспансии существенно повышалась цена добычи лесных ресурсов. К такому выводу пришел Андраш Вадаш (Ун-т им. Л. Этвеша, Венгрия). В фокусе внимания историка, изучающего потребление и управление природными ресурсами в раннее Новое время, находится методология исследования. В ходе доклада и последовавшей дискуссии А. Вадаш уточнил, что измерение и моделирование являются главными вопросами в его исследованиях. Поэтому важно комплексно изучать источники разного вида: законы и декреты правителей, инструкции управляющим поместьями, а также местные реестры и финансовые отчеты.

В конце XVII в. османская угроза заставила сербов во главе с патриархом Арсением Чарноевичем (1633–1706) переселиться за Дунай, в Австрийскую империю. Взгляды двух выдающихся сербских деятелей XVII–XVIII вв. — Джордже Бранковича (1645–1711) и Йована Раича (1726–1801) на средневековую историю венгров были проанализированы в докладе Д.Г. Полонского (ИСл РАН) (см. также его работу [31]). Оба хрониста писали о прошлом венгров и событиях, где участвовали и сербы, и венгры. Их представления об этом можно рассматривать как толчок для развития идей об истории собственного народа. Исследователь подытожил: если для Бранковича главной была идея исторических территориальных прав сербских деспотов, то Раич в качестве приоритета рассматривал сохранение национальной и конфессиональной идентичности и оценку действий в союзах сербов с венграми с этических позиций христианина.

Отношения сербов и их потомков с правителями государств, куда они переселялись, были в фокусе внимания коллег из Новисадского университета Ненада Нинковича и Горана Васина. Они поделились результатами исследований о Будайской епархии (оба участника — авторы работы по истории Будайской епархии [2]). Особенность ее состояла в статусе: епархия была основана еще тогда, когда Буда входила в состав Османской империи, затем крепость стала частью территории Австрийской империи и сыграла важную роль для сохранения религиозной и этнической идентичности сербов, проживавших в Венгерском королевстве. Н. Нинкович детально изложил историю взаимодействия монархии, церковных иерархов и прихожан в XVIII в. Историк уделил внимание деятельности митрополита Стефана Стратимировича (1758–1836). Рассказ о развитии православной церкви в Венгрии в XIX в. продолжил Г. Васин. Одним из основных событий в ее истории стала революция 1848–1849 гг. — тогда сербская православная церковь провозгласила автономию. Исследователь остановился на непростых отношениях будайского епископа Платона Атанацковича (1788–1867) с карловицким митрополитом (патриархом) Иосифом Раячичем (1785–1861). История епархии во второй половине XIX в. связана с именем Арсения Стойковича (1804–1892), который возглавлял ее на протяжении 40 лет — время, когда реализовались национальные идеи сербского народа. Будайская епархия принимала активное участие в этом процессе.

К проблеме идентичности и формирования наций участники конференции возвращались вновь и вновь. О том, как австрийский историк и историограф Йозеф фон Хормайр (1781–1848) способствовал зарождению основы габсбургской наднациональной идентичности, рассказал Г.С. Рагозин (Арктический федеральный ун-т). Докладчик особое внимание уделил освещению Хормайром венгерской истории в его знаменитом «Австрийском Плутархе». Как утверждает исследователь, его герой всеми возможными средствами старался доказать, что империя Габсбургов была единственным условием для выживания Венгрии, и представить венгров соотечественниками под скипетром единого монарха.

Проблема австро-венгерской идентичности напрямую касается вопроса отношений венгров с их своеобразным соседом и одновременно правителем — Австрией. Австро-венгерские отношения подверглись серьезному испытанию во время революции 1848 г. Немаловажную роль в этом событии сыграла армия. М.М. Чешков (Санкт-Петербургский государственный ин-т культуры) подробно ознакомил участников конференции с историей и составом венгерских полков в австрийской армии в 1848 г. (см. также его работу [50]).

Об интересных аспектах русско-австрийских отношений рассказала О.В. Хаванова (ИСл РАН) в докладе о поездке венгерского графа Дюлы Аппони (1816–1857) в Москву и Петербург в 1856 г. Он приехал в составе австрийской делегации, приглашенной на коронацию Александра II. Частные письма Аппони семье являются информативным источником для изучения не только коронационных церемоний и дворянской жизни в Российской империи, но и идентичностей венгерского аристократа. Базовой его идентичностью исследовательница назвала австро-венгерскую — лояльность императору, которая не противоречила другой идентичности — венгерской, когда он чувствовал себя только венгром.

После поражения революции 1848 г. венграм удалось через 19 лет добиться равноправия с австрийцами — в 1867 г. Австрийская империя была преобразована в Австро-Венгрию. Отталкиваясь от идеи дуализма, славянские народы монархии конструировали видение будущего многонациональной родины и искали свое место в ней.

Весьма активными в этом отношении были представители хорватского народа. О деятельности одного из видных политиков 1860-х — начала 1870-х годов — епископа Йосипа Штросмайера (1815–1905) говорил А.М. Дронов (ИСл РАН) (см. также его работу [12]). Историк изложил идеи лидера хорватских народняков (выступавшего против дуализма, за федерализацию монархии и за объединение Далмации, Хорватии и Славонии) и выделил четыре этапа в его работе, в течение которых Штросмайер пытался договориться с венграми, монархией и сербским князем Михаилом Обреновичем (1823–1868). Из-за противоречий с австро-венгерским канцлером Фридрихом Бойстом (1809–1886), под угрозой лишения епископского сана и других гонений Штросмайеру пришлось отказаться от активной политической деятельности и уехать во Францию.

Отношение словенских депутатов и их избирателей к дуализму, а также попытка сотрудничества с венграми стали темой выступления Л.А. Кирилиной (ИСл РАН) (см. также ее работу [21]). Словенцы, изначально выступая за федерализацию монархии и будучи категорически против введения дуалистической системы, по утверждению исследовательницы, на дебатах в рейхсрате «повели

себя неоднозначно»: после того как австро-венгерское соглашение поддержали поляки и тирольцы, шесть из восьми депутатов высказались «за». Кроме того, боясь объединения Австрии с Германией, группа словенских и хорватских политиков, рассматривала возможность реальной унии с Венгрией. Однако утверждение об обсуждении этой идеи на встречах пока не находит подтверждения в источниках.

Как Венгерское королевство контролировало участников сербского национального движения, рассмотрела на основании полицейских отчетов Л.К. Новосельцева (ИСл РАН) (см. также ее работу [26]). Как выяснила исследовательница, полицейские в основном занимались мониторингом прессы и наблюдали за сербскими политиками: депутаты Государственного собрания в течение 1860–1870-х годов пытались создать коалицию с представителями немадьярских народов, поддерживали тесные связи с сербами княжества. Кроме того, полицейские донесения дают дополнительный материал для изучения политической истории сербов, проживавших в монархии Габсбургов.

Венгерское государство было решительно настроено сохранить дуалистическую систему. Инструментами, как показал А.О. Пеганов (независимый исследователь), служили не только наблюдения за подданными императора-короля, но и насильственный метод — с помощью Венгерской королевской жандармерии, созданной в 1881 г. Особую угрозу правительство видело в националистических и рабочих движениях. После изучения официальных документов и материалов прессы, исследователь пришел к выводу, что для выявления преступников жандармы широко применяли физическое насилие (материал, изложенный в докладе, см. [55]).

О политике, которую вела Австро-Венгрия в оккупированных провинциях — Боснии и Герцеговине, — говорила Л.Ю. Пахомова (ИСл РАН) (см. также ее работу [27]). Франц Иосиф министрами финансов, управлявшими новыми территориями, назначал чиновников венгерского происхождения. В 1903 г. министром стал Штефан Буриан (1851–1922). Пахомова основывалась на информации из его записки, копия которой хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Министр полагал, что провинции готовы к либеральным реформам, в том числе к участию местных жителей в управлении, и предложил учредить представительный орган.

Выборы в Боснии и Герцеговине можно рассматривать, по мнению С.А. Романенко (РГГУ), как часть реализации национального самоопределения южных славян в рамках Австро-Венгерской монархии (см. также его работу [37]). Ученый выделил три периода в этом процессе: довоенный — когда проходили выборы в представительные органы, во время Первой мировой войны — югославизм был центральноевропейским, после войны — когда югославизм вышел за границы Габсбургской монархии и было создано Королевство сербов, хорватов и словенцев.

На конференции несколько докладчиков посвятили выступления последствиям изменения границ в XX в., когда подданные Венгерского королевства превратились в соседей, а венгерское большинство стало меньшинством в бывших землях короны св. Иштвана. Н.Н. Станков (ИСл РАН) (см. также его работу [41]) остановился на проблеме отношения независимых государств, ранее входивших в состав Австро-Венгрии, к попытке реставрации Габсбургов в Венгрии. Исследователь в ходе дискуссии подчеркнул, что путч Карла Габсбурга

(1887–1922), который хотел воспользоваться сложным бургенландским вопросом, происходил на фоне оформления Малой Антанты и попыток решить территориальные проблемы между Венгрией, с одной стороны, и Чехословакией, Австрией, Югославией, Румынией – с другой. Станков поделился мнением, что реставрация была маловероятна главным образом потому, что регент Миклош Хорти (1868–1957) не собирался ее поддерживать. Кроме того, при исследовании необходимо учитывать позиции других держав, выступавших против, в первую очередь Италии.

Кроме Бургенланда, был еще один трудный вопрос – статус Подкарпатской Руси, ставшей после распада Габсбургской монархии регионом Чехословакии. О.Г. Казак (Белорусский государственный экономический ун-т) (см. также его работу [20]) рассмотрел, как конструировалась политика Венгрии на ее бывших землях и какими средствами пользовался Будапешт, чтобы влиять на национально-культурный ландшафт и на процесс формирования национальной идентичности русинского населения в 1938–1944 гг., среди которых ученый назвал: 1) деятельность провенгерских организаций, в частности Подкарпатского общества наук; 2) кодификацию русинского языка; 3) реформу системы образования, предполагавшую привлечение учителей из внутренних регионов Венгрии.

Политика Чехословацкой Республики (ЧСР) по отношению к венгерскому меньшинству стала предметом исследования С.М. Слоистова (ИСл РАН). После Второй мировой войны руководство ЧСР планировало изменить этнический состав в приграничных районах и очистить их от венгров и немцев. Вопрос положения венгров стал ключевым в отношениях Чехословакии и Венгрии. В его решение был активно вовлечен Советский Союз, который сам в это время активно занимался обменом населением с Польшей. Играла роль и внутриполитическая борьба в Словакии. В 1948–1949 гг. произошел поворот: венгры получили права. Процесс нормализации культурной жизни, посчитал ученый, занял несколько лет и продлился до 1952 г.

Как в судьбе одного университета отразились перипетии XX в. с переходом областей из одного государства в другое, наглядно показал А.С. Стыкалин (ИСл РАН) (подробно материал, изложенный в докладе, см. [45]). В его докладе речь шла об университете, основанном в австро-венгерском городе Коложваре. Когда после Первой мировой войны, по Трианонскому миру, Трансильвания стала румынской, университет переехал в венгерский Сегед, а Коложвар превратился в Клуж, в учебные корпуса переехала профессура из королевской Румынии. Перед Второй мировой войной, когда городу вернули венгерское название, вернулась и часть университета из Сегеда. После 1945 г. Трансильвания снова вошла в состав Румынии, теперь уже снова в Клуже работали параллельно венгерский и румынский университеты, пока в 1959 г. венгерский университет не был интегрирован с румынским.

Трансформация границ не могла не повлиять и на языковую ситуацию. В области Бургенланд, которая в межвоенное время была поделена между Австрией и Венгрией, а после Второй мировой войны вошла частично и в Словакию, проживают градищанские хорваты (Градище – хорватское название Бургенланда). Об унгаризмах в современном языке градищанских хорватов говорилось в докладе А.А. Плотниковой и Д.Ю. Ващенко (ИСл РАН) (см. также их работу [30]). Они отметили сложность языковой ситуации: в Градище используется три разных государственных языка (немецкий, венгерский, словацкий), хорватский – язык общения в семьях и селах, венгерский стал тайным

языком для старшего поколения в словацких селах. В докладе приведено множество примеров прямых и косвенных заимствований, а также этнокультурных вкраплений.

Сознательный выбор писателями и публицистами в Венгрии в качестве языка творчества язык титульной нации рассматривался в докладе О.А. Якименко (Российский государственный педагогический ун-т им. А.И. Герцена) (см. также ее работу [54]). Она привела примеры, как в середине XIX в. немадьяры решали переходить на венгерский язык, т.е. «овенгеривались», самые известные из них – Шандор Петёфи (1823–1849, одни ученые считают его сербом, другие – словаком), и Лайош Кошут (1802–1894, отец его был словаком, а мать – немкой). Якименко объяснила такое явление поддержкой венгерской революции 1848–1849 гг. Мадьяризация проходила наиболее успешно среди еврейского и немецкого меньшинств. Однако с течением времени ситуация изменилась: в XX – начале XXI в. не-мадьяр пытались вывести из числа венгерских писателей, в частности автора еврейского происхождения Пала Бардаша, который пишет на родном для него венгерском языке.

Как воспринимаются в современной Венгрии бывшие земли, можно было узнать из выступления С.А. Гануса (Ужгородский национальный ун-т), сообщившего о маркерах, с помощью которых венгры осуществляют публичную презентацию государственнической традиции: например, избегают чрезмерной мифологизации и заботятся о соотечественниках за пределами страны. Историк упомянул также и о примирении венгров с теми, кто долгое время рассматривался ими как исторический враг, в первую очередь с Габсбургами. Кроме того, С.А. Ганус особо подчеркнул, что Венгрия считает себя самодостаточным историческим субъектом. Необходимо отметить, что в ходе дискуссии А.М. Кузнецова отметила, что в последние годы историческая политика Венгрии меняется в сторону радикализации.

Тема смерти как особая форма памяти в венгерской литературе была затронута в докладе С.Г. Дюкина (Пермский государственный ун-т культуры) (см. также его работу [13]). Исследователь выделил несколько субмотивов, таких как эротизация, романтизация, ее превращение в социальный инструмент и др. После изучения текстов он пришел к выводу, что мотивы смерти в венгерской литературе были лишены религиозной коннотации. Как предполагает Дюкин, секуляризация смертности связана с архаичными пластами в венгерской культуре.

На конференции прозвучали доклады, затрагивающие русско-венгерские отношения как часть русско-австрийских отношений, поскольку Венгрия с 1526 г. была частью Австрийской (с 1867 г. Австро-Венгерской) империи. Встречам Екатерины II (1729–1796) и Иосифа II (1741–1790) в 1780 г. и обсуждению их внешнеполитических планов было посвящено выступление Патрика Диннеша (Эгерский ун-т, Венгрия) (см. также его работу [11]). Хотя тема довольно хорошо изучена в историографии (см., например, [3; 28 и др.]), исследователь предпринял попытку еще раз сопоставить сведения из научной литературы и по-новому взглянуть на источники: широко использующиеся – письма Иосифа к матери Марии Терезии (1717–1780), и малоизвестные – в частности, дневник венгерского священника Ференца Ксавьера Калатаи (1722–1795), сопровождавшего австрийского императора в Россию. Тем самым исследователь поставил новые вопросы для изучения, например, почему российская императрица так упорно пыталась переориентировать Иосифа на Рим? Во время дискуссии докладчик подчеркнул, что Иосиф II не только

провел много внутриполитических реформ, но и радикализировал внешнюю политику, так как стремился получить корону Священной Римской империи.

Второй доклад, касавшийся русско-австрийских отношений, прочитала О.В. Хаванова (о нем речь шла выше). Формы непосредственно русско-венгерского взаимодействия (позже советско-венгерского) после окончания Первой мировой войны и кардинального изменения не только границ, но и самих государств были рассмотрены в выступлениях Аттилы Колонтари, Г.А. Попова, М.В. Ковалева и Е.Р. Курапова.

А. Колонтари (Капошварский кампус Университета св. Иштвана, Венгрия) поделился предварительными итогами изучения венгерской прессы о выступлениях русских артистов-эмигрантов (см. также его работу [23]). Историк показал весьма интересные иллюстрации из газет и журналов о кумире венгров № 1 — Федоре Шаляпине (1873—1938), об оставшемся в его тени Георгии Бакланове (1881—1938), о собиравшем аншлаги казачьем хоре Сергея Жарова (1896—1985). Исследователь не обошел вниманием сотрудничество венгерского и русского драматических театров, гастроли балерин Анны Павловой (1881—1931) и Тамары Карсавиной (1885—1978), а также обновленного балета Сергея Дягилева (1872—1929) и др. Участники конференции с интересом выслушали рассказ о семье танцовщика Вацлава Нижинского (1889—1950), которая жила в Будапеште.

В стране, которую покинули эти артисты, оставались военнопленные бывшей габсбургской армии, в том числе венгры. Для работы с ними в Советской России при Петроградском губкоме учредили специальный Венгерский отдел. О его деятельности рассказал Г.А. Попов (СПбГУ) (материал, изложенный в докладе, см. [32]). Отдел, в котором работали всего девять человек, должен был привлечь как можно больше сторонников среди солдат — тех, кто мог бы поддержать новую революцию в Венгрии после поражения там советской республики. Основным средством пропаганды стала просветительская и культурная деятельность. В агитационных пунктах, на вокзалах, в клубе читали лекции о причинах бедствий на родине. Офицеров же как неблагонадежных элементов контролировали с помощью Чрезвычайной комиссии.

Венгерско-советские научные связи после Второй мировой войны рассмотрел М.В. Ковалев (ИВИ РАН; Архив РАН) (см. также его работу [22]). Исследователь проанализировал разные этапы в корреспонденции венгерского византиниста академика Дюлы Моравчика (1892—1972) с русскими коллегами. В межвоенный период он больше поддерживал отношения с эмигрантами; после Второй мировой войны установились тесные связи и с советскими учеными, которые, впрочем, очень скоро прекратились. Эпистолярный всплеск общения Моравчика с коллегами из СССР можно было наблюдать в середине 1950-х годов. Еще больше расширились связи в середине 1960-х годов, после посещения им Москвы и Ленинграда.

Тему интеллектуальных связей продолжила Е.Р. Курапова (Российский государственный архив экономики). Она показала сборники документов — результаты совместной работы российских и венгерских историков и архивистов: «Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР» [4] и «Советско-венгерские экономические отношения, 1948—1973 гг.» [40]. Кроме того, докладчица ознакомила слушателей с экспонатами выставки, демонстрировавшейся в 2018—2019 гг. в России и Венгрии. Экспозиция охватила практически все основные сферы двусторонних отношений — экономику, финансы,

промышленность, культуру и т.д. Курапова отметила особую поддержку в реализации архивных проектов со стороны Архивного института Венгрии в Москве, представительница которой – Габриэла Мюллер – также участвовала в работе конференции.

В ходе конференции ученые продемонстрировали результаты исследований, где «венгерский» фактор возник в самых разных исторических событиях и явлениях. Венгрия повлияла на развитие всех соседей, но и соседи оказывали заметное воздействие на Венгрию, что показали выступавшие историки, литературоведы и лингвисты. Можно согласиться с О.В. Хавановой, которая, подытоживая мероприятие, подчеркнула, что его цель достигнута: «В славяноведах открылись унгаристы». Необходимо особо отметить высокий уровень дискуссий; вопросы, которые, в частности, задавали Ю.Е. Бут (Уральский федеральный ун-т) и Е.П. Серапионова (ИСл РАН), помогли не только уточнить проблемы, аспекты или методологию, но и открыть новые направления для дальнейшей работы. Остается пожелать, чтобы традиционные для Института славяноведения РАН проблемные исследования в масштабе отдельных регионов продолжались и отражались в работе новых конференций и различных публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. XX век: Русская литература глазами венгров, венгерская литература глазами русских / отв. ред. Ю.П. Гусев. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. 320 с.
2. Васин Г., Нинковић Н. Историја Будимске епархије. Сремска Митровица: Историјски архив Срем, 2018. 202 с.
3. Век Екатерины II. Дела Балканские / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Наука, 2000. 295 с.
4. Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР: Сборник документов / отв. сост. А.А. Зданович; сост. В.К. Былинин, В.К. Гасанов, В.И. Коротаев, В.Ф. Лашкул. М.: Объединенная редакция МВД России при участии РГВА, РГАНИ, 2009. 520 с.
5. Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблковых отношений / редкол.: А. Костриц, А.С. Стыкалин (отв. ред.), О.В. Хаванова. М.: СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с. <https://doi.org/10.31168/4469-1390-9>
6. Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений: Документы и материалы 1944–1951 гг. / сост.: Г.П. Мурашко, С.М. Слоистов. М.: РОССПЭН, 2017. 462 с.
7. Венгрия как фактор государственных, этнических и культурных взаимодействий в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в Новое и новейшее время. Тезисы IV международной конференции Междисциплинарного центральноевропейского семинара. 2–3 ноября 2020 г. / ред.-сост. Д.Ю. Ващенко, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. 40 с. <https://doi.org/10.31168/0444-2>
8. Венгрия как фактор государственных, этнических и культурных взаимодействий в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в Новое и новейшее время. 2–3 ноября 2020 г. Программа // Институт славяноведения РАН [сайт]. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/ces-4_2020_programma_na_sayt_21.10.pdf (дата обращения: 20.12.2021).
9. Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (Памяти Владимира Павловича Шушарина) / редкол.: Т.М. Исламов, А.С. Стыкалин (отв. ред.), М.К. Юрасов. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. 344 с. (Центральноевропейские исследования. Вып. 2).
10. Восточный блок и советско-венгерские отношения: 1945–1989 годы / под ред. А.С. Стыкалина, О.В. Хавановой (отв. ред.). СПб.: Алетейя, 2010. 224 с.
11. Диннеш П. Впечатления от поездки в Россию в 1780 г.: дневник императорского духовника Ференца Ксавьера Калатаи // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Т. 13. № 3–4. С. 7–14. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2018.3-4.101>
12. Дронов А.М. От иллиризма к хорватизму в Австрийской империи первой половины XIX века // Славяноведение. 2018. № 1. С. 55–69.

13. Дюкин С.Г. Диалектика вечности и смерти в венгерской литературе // Вечность как сюжет. Материалы международной научной конференции. Тверь, 9–11 апреля 2015 г. Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2015. С. 263–268. (Сер. «Время как сюжет»).
14. Желицки Б.Й. Венгрия новейших времен: Очерки политической истории 1944–1994 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. 648 с.
15. Желицки Б.Й., Желицки Ч.Б. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты (середина XIX – конец 50-х годов XX века). М.: Индрик, 2012. 600 с.
16. Исламов Т.М. Политическая борьба в Венгрии накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1972. 392 с.
17. Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М.: Индрик, 2008. 240 с.
18. История венгерской литературы в портретах / ред. Ю.П. Гусев, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова. М.: Индрик, 2015. 408 с.
19. История Венгрии. В 3-х т. / редколл.: Т.М. Исламов, А.И. Пушкаш, В.П. Шушарин. М.: Наука, 1971–1972.
20. Казак О.Г. Русофил из Подкарпатской Руси в чехословацких эмигрантских институтах: политический портрет Павла Цибере (1940–1944) // Тетради по консерватизму. 2020. № 2. С. 378–385. <https://doi.org/10.24030/24092517-2020-0-2-378-385>
21. Кирилина Л.А. Словенцы и революция 1848–1849 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. 161 с.
22. Ковалев М.В. Российское интеллектуальное присутствие в Венгрии в зеркале документальной памяти // Глобалистика-2020: глобальные проблемы и будущее человечества. Электронный сборник тезисов участников VI Международного научного конгресса. М.: МГУ, 2020. С. 401–403.
23. Колонтари А. Несостоявшаяся белая ось. К вопросу о возможности сотрудничества русской эмиграции с Венгрией // Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы) / отв. ред. А.С. Стыкалин, Е.М. Варга. М.: б.и., 2012. С. 34–82.
24. Конференция «Венгрия как фактор государственных, этнических и культурных взаимодействий в Новое и новейшее время». Москва, 2–3 ноября 2020 г. // Институт славяноведения РАН [сайт]. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/ces-4_2020_programma_na_sayt_21.10.pdf (дата обращения: 14.12.2021).
25. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней / под ред. Т.М. Исламова. М.: Наука, 1991. 608 с.
26. Новосельцева Л.К. «Кто в молодости не был либералом»: к политической биографии Джордже Стратимировича // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 60–69. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2018.3-4.1.06>
27. Пахомова Л.Ю. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М.: Индрик, 2021. 288 с. <https://doi.org/10.31168/91674-610-5>
28. Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза. 1780–1790. М.: Наука, 2011. 420 с.
29. Пилипенко Г.П. Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: Взгляд «изнутри» и «извне». М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 336 с.
30. Плотишкова А.А., Ващенко Д.Ю. Этнолингвистическая экспедиция в градишанскохорватские села Западной Венгрии (окрестности Сомбатхея) // Славяноведение. 2019. № 6. С. 88–98.
31. Полонский Д.Г. О рукописях собрания Радослава Груича в Музее Сербской православной церкви в Белграде // Slověne. 2020. Vol. 9. No. 1. С. 488–512. <https://doi.org/10.31168/23056754.2020.9.1.18>
32. Попов Г.А. Взаимоотношение Венгерского отдела при Петроградском губкоме РКП(б) с венгерскими военнопленными в 1920–1921 гг. // Центральноевропейские исследования. 2020. Вып. 3 (12). С. 32–52. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2020.3.2>
33. Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии: Апрель 1927 г. – февраль 1934 г. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. 317 с.
34. Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии: Февраль 1934 – январь 1937 г. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. 301 с.
35. Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии: Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. 460 с.

36. Пушкаш А.И. Цивилизация и варварство: Закарпатье 1918–1945. М.: Европа, 2006. 564 с.
37. Романенко С.А. Центробежные и центростремительные тенденции в политических программах национальных движений южных славян Австро-Венгрии 1914–1918 годов // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 41–57. <https://doi.org/10.31857/S013038640008649-1>
38. Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы) / отв. ред. А.С. Стыкалин, Е.М. Варга. М., б.и., 2012. 220 с.
39. Российская империя и монархия Габсбургов в наполеоновских войнах: Взгляд из Венгрии / редколл.: О.В. Хаванова (отв. ред. с российской стороны), А. Шереш (отв. ред. с венгерской стороны), Л.К. Кокунина (отв. секретарь). СПб.: Нестор-История, 2014. 256 с.
40. Советско-венгерские экономические отношения, 1948–1973 / ред.: А.Н. Артизов, Д. Фёльдеш. М.: Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева), 2012. 571 с. (Россия. XX век. Документы).
41. Станков Н.Н. «Секретный» протокол Реннера – Бенеша 1920 года в контексте международных отношений в Центральной Европе // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 118–133.
42. Стыкалин А.С. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 720 с.
43. Стыкалин А.С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М.: Издатель Степаненко, 2001. 348 с.
44. Стыкалин А.С. Прерванная революция: Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М.: Новый хронограф, 2003. 320 с.
45. Стыкалин А.С. Судьба одного университета в контексте изменения границ в Средней Европе (Коложвар – Клуж – Сегед) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 353–385. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2021.3-4.5.01>.
46. Стыкалин А.С. Распад Австро-Венгерской монархии и исторические судьбы Трансильвании // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 58–72. <https://doi.org/10.31857/S013038640008650-3>
47. Стыкалин А.С. Венгерское национальное меньшинство в Трансильвании как фактор отношений Венгрии и Румынии в 1950-е – 1980-е годы. Наследие прошлого и реальные проблемы эпохи социализма // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 231–256.
48. Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов. 1746–1784. СПб.: Алетея, 2006. 439 с. (Studia Hungarica).
49. Хаванова О.В. Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. 192 с.
50. Чешков М.М. Австрийская армия второй половины XVIII в. в оценке А.В. Суворова // Молодежный вестник Санкт-петербургского государственного института культуры. 2020. № 2 (14). С. 134–139.
51. Шушарин В.П. Крестьянская война 1514 года в Венгрии. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. 256 с.
52. Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.
53. Юрасов М.К. Венгрия и русские княжества в XII в. СПб.: Петроглиф: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 496 с.
54. Якименко О.А. Полигlossия в современной венгерской литературе: разнообразие авторских стратегий // Центральноевропейские исследования. 2019. Вып. 2 (11) / гл. ред. О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 285–307. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2019.2.13>.
55. Páhanau A. The Hungarian Royal Gendarmerie and Political Violence in «Happy Peaceful Times» (1881–1914) // Crime, Histoire et Sociétés. 2021. Vol. 25. No. 1. P. 85–110. <https://doi.org/10.4000/chs.2903>

REFERENCES

- Cheshkov M.M. Avstriiskaia armiiia vtoroi poloviny XVIII v. v otsenke A.V. Suvorova. *Molodezhnyi vestnik Sankt-peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 2020, no. 2 (14), pp. 134–139. (In Russ.)
- Dinnehs P. Vpechatleniia ot poezdki v Rossiю v 1780 g.: dnevnik imperatorskogo dukhovnika Ferentsa Ksav'jera Kalatai. *Slavianskii mir v tret'jem tysiacheletii*, 2018, vol. 13, no. 3–4, pp. 7–14. (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2018.3-4.1.01>

- Diukin S.G. Dialektika vechnosti i smerti v vengerskoi literature. *Vechnost' kak suzhet. materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tver', 9–11 aprelia 2015 g.* Tver', Izdatel'stvo Mariny Batasovoi Publ., 2015, pp. 263–268. (Ser. «Vremia kak suzhet»). (In Russ.)
- Dronov A.M. Ot illirizma k khovratizmu v Avstriiskoi imperii pervoi poloviny XIX veka. *Slavyanovedeniie*, 2018, no. 1, pp. 55–69. (In Russ.)
- Iakimenco O.A. Poliglossiia v sovremennoi vengerskoi literature: raznoobrazie avtorskikh strategii. *Tsentral'noevropeiskije issledovaniia*, 2019, no. 2 (11), ed. O.V. Khavanova. Moscow, Institut slavyanovedeniia RAN Publ.; St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2020, pp. 285–307. (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2019.2.13>
- Islamov T.M. *Politicheskaiia bor'ba v Vengrii nakanune pervoi mirovoi voiny*. Moscow, Nauka Publ., 1972, 392 p. (In Russ.)
- Islamov T.M., Pokivailova T.A. *Vostochnaia Evropa v silovom pole velikikh derzhav. Transil'vanskii vopros. 1940–1946 gody*. Moscow, Indrik Publ., 2008, 240 p. (In Russ.)
- Istoriia vengerskoi literatury v portretakh*, eds. Iu.P. Gusev, A.S. Stykalin, O.V. Khavanova. Moscow, Indrik Publ., 2015, 408 p. (In Russ.)
- Istoriia Vengrii*. V 3 t., eds. T.M. Islamov, A.I. Pushkash, V.P. Shusharin. Moscow, Nauka Publ., 1971–1972. (In Russ.)
- Iurasov M.K. *Vengriia i russkije kniazhestva v XII v.* St. Petersburg, Petroglif: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2019, 496 p. (In Russ.)
- Kazak O.G. Rusofil iz Podkarpatskoi Rusi v chekhoslovatskikh emigrantskikh institutakh: politicheskii portret Pavla Tsihere (1940–1944). *Tetradi po konservatizmu*, 2020, no. 2, pp. 378–385. (In Russ.) <https://doi.org/10.24030/24092517-2020-0-2-378-385>
- Khavanova O.V. *Natsiia, otechestvo, patriotizm v vengerskoi politicheskoi kul'ture: dvizheniie 1790 goda*. Moscow, Institut slavyanovedeniia RAN Publ., 2000, 192 p. (In Russ.)
- Khavanova O.V. *Zaslugi otsov i talanty synovei: vengerskije dvoriane v uchebnykh zavedeniakh monarkhii Gabsburgov. 1746–1784*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2006, 439 p. (Studia Hungarica). (In Russ.)
- Kirilina L.A. *Sloventsy i revoliutsiia 1848–1849 gg.* Moscow, Institut slavyanovedeniia RAN Publ., 2000, 161 p. (In Russ.)
- Kolontari A. Nesostoiavshaiasia belaia os'. K voprosu o vozmozhnosti sotrudnichestva russkoi emigratsii s Vengriiei. *Rossiiskaia belaia emigratsiia v Vengrii (1920–1940-je gody)*, ed. A.S. Stykalin, Je.M. Varga, Moscow, s.n., 2012, pp. 34–82. (In Russ.)
- Konferentsiia «Vengriia kak faktor gosudarstvennykh, etnicheskikh i kul'turnykh vzaimodeistvii v Novoie i noveisheje vremia». Moskva, 2–3 noiabria 2020 g. *Institut slavyanovedeniia RAN [sait]*. (In Russ.) URL: https://inslav.ru/sites/default/files/ces-4_2020_programma_na_sayt_21.10.pdf (accessed: 14.12.2021). (In Russ.)
- Kovalev M.V. Rossiiskoje intellektual'noie prisutstviie v Vengrii v zerkale dokumental'noi pamiatii. *Globalistika-2020: global'nyie problemy i budushcheje chelovechestva. Elektronnyi sbornik tezisev uchastnikov VI Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa*. Moscow, MGU Publ., 2020, pp. 401–403. (In Russ.)
- Kratkaia istoriia Vengrii. S drevneishikh vremen do nashikh dnei*, ed. T.M. Islamov. Moscow, Nauka Publ., 1991, 608 p. (In Russ.)
- Novosel'tseva L.K.* «Kto v molodosti ne byl liberalom»: k politicheskoi biografii Dzhordzhe Stratimirovicha. *Slavyanskii almanakh*, 2018, no. 3–4, pp. 60–69. (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2018.3-4.1.06>
- Pakhomova L. Yu. *Balkanskii lakmus. Avstro-vengerskaia politika v Bosnii i Gertsegovine i rossiiskaia diplomatiia (1878–1908)*. Moscow, Indrik Publ., 2021, 288 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/91674-610-5>
- Petrova M.A. *Jekaterina II i Iosif II: formirovanie rossiisko-avstriiskogo soiuz. 1780–1790*. Moscow, Nauka Publ., 2011, 420 p. (In Russ.)
- Piahana A. The Hungarian Royal Gendarmerie and Political Violence in «Happy Peaceful Times» (1881–1914). *Crime, Histoire et Sociétés*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 85–110. <https://doi.org/10.4000/chs.2903>
- Pilipenko G.P. Iazykovaia i etnokul'turnaia situatsiia vojevodinskikh vengrov: Vzgliad «iznutria» i «izvne». Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, 336 p. (In Russ.)
- Plotnikova A.A., Vashchenko D. Iu. Etnolingvistiicheskaia ekspeditsiia v gradishchanskokhrovatskije sela Zapadnoi Vengrii (okrestnosti Sombatkeia). *Slavyanovedeniie*, 2019, no. 6, p. 88–98. (In Russ.)
- Polonski D.G. O rukopisakh sobraniia Radoslava Gruicha v Muzeje Serbskoi pravoslavnoi tserkvi v Belgrade. *Slovène*, 2020, vol. 9, no. 1, pp. 488–512. (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/23056754.2020.9.1.18>
- Popov G.A. Vzaimootnosheniie Vengerskogo otdela pri Petrogradskom gubkome RKP(b) s vengerskimi voennoplennymi v 1920–1921 gg. *Tsentral'noevropeiskije issledovaniia*, 2020, no. 3 (12), pp. 32–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2020.3.2>

- Pushkash A.I. *Tsivilizatsiia i varvarstvo: Zakarpat'je 1918–1945*. Moscow, Jevropa Publ., 2006, 564 p. (In Russ.)
- Pushkash A.I. *Vneshniaia politika Vengrii: Aprel' 1927 g. – fevral' 1934 g.* Moscow, Institut slavyanovedeniia i balkanistiki RAN Publ., 1995, 317 p. (In Russ.)
- Pushkash A.I. *Vneshniaia politika Vengrii: Fevral' 1934 – ianvar' 1937 g.* Moscow, Institut slavyanovedeniia i balkanistiki RAN Publ., 1996, 301 p. (In Russ.)
- Pushkash A.I. *Vneshniaia politika Vengrii: Fevral' 1937 – sentiabr' 1939 g.* Moscow, Institut slavyanovedeniia RAN Publ., 2003, 460 p. (In Russ.)
- Romanenko S.A. Tsentrobeznyie i tsentrostremitel'nye tendentsii v politicheskikh programmakh natsional'nykh dvizhenii iuzhnykh slavian Avstro-Vengrii 1914–1918 godov. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2020, no. 2, pp. 41–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013038640008649-1>
- Rossiiskaia belaiia emigratsiia v Vengrii (1920–1940-je gody), ed. A.S. Stykalin, Je.M. Varga. Moscow, s.n., 2012, 220 p. (In Russ.)
- Rossiiskaia imperiia i monarkhiia Gabsburgov v Napoleonovskikh voynakh: Vzgliad iz Vengrii, eds. O.V. Khavanova, A. Sheresheva, L.K. Kokunina. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2014, 256 p. (In Russ.)
- Shusharin V.P. *Krest'ianskaia voina 1514 goda v Vengrii*. Moscow, Institut slavyanovedeniia i balkanistiki RAN Publ., 1994, 256 p. (In Russ.)
- Shusharin V.P. *Rannii etap etnicheskoi istorii vengrov. Problemy etnicheskogo samosoznaniia*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 512 p. (In Russ.)
- Sovetsko-vengerskiiye ekonomicheskie otnosheniia, 1948–1973, eds. A.N. Artizov, D. Fël'desh. Moscow, Mezhdunarodnyi fond «Demokratia» (Fond Aleksandra N. Iakovleva) Publ., 2012, 571 p. (Rossiia. XX vek. Dokumenty). (In Russ.)
- Stankov N.N. «Sekretnyi» protokol Rennera – Benesa 1920 goda v kontekste mezhdunarodnykh otnoshenii v Tsentral'noi Evrope. *Slavyanskii almanakh*, 2017, no. 3–4, pp. 118–133. (In Russ.)
- Stykalin A.S. *D'jerd' Lukach – myslitel' i politik*. Moscow, Izdatel' Stepanenko Publ., 2001, 348 p. (In Russ.)
- Stykalin A.S. *Prervannaia revoliutsiia: Vengerskii krizis 1956 goda i politika Moskvy*. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2003, 320 p. (In Russ.)
- Stykalin A.S. Sud'ba odnogo universiteta v kontekste izmeneniia granits v Srednei Evrope (Kolozhvar – Kluzh – Seged). *Slavyanskii almanakh*, 2021, no. 3–4, pp. 353–385. (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/2073–5731.2021.3–4.5.01>
- Stykalin A.S. *Vengerskii krizis 1956 goda v istoricheskoi retrospektive*. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ., 2016, 720 p. (In Russ.)
- Stykalin A.S. Raspad Avstro-Vengerskoi monarkhii i istoricheskii sud'by Transil'vanii. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2020, no. 2, pp. 58–72. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013038640008650-3>
- Stykalin A.S. Vengerskoje natsional'noje men'shinstvo v Transil'vanii kak faktor otnoshenii Vengrii i Rumynii v 1950-je – 1980-je gody. Nasledie proshlogo i real'nye problemy epokhi sotsializma. *Natsional'nye men'shinstva v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy: istoricheskii opyt i sovremennoje polozenie*. Moscow, Institut slavyanovedeniia RAN Publ., 2014, pp. 231–256. (In Russ.)
- Vasin G., Ninković N. *Istorija Budimske eparhije*. Sremska Mitrovica: Istorijski arhiv Srem Publ., 2018, 202 p. (In Serb.)
- Vek Jekateriny II. *Dela Balkanskije*, ed. V.N. Vinogradov. Moscow, Nauka Publ., 2000, 295 p. (In Russ.)
- Vengerskii krizis 1956 g. v kontekste khrushchevskoi otpelei, mezhdunarodnykh i mezhblokovykh otnoshenii, eds. A. Kostrits, A.S. Stykalin, O.V. Khavanova. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2018, 368 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/4469–1390–9>
- Vengerskije sobytia 1956 goda glazami KGB i MVD SSSR: *Sbornik dokumentov*, eds. A.A. Zdanovich, V.K. Bylinin, V.K. Gasanov, V.I. Korotajev, V.F. Lashkul. Moscow, Ob'edinennaia redaktsiia MVD Rossii pri uchastii RGVA, RGANI Publ., 2009, 520 p. (In Russ.)
- Vengerskoje natsional'noje men'shinstvo v Chekhoslovakii v kontekste mezhgosudarstvennykh otnoshenii: *Dokumenty i materialy 1944–1951 gg.*, eds. G.P. Murashko, S.M. Sloistov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 462 p. (In Russ.)
- Vengriia kak faktor gosudarstvennykh, etnicheskikh i kul'turnykh vzaimodeistvii v Tsentral'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evrope v Novoe i noveisheje vremia. *Tezisy IV mezhdunarodnoi konferentsii Mezhdistsiplinarnogo tsentral'noevropeiskogo seminar. 2–3 noiabria 2020 g.*, eds. D. Iu. Vashchenko, O.V. Khavanova. Moscow, Institut slavyanovedeniia RAN Publ., 2020, 40 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.31168/0444-2>
- Vengriia kak faktor gosudarstvennykh, etnicheskikh i kul'turnykh vzaimodeistvii v Tsentral'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evrope v Novoe i noveisheje vremia. 2–3 noiabria 2020 g. *Programma. Institut slavyanovedeniia RAN [sait]*. (In Russ.) URL: https://inslav.ru/sites/default/files/ces-4_2020_programma_na_sayt_21.10.pdf (accessed: 20.12.2021). (In Russ.)

- Vengry i ikh sosedi po Tsentral'noi Jevrope v Srednije veka i Novoje vremia (Pamiaty Vladimira Pavlovicha Shusharina)*, eds. T.M. Islamov, A.S. Stykalin, M.K. Iurasov. Moscow, Institut slavyanovedeniia RAN Publ., 2004, 344 p. (Tsentral'noevropeiskije issledovaniia; 2). (In Russ.)
- Vostochnyi blok i sovetsko-vengerskije otnosheniia: 1945–1989 gody*, eds. A.S. Stykalin, O.V. Khavanova. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2010, 224 p. (In Russ.)
- XX vek: Russkaia literatura glazami vengrov, vengerskaia literatura glazami russkikh*, ed. Yu.P. Gusev. Moscow, Institut slavyanovedeniia RAN Publ., 2007, 320 p. (In Russ.)
- Zhelitski B.I. *Vengriia noveishikh vremen: Ocherki politicheskoi istorii 1944–1994 gg.* Moscow, Institut slavyanovedeniia RAN Publ., 2017, 648 p. (In Russ.)
- Zhelitski B.I., Zhelitski Ch.B. *Vengerskije emigratsionnyye volny i emigranty (seredina XIX – konets 50-kh godov XX veka)*. Moscow, Indrik Publ., 2012, 600 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Пахомова Лидия Юрьевна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Отдела истории славянских народов
Центральной Европы в Новое время,
Институт славяноведения РАН;
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0000-0002-4050-3425
E-mail: lydia.pakhomova@gmail.com

Information about the author

Lidia Yu. Pakhomova,
Ph D. (History), Senior Researcher,
Department of the History of Slavic Peoples
in Central Europe in the Modern Times,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
ORCID: 0000-0002-4050-3425;
E-mail: lydia.pakhomova@gmail.com



К истории издания книги В.Н. Перетца «Слово о полку Игоревім — пам'ятка феодальної України-Руси XII віку»

© 2022 г. Л.В. Соколова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

liiso@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории издания монографии В.Н. Перетца «Слово о полку Игоревім — пам'ятка феодальної України-Руси XII віку: Вступ. Текст. Коментар» (Київ, 1926). Автор пытается ответить на вопрос, почему ряд российских издательств, в том числе издательство Российской академии наук, отказались публиковать книгу профессора Петроградского / Ленинградского университета, академика В.Н. Перетца, в связи с чем она была издана на Украине в переводе на украинский язык. Обосновывается мнение, что причина не столько в сложных отношениях с неперменным секретарем Российской академии наук С.Ф. Ольденбургом, сколько в изложенных В.Н. Перетцем оригинальных взглядах на «Слово о полку Игореве» и его автора.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», В.Н. Перетц, автор «Слова», библейские элементы, народная поэзия, западноевропейский эпос.

Ссылка для цитирования: Соколова Л.В. К истории издания книги В.Н. Перетца «Слово о полку Игоревім — пам'ятка феодальної України-Руси XII віку» // *Славяноведение*. 2022. № 2. С. 100–114. DOI: 10.31857/S0869544X0019024-9

On the history of the publication of the book by V.N. Peretz «The tale of Igor's campaign — a monument of feudal Ukraine-Russia of the XII century»

© 2022. L.V. Sokolova

The Institute of Russian Literature (Pushkinskyj Dom),
The Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russian Federation)

liiso@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the history of the publication of the monograph by V.N. Peretz «The Tale of Igor's Campaign — a monument of feudal Ukraine-Russia of the XII century: Introduction. Text. Comment» (Kiev, 1926). The author puts the question why a number of Russian publishing houses, including the publishing house

of the Russian Academy of Sciences, refused to publish the book by V.N. Peretz, the professor at Petrograd (Leningrad) University, and why it was published in Ukraine translated into Ukrainian. The author substantiates the opinion that the reason was not in the abrasive relationship with the Permanent Secretary of the Russian Academy of Sciences, S.F. Oldenburg, but in the original views on the «The Tale of Igor's Campaign» and its author set forth by V.N. Peretz.

Keywords: «The Tale of Igor's Campaign», V.N. Peretz, the author of «The Tale of Igor's Campaign», the biblical elements, folk poetry, Western European epic.

Reference for citation: *Sokolova L.V. On the history of the publication of the book by V.N. Peretz «The tale of Igor's campaign – a monument of feudal Ukraine-Russia of the XII century» // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyya-novedenie. 2022. No. 2. P. 100–114. DOI: 10.31857/S0869544X0019024-9*

Среди богатого научного наследия Владимира Николаевича Перетца важное место занимают работы по «Слову о полку Игореве». Главным трудом, вокруг которого группируются другие работы ученого, является книга, вышедшая в переводе на украинский язык в 1926 г. под заглавием «Слово о полку Ігоревім – пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. Вступ. Текст. Коментар» [13]. В 2021 г. исполнилось 95 лет со времени ее издания, и она до сих пор не утратила своего научного значения, поскольку стоит в ряду монографий, знаменующих собой существенные этапы в истории изучения «Слова о полку Игореве». Во вступительной заметке «От автора» В.Н. Перетц отмечает итоговый, обобщающий характер этой книги, сообщая, что в основе ее лежат прочитанные им в Киевском, Петроградском и Самарском университетах лекции по «Слову» и многолетние исследования стиля древнерусских памятников письменности. Книга посвящена учителю Перетца – академику Алексею Ивановичу Соболевскому, чьи лекции и беседы вдохновляли ученого в работе над книгой, кому он писал письма на протяжении длительного времени, у кого просил совета или помощи¹.

В том, что книга Перетца была издана в Киеве, казалось бы, нет ничего удивительного. В.Н. Перетц был тесно связан с Украиной. После окончания Санкт-Петербургского университета и семи лет работы в нем в качестве приват-доцента, В.Н. Перетц более 10 лет (1903–1914 гг.) был профессором кафедры русского языка и словесности Киевского университета, где в 1907 г. создал знаменитый «Семинарий русской филологии», действовавший там до 1914 г., до переезда ученого в Петербург. В 1919 г. Перетц, уже будучи академиком Российской академии наук, был избран действительным членом Украинской академии наук, в составе которой в 1927 г. стал председателем Комиссии древней украинской письменности. Он также являлся главой филологической секции Украинского научного общества². Украиноведческая проблематика

¹ В письме А.И. Соболевскому от 6 ноября 1925 г. Перетц пишет: «А теперь уж позвольте украсить Вашим именем мою книгу о “Слове о полку Игореве”, которую я задумал и писал, всегда имея в виду Ваши лекции и беседы на эту тему, вдохновившие меня. Дело в том, что уже 1-й лист с посвящением напечатан и уж позвольте его не перепечатывать! Я только ожидал его – а он уже готов. Простите за смелость и не отриньте» (РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 59об.).

Цитаты из писем В.Н. Перетца, а также цитата из письма П.А. Лаврова В.М. Истрину, приведенные в примечаниях, были сообщены исследователем жизни и деятельности В.Н. Перетца – Михаилом Андреевичем Робинсоном в комментарии к моему докладу на конференции в Пушкинском Доме, посвященной 150-летию ученого. За предоставленную возможность использовать архивные письма в настоящей статье выражаю Михаилу Андреевичу глубокую благодарность.

² О научной карьере В.Н. Перетца в контексте общественно-политической жизни Киева см. [16].

занимала значительное место в творческой и научной деятельности ученого³. И тем не менее, возникает вопрос, почему книга академика В.Н. Перетца по «Слову о полку Игореве», написанная на русском языке профессором Петроградского государственного университета, была издана в Киеве в переводе на украинский язык.

Экземпляр книги на русском языке хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома в составе архива Варвары Павловны Адриановой-Перетц (фонд 726)⁴. Правда, это не тот экземпляр, с которого осуществлялось издание, поскольку в машинописи не впечатаны фрагменты, которые должны были быть переданы латиницей. По всей вероятности, экземпляр книги, с которого делался перевод на украинский язык, хранится в архиве Украинской академии наук⁵.

В русском авторском тексте книга называется «Слово о полку Игореве — памятник феодальной Руси XII века. Вступление. Текст. Комментарий». Украинские издатели книги изменили название, озаглавив ее «Слово о полку Ігоревім — пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. Вступ. Текст. Коментар» (курсив мой. — Л.С.).

Во вступительной заметке «От автора», датированной 15 сентября 1925 г., В.Н. Перетц пишет в русскоязычном тексте⁶: «Два года тому назад я уже предлагал эту книгу для печати ряду издательств, но безуспешно. Российская Академия Наук определила напечатать ее как юбилейное издание к 200-летию Академии⁷, но за отсутствием средств это постановление не могло быть

³ Оказавшись в Киеве, В.Н. Перетц увлекся украинофильством, одним из первых он публично выступил в 1906 г. в киевской прессе с проектом открытия в университетах Украины кафедр украинской истории, литературы, языка, этнографии, обычного права [7]. И впоследствии он неоднократно писал в своих статьях о путях дальнейшего изучения истории украинской письменности [22]. По словам М.А. Робинсона, недоброжелатели причисляли Перетца к «суперукраинцам». Так, Ю.А. Яворский в письме к М.Н. Сперанскому от 7 ноября 1910 г. писал о «кадето-“украинском” блоке» на историко-филологическом факультете Киевского университета «с обер-украинцем Перетцом во главе» [15. С. 298]. Однако «анализ писем Перетца полностью снимает с ученого подозрения в сочувствии украинскому сепаратизму. Он сам характеризовал свои политические взгляды как “левые”, именно эти убеждения вызывали у него сочувствие к стремлению украинских ученых исследовать историю, язык, литературу и культуру своей родины. Но при этом Перетц не принимал и осуждал украинских коллег за их национализм, за то, что они приносят его в область научных исследований, к тому же зачастую при слабой филологической подготовке» [15. С. 286].

⁴ Машинопись текста книги на русском языке хранилась в личном архиве В.П. Адриановой-Перетц, который после ее смерти в 1972 г. был передан в Рукописный отдел Пушкинского Дома. Фонд В.П. Адриановой-Перетц не описан.

⁵ В Киеве хранят память о В.Н. Перетце. В 2010 г., к 140-летию В.Н. Перетца, почта Украины выпустила памятный конверт с фотографией ученого и указанием дат его жизни; 8 февраля 2013 г. по инициативе украинского исследователя жизни В.Н. Перетца Артура Рудзицкого на здании Института филологии Киевского Национального университета им. Тараса Шевченко была установлена памятная доска академику Перетцу с барельефным портретом и надписью: «У 1903–1914 роках на історико-філологічному факультеті Київського університету працював Володимир Миколайович Перетц (1870–1935) — видатний учений-славіст, академік Петербурзької та Української АН» (скульпторы О. Сидорук и Б. Крылов); информацию об открытии памятной доски с ее изображением см. на сайте филологического факультета СПбГУ [6]; в 2020 г. к 150-летию ученого по инициативе того же Артура Рудзицкого Национальный Банк Украины выпустил памятную монету «150 лет академику В.Н. Перетцу».

⁶ Здесь и далее при цитировании монографии по русскому авторскому тексту В.Н. Перетца страницы указываются в тексте в скобках.

⁷ 200-летие Российской академии наук отмечалось в 1925 г. Сама академия получила в подарок новый статус высшего научного учреждения при правительстве СССР, вдвое увеличенный бюджет и новое имя — Академия наук СССР. Праздничные торжества шли в Москве и Ленинграде десять дней — с 5 по 14 сентября. О том, какие сложности и перипетии сопровождали подготовку к юбилею (особенно в связи с приглашением иностранных ученых), см. [20].

осуществлено. Понятно, почему автор этой книги особенно рад выразить свою признательность издательству «Academia», давшему возможность *труду многих лет* увидеть наконец свет» (с. 4) (курсив мой. — Л.С.). Но и в издательстве «Academia»⁸ книга В.Н. Перетца не была опубликована. В изданной на украинском языке книге процитированный фрагмент несколько изменен. Во-первых, здесь автор благодарит, разумеется, уже не издательство «Academia», а Украинскую академию наук, которая издала книгу в серии «Збірник історично-філологічного відділу». Во-вторых, здесь уже не сообщается, что обещанное юбилейное издание книги в связи с 200-летием Российской академии наук не было осуществлено из-за недостатка средств. Вместо этого сказано иначе: «Та не знаю вже чому, що постанову не здійснено» («И не знаю уж, почему это постановление не осуществлено») [13. С. VI].

Из писем В.Н. Перетца ясно, что его монография действительно была включена Общим собранием АН (по представлению ОРЯС) в число юбилейных изданий Академии наук, но Юбилейная комиссия, в которую входили, по словам В.Н. Перетца, в частности, С.Ф. Ольденбург⁹, В.А. Стеклов¹⁰, А.Е. Ферсман¹¹, в план редподготовки книгу не включила¹². Отчаявшись издать книгу в России, В.Н. Перетц принял предложение Украинской академии наук опубликовать его книгу на украинском языке, отлично понимая, что это «сузит круг читателей»¹³.

В Заключительном слове («Кінцеве слово») изданной книги Владимир Николаевич еще раз сообщает, что эту книгу автор написал по-русски, поскольку имел намерение издать ее в Ленинграде, и что благодаря историко-филологическому отделению Украинской академии наук повезло издать эту книгу в Киеве. При этом уточняет: «Річ зрозумілива, друкувати випадало його вже не инакшою якою мовою, тільки українською» [13. С. 353]. Здесь же он пишет, что книгу перевели очень быстро («дуже швидко»). И действительно: 7 августа

⁸ Книжное издательство Петербургского философского общества при университете, существовавшее в 1921–1937 гг. В этом издательстве ранее был издан «Краткий очерк методологии истории русской литературы» В.Н. Перетца (1922) [9], а также сборник статей о старинном театре под редакцией В.Н. Перетца (1923) [21].

⁹ Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) — русский и советский востоковед, один из основателей русской индологической школы, академик РАН (1903), АН СССР (1925), Всеукраинской академии наук (1925). Непременный секретарь Академии наук (1904–1929 гг.).

¹⁰ Владимир Андреевич Стеклов (1863/1864–1926) — математик, академик Петербургской АН (1912), РАН (1917), АН СССР (1925). Вице-президент АН СССР (1919–1926 гг.).

¹¹ Александр Евгеньевич Ферсман (1883–1945) — российский и советский минералог, кристаллограф, геохимик, профессор, академик РАН (1919). Вице-президент АН СССР (1926–1929 гг.).

¹² 10 января 1924 г. Перетц сообщает в письме Соболевскому, что его книга включена в число юбилейных изданий: «Я все копошусь среди вопросов Сл[ова] о п[олку] Иг[оре]ве. Книга моя в печать не идет: нет издателей, — а тем временем пухнет помаленьку, обрастая новыми данными для объяснения текста. Комментарий вырос до 10 листов, да прочее — около 8! Общ[ее] Собр[ание] по представлению Отделения включило эту книгу в круг “юбилейных изданий” Академии. Но Истрин уверяет, что Юбилейная комиссия (=Ольд[енбург] + Стекл[ов] + Ферсм[ан]) надуют. Это — не исключается, ибо к сочинениям гуманитаров отношение определенно-недружелюбное» (РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 47–47об.). А из письма Перетца академику М.Н. Сперанскому от 26 марта 1925 г. уже ясно, что книга его исключена из списка юбилейных изданий: «С горя взялся снова за “Слово”, пересматриваю и помаленьку переписываю в надежде, что вот — явится благая весть, что кто-нибудь возьмется издать такую несовременную штуку» (СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 75об.).

¹³ В письме А.И. Соболевскому от 7 августа 1925 г. Перетц пишет: «Да — еще: неудостоенное гг. Ольд[енбургом] и К^о печати мое “Слово” предлагает напечатать Ук[раинская] Акад[емия] Н[аук]. Попробую сговориться. Только они по уставу печатают все по-украински, а это сузит круг читателей!» (РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 52–52об.).

1925 г. В.Н. Перетц сообщает в письме А.И. Соболевскому о предложении Украинской АН напечатать книгу, 15 сентября 1925 г. датировано предисловие к книге, а в ноябре 1925 г. книга уже печаталась. В приведенном ранее письме А.И. Соболевскому от 6 ноября 1925 г. Перетц сообщает, что «1-й лист с посвящением напечатан» (см. примеч. 1), а в письме ему же от 4 декабря 1925 г. пишет, что набрано уже пять листов (см. примеч. 14). 20 февраля 1926 г. датировано заключительное слово автора.

Переводом В.Н. Перетц был недоволен¹⁴ и обратился к своим киевским коллегам, академикам А.Е. Крымскому¹⁵ и С.А. Ефремову¹⁶, с просьбой просмотреть перевод и, по возможности, исправить. В Заключительном слове В.Н. Перетц выражает благодарность переводчику П.Г. Иванцу («Иванцеві»), который «як-найкраще» выполнил свое очень и очень нелегкое задание, а также двум академикам, консультировавшим переводчика в сомнительных местах. Здесь же сообщается, что корректуры, ввиду отсутствия автора в Киеве, читал ученик и друг В.Н. Перетца, профессор Киевского университета С.И. Маслов.

Л.Т. Белецкий, перечисляя в некрологе В.Н. Перетца его наиболее важные работы, на первое место поставил книгу «Слово о полку Игореве — пам'ятка феодальної України-Руси XII віку», охарактеризовав ее так (процитирую в переводе с украинского): «Это труд такой высокой научной квалификации, что на долгое время займет одно из выдающихся мест в истории изучения этого памятника» (цит. по [24]).

Так почему же книгу профессора Ленинградского государственного университета, академика двух Академий — Российской и Украинской — отказались печатать в Ленинграде несколько издательств? Почему не было исполнено официальное решение Российской академии наук опубликовать книгу академика Перетца к 200-летию Академии наук?

Можно предположить, что одна из причин этого — непростые отношения В.Н. Перетца с академическим начальством. Как показал М.А. Робинсон в статье «Академик В.Н. Перетц — ученик и учитель» [15. С. 221–222]¹⁷, у Владимира Николаевича были сложные отношения с непременным секретарем АН академиком С.Ф. Ольденбургем. Владимир Николаевич, внук декабриста Григория Абрамовича Перетца (о котором в сотрудничестве с братом ученый написал книгу [14]), со студенческих лет отличался, по словам В.П. Адриановой-Перетц, «неблагонадежностью» [1. С. 213]. Откровенная оппозиционность Перетца сильно раздражала не только представителей власти, но и идейно близких к ней коллег ученого.

¹⁴ В письме А.И. Соболевскому от 4 декабря 1925 г. В.Н. Перетц пишет: «Моего “Слова” набрано 5 листов, но перевод удивительный. Я бы предпочел “галицкий”, чем эти “даремнісінький, певнісінький, недавнечко” и т.п. сентиментальности. Просил Аг[афангела] Еф[имовича] просмотреть, — он обещал» (СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 75об.).

¹⁵ Крымский Агафáнгел Ефимович (1871–1942) — историк, переводчик, востоковед широкого диапазона. В 1918 г. стал академиком и одним из учредителей Украинской академии наук. Впоследствии в течение ряда лет занимал должность непременного секретаря УАН. С 1921 г. возглавлял Институт украинского научного языка ВУАН.

¹⁶ Ефремов Сергей Александрович (1876–1939) — критик и литературовед, историк литературы, публицист, активный участник украинского национального движения. В 1919 г. был избран действительным членом УАН и занял должность секретаря историко-филологического отделения. В 1922 г. избран вице-президентом ВУАН, в которой возглавлял ряд комиссий.

¹⁷ О научных и политических взглядах В.Н. Перетца см. также [17].

Из-за плохих отношений с Ольденбургом у Перетца была сложность с опубликованием и другой работы — составленным и подготовленным им к печати сборником статей к 70-летию его учителя А.И. Соболевского [18]. В.Н. Перетц придавал делу издания сборника большое значение, поэтому всячески старался ускорить дело. Препятствием в деле выпуска издания в свет оказался непримиримый секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург, сыгравший, по словам М.А. Робинсона, заметную роль в уничтожении самостоятельности ОРЯС, прекратившего свое существование в 1927 г. [15. С. 221]. Поведение Ольденбурга в связи с изданием сборника в честь А.И. Соболевского Перетц называл в письмах коллегам и самому юбиляру «самодурством», а самого Ольденбурга «нашим диктатором»¹⁸. «Сразу же после выхода сборника Ольденбург позволил себе публичные высказывания, в которых называл участников сборника контрреволюционерами и врагами народа. Подобное поведение Перетц оценил как “гнусность”. Тем не менее, сборник увидел свет, и в нем приняли участие почти полтора десятка учеников Перетца, участвовавших в разное время в его Семинарии» [15. С. 223]¹⁹. Вероятно, В.Н. Перетц не мог рассчитывать и на должную поддержку В.М. Истрина, занимавшего после смерти А.А. Шахматова (с 1920 по 1930 г.) должность председателя Отделения русского языка и словесности РАН²⁰.

Отказавшись публиковать многолетний труд ученого по «Слову о полку Игореве», издательство Академии наук СССР в качестве компенсации выпустило в 1926 г. в свет другую его книгу [8]²¹ — отдельным оттиском были изданы четыре научные работы, опубликованные ранее в Известиях ОРЯС за 1924—1926 гг. (тт. XXVIII—XXX)²².

Но, видимо, дело было не только в личных отношениях В.Н. Перетца с академическим начальством. Рискну предположить, что отказ ряда издательств, в том числе издательства Академии наук, опубликовать монографию Перетца «Слово о полку Игореве: Памятник феодальной Руси XII века» объясняется, прежде всего, ее содержанием. Сам Владимир Николаевич в письме М.Н. Сперанскому охарактеризовал свою книгу как «несовременную штуку»

¹⁸ 30 декабря 1927 г. Перетц сетовал в письме Соболевскому: «Мне очень горько и обидно, что из-за какой-то нелепой дипломатии Ольд[енбург] не выпускает Сборника, издаваемого в Вашу честь: уже 2 октября (1927 г. — Л.С.) я подписал к печати последнюю корректуру и до с[ей] пор[ы] не могу добиться, чтобы его подписал к выпуску в свет наш диктатор». В апреле по Академии поползли тревожные слухи, о которых Перетц тут же сообщил М.Н. Сперанскому: «Слышал [...], что будто бы Ольд[енбург] вообще не хочет выпускать в свет сборник Соболевского. Я не знаю, как бороться с этим самодурством» (см. [15. С. 222]).

¹⁹ Подробнее о сложности «ненаучного характера» при подготовке к публикации сборника в честь А.И. Соболевского см. [15. С. 220—223].

²⁰ К январю 1923 г. отношения В.Н. Перетца с В.М. Истриным, по словам М.А. Робинсона, «основательно испортились», см. об этом [15. С. 217—219; 232, примеч. 150].

²¹ На обороте титула читаем: «Напечатано по распоряжению Академии наук СССР. Апрель 1926 г. Непременный Секретарь, академик С. Ольденбург».

²² 21 июля 1926 г. В.Н. Перетц пишет А.И. Соболевскому: «Посылаю вам через Н.К. Гудзия мое новое издание — сб[орник] статей “К изучению Сл[ова] о п[олку] Иг[ореве]”, печатавшихся в Известиях ОРЯ и Сл[овесности]. Это, собственно, приложения к большой книге о “Сл[ове]”, которые я, потеряв надежду на ее осуществление в целом виде, отдал и сдал в Изв[естия]» (РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 68). А в Предисловии к книге Перетц написал (цитирую по русскому оригиналу): «Недостаток места лишил меня возможности поместить в этой книге приложения, которые я считал полезными, именно: обзор новейшей литературы о “Слове”, рассмотрение вопроса об отношении его к библейским книгам и “Истории Иудейской войны” Иосифа Флавия, а также анализ элементов поэтического языка “Слова” по сравнению с народной песней XVII—XIX вв. Эти этюды печатаются в другом месте — (Изв[естиях] Отд[еления] Р[усского] Я[зыка] и Сл[овесности] Росс[ийской] Академии Наук» (с. 4).

(см. примеч. 12), а в предисловии «От автора» написал: «Читатель заметит, что эта книга, хотя и тесно связанная с научною традициею в изучении “Слова”, — порою резко выступает за пределы этой традиции (курсив мой. — Л.С.). Ряд вопросов ставится и отчасти разрешается мною по-новому. Так, я предлагаю данные для нового, не традиционного освещения социальной среды, в которой создавалось “Слово”; затем — сделана попытка хотя бы схематически наметить историю текста “Слова”; далее, предложено новое решение вопроса об отношении “Слова” к устной песенной традиции, ранее решавшегося в народнически-сентиментальном освещении. Мною пересмотрен текст “Слова”, внесены некоторые поправки, базируясь на данных древнерусской лексикологии и палеографии, а также на работах в этой области моих предшественников. Все сколько-нибудь приемлемые конъектуры я указываю в комментарии, минуя лишь явно фантастические²³. Наконец, я счел необходимым значительно расширить — по сравнению с предшествующей литературой о “Слове” — круг стилистических параллелей, ибо до последнего времени стиль “Слова” лишь отчасти привлекал к себе внимание ученых. А между тем здесь, в изучении стилистики “Слова”, его соотношений с современной ему и последующей литературой, — лежит ключ и к пониманию его как продукта словесного искусства древней Руси, и к оценке его соотношений с “народной” поэзией» (с. 3).

Что же насторожило издателей и, вероятно, рецензентов в монографии Владимира Николаевича Перетца?

Книга включает историко-литературоведческий очерк, озаглавленный «Вступление», текст памятника в двух видах (один — древнерусский текст в прочтении Перетца, второй — реконструированный ученым на начало XV в.) и свод комментариев к нему.

В 1976 г., к 50-летию издания монографии Перетца, Л.А. Дмитриев опубликовал статью, в которой довольно подробно охарактеризовал книгу [3], в том числе он отметил, что свод комментариев к тексту представляет собой итог многолетнего труда и занимает 2/3 объема книги. Приводимые здесь лексические и стилистические параллели к тексту «Слова», обнаруженные предшественниками Перетца и им самим, наглядно показывают, что «Слово» тысячами нитей связано со многими произведениями предшествующей и современной ему литературы. Не случайно книга Перетца была названа в рецензии Г.А. Ильинского «давно желанной» энциклопедией «Слова», которая «будет долго служить незаменимым справочным пособием не только по вопросам, касающимся самого “Слова” и его текста, но и по многим другим, более или менее смежным проблемам и памятникам древнерусского книжного и устного творчества» [5. С. 649–650]]²⁴.

Прекрасный свод комментариев отодвинул на второй план исследовательскую часть, занимающую одну треть книги, но озаглавленную скромно «Вступление».

²³ Очень важно, что все конъектуры, вносимые в текст памятника, имеют в подстрочном аппарате указание на авторов предложенных чтений. Л.А. Дмитриев пишет по этому поводу: «Такого рода отметки характеризуют не только научную щепетильность и добросовестность исследователя, но и дают наглядное представление об истории текстологии “Слова”. Можно только сожалеть, что в последующих изданиях этот принцип не соблюдался с такой педантичностью, как в книге В.Н. Перетца: исправления [...] отмечались, но авторство таких исправлений не обозначалось» (см. [3. С. 345–346]).

²⁴ Рецензии на книгу В.Н. Перетца, написанные Н.К. Гудзием, Г.А. Ильинским, М.Н. Марковским, В.Ф. Ржигой, С.В. Розановым, М.Н. Сперанским, указаны Л.А. Дмитриевым (см. [4. С. 86]).

А между тем этот раздел книги, состоящий из 12 параграфов, несмотря на свой сжатый характер, является обобщением многолетних занятий ученого «Словом о полку Игореве» и отражает состояние науки о «Слове» в 20-е годы XX в.

Перетц рассматривает здесь целый ряд вопросов литературной истории памятника. Кроме вопросов текстологии «Слова о полку Игореве», истории открытия рукописи, датировки Мусин-Пушкинского сборника, точности воспроизведения древнерусского текста в первом издании и Екатерининской копии, вопроса о рукописной традиции памятника в древности, — в этом «Вступлении» Перетц изложил свое представление о среде, в которой возникло «Слово о полку Игореве», о личности автора и тех источниках, которыми он пользовался, о языческих элементах в «Слове о полку Игореве», а также о связи «Слова» с западноевропейским средневековым эпосом. Можно предположить, что именно эта часть книги вызвала сомнения по поводу ее издания.

По мнению Перетца, «Слово о полку Игореве» — продукт определенной исторической эпохи и определенной среды, а именно — того верхнего, господствовавшего класса, к которому принадлежали и герои «Слова», и, по мнению Перетца, его автор. Ученый пишет о совершенно безосновательной идеализации Древней Руси, основанной на славянофильской традиции, о попытках изображения князей «рыцарями без страха и упрека»²⁵. А между тем «Слово» может быть понято и истолковано — уверен Перетц — лишь при отсутствии такой идеализации. Приведя многочисленные свидетельства летописей об истинных целях княжеских походов и междоусобных войн, исследователь заключает: «Картина феодальной Руси разворачивается перед нами во всей ее неприглядности, и, зная летопись, мы не склонны более идеализировать эту Русь, в силу неизбежных исторических условий существования и экономических условий стоявшую еще ниже в культурном отношении, чем средневековая феодальная Западная Европа в XII в.» (с. 29)²⁶. «“Слово о полку Игореве” в обстановке этой жизни является как бы светлым, прохладным оазисом среди зятанутой кровавым туманом пустыни. [...] Оно свидетельствует о силе и высоте человеческого духа, способного к художественному творчеству даже в самые темные периоды жизни человечества, даже в самые тяжкие годы для сознательного, мыслящего человека» (с. 30). Но Перетц не склонен был идеализировать и автора «Слова», его социальную позицию. Ему, по мнению ученого, были ближе всего интересы своего круга, интересы князей, а не народной массы.

Кем же был, по его мнению, автор «Слова»?²⁷ Рассмотрев разнообразные точки зрения, Перетц присоединился к мнению Д.И. Иловайского, который в статье 1859 г. стремился доказать существование в Древней Руси придворной, княжеской поэзии — обычного явления в средневековой Европе, современной «Слову». Эти выводы Иловайского, к которым присоединился ряд ученых, в том числе В.Я. Стоюнин, Н.М. Павлов (Бицын), Е.В. Барсов, Р. Абиht, — по словам Перетца, неудивительны; «удивительнее то, — пишет он, — как у нас, с легкой руки Буслаева, долго и много носились с якобы “народным” происхождением “Слова”, когда каждое выражение его указывает на культурную среду» (курсив мой. — Л.С.). Присоединяясь к мнению об авторе

²⁵ Этому посвящен § 1 Вступления — «Феодальная Русь XI—XIII вв.», с. 5—30 (в изданном варианте с. 3—21). В изданном варианте этот параграф озаглавлен «Феодальна Україна-Русь XI—XIII вв.».

²⁶ Причину этого В.Н. Перетц видел в господстве натурального хозяйства, препятствовавшего централизации Руси.

²⁷ Этому посвящен § 8 Вступления — «Автор “Слова”», с. 65—71 (в изданном варианте с. 52—56).

«Слова» как о придворном поэте, Перетц пишет: «Действительно, круг интересов, затрагиваемых “Сл[овом]”, мог занимать главнейшим образом князей и их дружину; их воспевал, к ним обращался автор, входя в мельчайшие детали их взаимоотношений и интересов» (с. 70).

Автор Слова, по его мнению, принадлежал к числу начитанных людей своего времени, на что указывают разнообразные совпадения «Слова» с современными ему литературными произведениями. Высказывая эту мысль, ученый отсылает к своему комментарию, в котором приведены все возможные замеченные учеными параллели, а также некоторые новые, выявленные самим автором книги (с. 69). Эти параллели подтверждают связи «Слова» с литературной традицией.

Вместе с тем исследователь охарактеризовал как «неотразимый аргумент» «факт действительного совпадения стилистических элементов “Слова” с такими же в живой народной песне» (с. 81–82). Но совпадения эти, как он считал, должны объясняться иначе²⁸. «Рассматривая дело по существу, не останавливаясь на случайных фактах сходства “Слова” — то с северными — великорусскими, то с южными — украинскими песнями, мы придем тотчас же к вопросу: что мы знаем о народной поэзии XI–XII вв. [...] Пора сознаться, что народной поэзии времен “Слова” мы не знаем и что все операции сравнений его с записями песен XVIII и XIX вв. с целью доказать зависимость “Слова” от народной поэзии XII века — являются крупной методологической ошибкой» (с. 82). По мнению В.Н. Перетца, «героический эпос, ранее творившийся и певшийся при дворах князей и знати, опустился в народную среду уже в XVIII в., когда им перестали интересоваться верхи общества. [...] Не из народного вертепа сложилась богатая и разнообразная школьная драма на Украине в XVII и XVIII в., а наоборот, она оплодотворила народное творчество и вызвала упрощенное, по сравнению со школьным театром, доступным немногим, вертепное действо, ставшее любимой народной забавой. Думы — также продукт этого движения литературных форм и приемов сверху вниз, а не наоборот» (с. 84). Доказательство этого В.Н. Перетц видел в следующем: «если мы присмотримся к обычному процессу, наблюдаемому и в народном быту, и в народной словесности, то заметим постепенное передвижение и предметов, и сюжетов, и элементов словесного творчества по направлению от более культурных — в менее культурные, но постепенно приобщающиеся к высшей культуре, слои» (с. 85). И заключил: «На основании всех изложенных соображений мы, видя сходство в деталях “Слова” с народной песней поздней эпохи, можем говорить лишь о более или менее устойчивом сохранении народной устной традицией элементов древней эпической традиции XII в., а отнюдь не наоборот» (с. 86).

По словам Л.А. Дмитриева, «для научных построений В.Н. Перетца было характерно преувеличение влияния книжной традиции на устную, что дало основание критикам²⁹ усмотреть в его концепции отражение теории аристократического происхождения фольклора, сторонником которой он никогда не был» [3. С. 348].

С влиянием народной поэзии на «Слово» связывали, — пишет Перетц, — мнимое язычество его автора. Однако, по мнению ученого, было бы «большой натажкой [...] допускать, что в конце XII века, спустя два столетия по принятии

²⁸ См. § 10 — «“Слово” и народная словесность», с. 76–86 (в изданном варианте с. 61–68).

²⁹ Л.А. Дмитриев в примечании ссылается на следующие работы [19. С. 85; 2. С. 286–293].

христианства верхний класс общества сохранял еще веру в древних богов» (с. 88). Исследователь склоняется к мнению «об искусственном, риторическом употреблении автором “Слова” имен языческих богов, с которыми уже не соединялось для него и его читателей никаких представлений как о демонах или нечистой силе, непримиримой с христианским мировоззрением» (с. 97). При этом он присоединился к взгляду Е.В. Аничкова, что языческие боги, упомянутые в «Слове», представлялись культурным людям XII в. родоначальниками, отдаленными предками, некогда обожаемыми потомством, еще не познавшим света истинной веры (с. 97, 99)³⁰.

В заключительном разделе Вступления Перетц рассмотрел проблему «“Слова” и западноевропейский эпос»³¹. Подводя итоги изложенным наблюдениям ученых по этому поводу, он констатировал, что вопрос об отношении «Слова» к памятникам западноевропейского эпоса далеко не решен, но пути к решению его уже намечены. Свою точку зрения Перетц сформулировал четко: «Что бы мы ни говорили о “самобытности” творчества древнерусских писателей домонгольского периода, — факты красноречиво говорят о сильной подражательности их творчества. И если в области создания поучений, летописи, посланий наши авторы щедрою рукою черпали из памятников византийской письменности, известной в болгарских и русских переводах, то почему автор “Сл[ова]” и, м[ожет] б[ыть], его предшественники могли устоять и не воспроизвести в своем творчестве элементы, без сомнения, известные ему из пения и сказывания западных и северных представителей германского мира, особенно последних, так как связи со Скандинавией еще много спустя после “призывания варягов” были сильны и прочны [...]. Древнейшие русские летописи содержат живые следы общения с западным миром, в частности со Скандинавией, и включают в себе отголоски несомненного древне-северного эпоса [...]» (с. 109). «Связи с Западом — до Франции включительно, дают возможность предполагать наличность не только военных и брачных или торговых сношений, но и культурных в широком смысле слова. И тогда не будет казаться невероятным участие феодальной Руси в совместном эпическом творчестве с остальными европейскими народами XI—XII вв.» (с. 109).

И все же в заключение ученый замечает: «Но решение вопроса переходит грань ведения русского филолога. Здесь необходимо сотрудничество германистов и романистов. Равнодушием последних к “Сл[ову]” и объясняется то, что отношение его к европейской поэзии остается до сих пор невыясненным» (с. 109).

В.Н. Перетц написал несколько статей, посвященных проблеме соотношения текста «Слова о полку Игореве» с текстами библейских книг [10. С. 55–75; 11; 12]. В монографии он кратко говорит об этом в разделе, посвященном автору «Слова»: «Если мы всмотримся в текст “Сл[ова]”, то сразу заметим, что оно [...] очень далеко от типичных назидательных и торжественных похвальных “слов” русско-византийской старины». «Сразу видно, — пишет ученый, — что автор был далек от интересов церковной письменности своего времени, ибо хоть и можно указать кое-какие случайные реминисценции, напоминающие библейскую речь (об этом см. особо), однако мы не находим самой характерной черты книжника XII века — в “Слове” нет ни одной цитаты из Священного Писания, тогда как, например, Владимир Мономах переполнил свои послания этим элементом,

³⁰ См. § 11 — «Языческие боги в “Слове”», с. 86–101 (в изданном варианте с. 69–80).

³¹ См. § 12, с. 101–107 (в изданном варианте с. 81–87).

а Моление Даниила (Заточника. — Л.С.) сверх границ ими насыщено, как и слова проповедников — епископа Луки, Феодосия, Илариона» (с. 67–68). В комментарии к тексту Перетц привел большое число лексических и стилистических параллелей к тексту «Слова» из древнейших славяно-русских переводных библейских книг. Как он отметил, более заметны точки соприкосновения «Слова» с Псалтирью, Паремейником и Апокалипсисом; «это и понятно: книги поэтического содержания со своим всем складом речи более врезывались в память читавших и слушавших, особенно когда их изречения были изложены образно» [10. С. 74]. Далеко не все обнаруженные В.Н. Перетцем параллели убедительны, как отмечали исследователи «Слова», но, тем не менее нельзя не видеть явных совпадений между отдельными образами «Слова» и текстами древних переводов библейских книг. При этом Перетц подчеркивал, что можно сравнивать «Слово» только с теми библейскими текстами, время бытования которых на Руси можно соотносить со временем создания «Слова»³². В статье 1924 г. «“Слово” и Библия» В.Н. Перетц, предваряя приведенные им параллели, замечает: «При дальнейшем сравнении — выбираем материал как *стилистический, так и словарный*; может быть, некоторые сближения покажутся излишними по своей мелочности; но полагаем, что лучше дать лишнее, нежели случайно опустить что-либо, могущее оказаться полезным в том или ином отношении» [10. С. 58] (курсив мой. — Л.С.). Позднее, в 1930 г., подытоживая свои наблюдения над выявленными им стилистическими и лексическими параллелями «Слова» и библейских книг, В.Н. Перетц пишет: «Теперь для меня ясно, что кроме библейской лексики, кроме отдельных случайных художественных образов, кроме отражения библейских воззрений и верований (в небесные знамения и сны. — Л.С.) — в “Слове” нашли себе место и другие библейские мотивы, которые по своему содержанию были в том или ином отношении близки творчеству автора “Слова”. Ряд словесных формул, употребленных в “Слове” наподобие библейских [...] не оставляют места сомнению в том, что автор “Слова” творил в пределах стиля, данного определенной литературной традицией, притом традицией, коренящейся в библейской письменности» [11. С. 307–308]. Замечу, что Перетц, отмечая лексические и образные параллели «Слова» и Библии, был далек от того, чтобы объявлять «Слово» религиозно-назидательным произведением, как это делают некоторые современные исследователи, и подчеркивал, что в «Слове» нет ни одной цитаты из Священного Писания.

Итак, высказанные в книге В.Н. Перетца мысли по поводу некоторых проблем изучения «Слова о полку Игореве» действительно были «несовременными». Это касалось и нетрадиционного освещения социальной среды, в которой создавалось «Слово» (утверждение о том, что Русь XII в. стояла еще ниже в культурном отношении, чем средневековая феодальная Западная Европа в XII в.), и характеристики автора «Слова» (которому, как представителю верхнего, господствующего класса, были ближе всего интересы своего круга, интересы князей, а не народной массы). «Несовременными», или несвоевременными, были и утверждения о том, что стилистические совпадения «Слова» с народной поэзией не должны объясняться влиянием народной поэзии на «Слово». Явно не отвечал новым тенденциям в представлениях о русской культуре и тезис о «сильной подражательности» творчества древнерусских писателей западноевропейским образцам. Наконец,

³² Этот принцип игнорирует А.Н. Ужанков [23], сопоставляя «Слово» с Книгой пророка Иеремии, которая не была переведена в древний период, ее перевод (глав 1–25, 46–51) был осуществлен лишь в 1499 г., в составе Геннадиевской Библии.

подчеркивание связи «Слова» с библейскими книгами было более чем несвоевременно при антиклерикальных и атеистических настроениях новой советской власти. Изложенные Владимиром Николаевичем Перетцем в монографии взгляды на «Слово» входили в явное противоречие с господствовавшей идеологией 20-х годов XX в., в эпоху «строительства новой жизни», когда отрицалось классическое искусство, когда в стране развернулась сеть Пролеткульта, по мнению идеологов которого культура нового типа может быть создана только представителями рабочего класса, когда в стране шла борьба с церковью, когда новое, пролетарское искусство противопоставлялось буржуазному искусству, в том числе и западноевропейскому. Надо сказать, что монография В.Н. Перетца оставалась «несовершенной» по тем же причинам и в последующие годы, по крайней мере, до середины 1950-х годов. Перед медиевистами ставилась задача давать отпор попыткам подорвать доверие к самостоятельности русской культуры; указывалось на необходимость изучать народность древней русской литературы; критиковался особый интерес при ее изучении к памятникам религиозного содержания. Эти требования выдвигались, в частности, при обсуждении работы Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР в Отделении литературы и языка АН СССР в 1952–1953 гг. (материалы на эту тему предполагаем опубликовать).

Завершая свою статью о книге Владимира Николаевича Перетца, Л.А. Дмитриев пишет: «Среди специалистов по “Слову о полку Игореве” не раз возникало предложение переиздать книгу В.Н. Перетца как наиболее исчерпывающий свод комментариев к “Слову”. Едва ли, однако, было бы сейчас целесообразным переиздавать этот труд. За время, прошедшее после выхода его из печати, в области комментирования было сделано очень много нового, и назрела необходимость создания нового полного свода всех имеющихся комментариев к тексту “Слова о полку Игореве” со дня выхода в свет первого издания по настоящее время. Фактической и методической основой для такого рода издания должна послужить книга В.Н. Перетца» [3. С. 350]³³.

Не могу согласиться с Львом Александровичем в том, что нецелесообразно переиздавать книгу Перетца. Ведь он сам отметил в своей статье, что «свод комментариев к “Слову” в книге В.Н. Перетца не потерял своего значения и сегодня» [3. С. 346]. На мой взгляд, книгу нужно переиздать, но не на украинском, а на русском языке. Это позволит заинтересованным читателям познакомиться с мыслями ученого напрямую, а не совершая обратный перевод с украинского языка, тем более что перевод на украинский оставляет желать лучшего³⁴. Не удовлетворял он и В.Н. Перетца (см. примеч. 14),

³³ Когда задумывалась «Энциклопедия “Слова о полку Игореве”», предполагалось, что один из томов будет содержать свод комментариев к памятнику. Однако по устному сообщению О.В. Творогова (ответственного редактора издания), при обсуждении проекта «Энциклопедии» в Отделении литературы и языка Академии наук СССР предполагавшийся объем издания предложено было сократить за счет как раз сводного комментария.

³⁴ После выхода книги Перетца в свет Петр Алексеевич Лавров, специалист по славянской филологии, академик АН СССР, пишет В.М. Истрину в 1926 г.: «Я читаю Слово о полку Игореве В.Н. Перетца и собираюсь написать об этой книге немного [...]. Конечно, в деревне трудно написать так, как у себя дома. Напишу общие впечатления о характере издания его, особенностях и наших условиях, при которых книга, переведенная на малор[оссийский] яз[ык], едва ли найдет читателей у нас, которые легко бы ею могли пользоваться, по-моему, и среди преподавателей и среди учащихся. Язык перевода, на мой взгляд, очень нередко искусственный и деланный, едва ли желательный. Лучше бы им держаться большей к нашему близости. Особенно смешно выходит смесь чисто украинского с иностранными словами, как [...] рядом с “трохи була” “домінантної ваги”, [...] Как смешно тільки контрабандою дістається, сагнісінька гіпотеза; своєрідна генеалогія? [...]. И т.д. без конца. [...] Зачем постоянные

который мечтал дожидаться издания своей книги на русском языке³⁵. Монографию В.Н. Перетца стоит переиздать еще и потому, что она давно стала библиографической редкостью. Несмотря на то что спустя 95 лет со времени издания книги некоторые высказанные ученым положения нуждаются в уточнении или более глубоком изучении, значение этой классической работы для слововедения так велико, что она должна быть доступна всем исследователям «Слова о полку Игореве».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик
ВУАН – Всеукраинская академия наук (1921–1936)
ОРЯС – Отделение русского языка и словесности Российской академии наук (с 1925 г. – Академии наук СССР)
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности
ИпоРЯС – Известия по русскому языку и словесности
РАН – Российская академия наук
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург
УАН – Украинская академия наук (1918–1921)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290.
СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 89; Ф. 172. Оп. 1. Д. 226.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адрианова-Перетц В.П.* Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) // *Перетц В.Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 206–233.
2. *Головенченко Ф.М.* Слово о полку Игореве. Историко-литературный и библиографический очерк. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1955. 487 с.
3. *Дмитриев Л.А.* Книга академика В.Н. Перетца «Слово о полку Ігоревім – пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. (К 50-летию издания) // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 344–350.
4. *Дмитриев Л.А.* Перетц Владимир Николаевич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4. С. 83–86.
5. *Ильинский Г.* Несколько конъектур к «Слову о полку Игореве». (По поводу труда академика В.Н. Перетца) // *Slavia, Praha*, 1929, ро́с. 8, seš. 3, s. 649–659.
6. Открытие Памятной доски академику Владимиру Перетцу в Киеве. URL: <http://phil.spbu.ru/news/news/otkrytie-pamyatnoi-doski-akademiku-vladimiru-peretcu-v-kieve> (дата обращения: 21.09.21).
7. *Перетц В.Н.* К вопросу об учреждении украинских кафедр в университете // Киевская старина. 1906. № 5–6 (май–июнь). С. 43–49.

уменьшительные: адже крілісіньких двоє віків, звичетнісінька; тьднісінька 73; самісінько іб. давненько 74, недалечко Ленінграда!» (СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 89. Л. 11–12об.) (курсив мой. – Л.С.) (в цитате сохранена орфография автора).

³⁵ Поздравляя А.И. Соболевского с Пасхой, В.Н. Перетц в письме от 29 апреля 1926 г. пишет: «Одновременно посылаю Вам мой дар, скромный труд, который, к сожалению, наша Акад[емия] отвергла (т.е. – Академия = О[бщее] Собр[ание] и Отд[еление] – приняли, а отверг наш Ольденград). Знаю, что тут много, м[ожет] б[ыть], промахов, но не отриньте, посмотрите, и, ежели заметите что-либо вздорное, то скажите мне: кто его знает, м[ожет] б[ыть], дождусь и русского издания» (РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 65об.).

8. Перетц В.Н. К изучению «Слова о полку Игореве». Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1926. 149 с.
9. Перетц В.Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. Пг.: Academia, 1922. 164 с.
10. Перетц В.Н. «Слово» и Библия // Перетц В.Н. К изучению «Слова о полку Игореве». Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1926. С. 55–75 (ранее опубл.: ИОРЯС. 1924. Т. 29).
11. Перетц В.Н. «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг // ИпОРЯС. 1930. Т. 3. Кн. 1. С. 289–309.
12. Перетц В.Н. «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 10–14.
13. Перетц В.Н. «Слово о полку Игоревім — пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. Вступ. Текст. Коментар. Київ: З друкарні Української Академії Наук, 1926. 353 с. (Збірник історично-філологічного відділу [УАН]. № 33).
14. Перетц В.Н., Перетц Л.Н. Декабрист Григорий Абрамович Перетц: Биографический очерк. Документы. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1926. 112 с.
15. Робинсон М.А. Академик В.Н. Перетц — ученик и учитель // Славянский альманах 2002. М.: Индрик, 2003. С. 178–236.
16. Робинсон М.А. Научная карьера В.Н. Перетца в контексте общественно-политической жизни Киева (от первых лекций в Университете до избрания в Академию наук) // Славянский альманах 2019. М.: Индрик, 2019. № 3–4. С. 286–327.
17. Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов) / отв. редактор Л.Е. Горизонтов. М.: Индрик, 2004. 432 с.
18. Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук по почину его учеников: [Статьи по славянской филологии и русской словесности] / под ред. акад. В.Н. Перетца. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1928. 507 с. (Сборник ОРЯС АН СССР. Т. 101. № 3).
19. Соколов Ю. «Слово о полку Игореве» и народное творчество // Литературный критик. 1938. № 5. С. 84–93.
20. Сорокина М. Открытая сцена, или Двухсотлетний юбилей Академии наук // Нестор. 2005. № 9. На переломе: Отечественная наука в конце XIX–XX вв. С. 206–235.
21. Старинный театр в России XVII–XVIII вв.: сборник статей / под ред. акад. В.Н. Перетца. Петербург: Academia, 1923. 178 с. (Труды Российского института истории искусств. Русский театр).
22. Стахівева Н.В. Культуротворча діяльність В.М. Перетца в контексті української національної ідеї кінця XIX — початку XX століття // Культура і сучасність. 2013. № 2. С. 233–237; 2014. № 1. С. 203–207.
23. Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. М.: ООО Согласие, 2020. 488 с.
24. Учитель и его ученики: Памяти академика В.Н. Перетца / сост. А. Рудзицкий. URL: <http://www.ju.org.ua/ru/publicism/551.html>; <http://aej.org.ua/history/1470.html> (дата обращения: 21.09.21).

REFERENCES

- Adrianova-Peretec V.P. Vladimir Nikolaevich Peretec (1870–1935). Peretec V.N. *Issledovaniya i materialy po istorii starinnoj ukrainskoj literatury XVI–XVIII vekov*. Moscow, St. Petersburg, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1962, pp. 206–233 (In Russ.)
- Golovenchenko F.M. *Slovo o polku Igoreve. Istoriko-literaturnyj i bibliograficheskij ocherk*. Moscow, Moscow State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin Publ., 1955. 487 p.
- Dmitriev L.A. Kniga akademika V.N. Peretca «Slovo o polku Igorevim — pam'yatka feodal'noi Ukraïni-Rusi XII viku. (K 50-letiyu izdaniya). *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*, Leningrad, Nauka Publ., 1976, vol. 31, pp. 344–350. (In Russ.)
- Dmitriev L.A. Peretec Vladimir Nikolaevich. *Enciklopediya «Slova o polku Igoreve»*, St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1995, vol. 4, pp. 83–86. (In Russ.)
- Il'inskij G. Neskol'ko kon'tekstov k «Slovu o polku Igoreve». (Po povodu truda akademika V.N. Peretca). *Slavia*, Praha, 1929, vol. 8, book 3, pp. 649–659. (In Russ.)
- Otkrytie Pamyatnoj doski akademiku Vladimiru Peretcu v Kieve. Available at: <http://phil.spbu.ru/news/news/otkrytie-pamyatnoi-doski-akademiku-vladimiru-peretcu-v-kieve> (accessed: 21.09.21) ((In Russ.)
- Peretec V.N. *K izucheniyu «Slova o polku Igoreve»*. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1926. 149 p. (In Russ.)

- Peretc V.N. K voprosu ob uchrezhdenii ukrainskikh kafedr v universitete. *Kievskaya starina*, 1906, no. 5–6, pp. 43–49. (In Russ.)
- Peretc V.N. *Kratkij ocherk metodologii istorii russkoj literatury. Posobie i spravocnik dlya prepodavatelej, studentov i dlya samoobrazovaniya*. Petrograd, Academia Publ., 1922, 164 p. (In Russ.)
- Peretc V.N. «Slovo» i Bibliya. *Peretc V.N. K izucheniyu «Slova o polku Igoreve»*, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1926, pp. 55–75. (In Russ.)
- Peretc V.N. «Slovo o polku Igoreve» i drevneslavjanskij perevod biblejskikh knig. *Izvestiya po russkomu yazyku i slovesnosti*, 1930, vol. 3, kn. 1, pp. 289–309. (In Russ.)
- Peretc V.N. «Slovo o polku Igoreve» i istoricheskie biblejskie knigi. *Sbornik statej v chest' akademika Alekseya Ivanovicha Sobolevskogo*, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1928, pp. 10–14. (In Russ.)
- Peretc V.N. «Slovo o polku Igorevim – pam'yatka feodal'noj Ukraïni-Rusi XII viku. Vstup. Tekst. Komentar. Kïiv, Ukrainian Academy of Sciences Publ., 1926, 353 p. (Zbirnyk istorychno-filolohichnoho viddilu [UAN]. № 33). (In Ukr.)
- Peretc V.N., Peretc L.N. *Dekabrist Grigorij Abramovich Peretc: Biograficheskij ocherk. Dokumenty*. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1926, 112 p. (In Russ.)
- Robinson M.A. Akademik V.N. Peretc – uchenik i uchitel'. *Slavyanskij al'manah 2002*, Moscow, Indrik Publ., 2003, pp. 178–236. (In Russ.)
- Robinson M.A. Nauchnaya kar'era V.N. Peretca v kontekste obshchestvenno-politicheskoy zhizni Kieva (ot pervyh lekcij v Universitete do izbraniya v Akademiyu nauk). *Slavyanskij al'manah 2019*, Moscow, Indrik Publ., 2019, no. 3–4, pp. 286–327. (In Russ.)
- Robinson M.A. *Sud'by akademicheskoy elity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-h godov)*, ed L.E. Gorizontov. Moscow, Indrik Publ., 2004, 432 p. (In Russ.)
- Sbornik statej v chest' akademika Alekseya Ivanovicha Sobolevskogo, izdannyj ko dnyu 70-letiya so dnya ego rozhdeniya Akademiyu nauk po pochinu ego uchenikov: [Stat'i po slavyanskoy filologii i russkoj slovesnosti]*, ed. akad. V.N. Peretc. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1928, 507 p. (Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti AN USSR, vol. 10, no. 3). (In Russ.)
- Sokolov Yu. «Slovo o polku Igoreve» i narodnoe tvorчество. *Literaturnyj kritik*, 1938, no. 5, pp. 84–93.
- Sorokina M. Otkrytaya scena, ili Dvuhstoltnij yubilej Akademii nauk. *Nestor*, 2005, no. 9. *Na perelome: Otechestvennaya nauka v konce XIX–XX vv.*, pp. 206–235. (In Russ.)
- Stakhieva N.V. Kulturotvorcha diialnist V.M. Perettsa v konteksti Ukraïnskoj natsionalnoi idei kintsia XIX pochatku XX stolittia. *Kul'tura i suchasnist'*, 2013, no. 2, pp. 233–237; 2014, no. 1, pp. 203–207. (In Ukr.)
- Starinnyj teatr v Rossii XVII–XVIII vv.: sbornik statej*, ed. akad. V.N. Peretca. Petersburg, Academia Publ., 1923, 178 p. (Trudy Rossijskogo instituta istorii iskusstv. Russkij teatr). (In Russ.)
- Uchitel' i ego ucheniki: Pamyati akademika V.N. Peretca* / compiler A. Rudzickij. Available at: <http://www.ju.org.ua/ru/publicism/551.html>; <http://aej.org.ua/history/1470.html> (accessed: 21.09.21). (In Russ.; In Ukr.)
- Uzhankov A.N. «Slovo o polku Igoreve» i ego avtor. Moscow, OOO Soglasie Publ., 2020, 488 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Information about the author

Соколова Лидия Викторовна,
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдела древнерусской литературы,
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
ORCID: 0000-0003-2220-0049;
E-mail: liiso@mail.ru

Lidia V. Sokolova,
PhD (Philology), Leading Researcher,
Department of Ancient Russian Literature,
The Institute of Russian Literature
(Pushkinskyj Dom),
Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation;
ORCID: 0000-0003-2220-0049;
E-mail: liiso@mail.ru



Доклад академика М.Н. Сперанского «Ярославский сборник молитв XIII в.»

© 2022 г. Иеромонах Далмат (Юдин)

Московская духовная академия
(г. Сергиев Посад, Российская Федерация)

mon.dalmat@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44032. Автор благодарен Т.И. Афанасьевой и А.А. Андрееву за ценные замечания в процессе подготовки публикации.

Аннотация. Публикуемая работа М.Н. Сперанского «Ярославский сборник молитв XIII в.» найдена в единственном списке как черновой автограф автора и представляет собой непроизнесенный доклад, посвященный вопросам изучения уникального памятника древнерусской книжности — Ярославского Часослова (Ярославский государственный музей-заповедник, рукопись № 15481). В данном докладе наиболее полно изложены результаты исследования ученым сборника келейных молитв, которое он проводил, судя по косвенным данным, с 1921 по 1924 г. Единственной публикацией Сперанского на указанную тему стала статья на украинском языке «Ярославський збірник XIII в.» (1925), где лишь отчасти представлены научные результаты, отраженные в докладе.

Ключевые слова: М.Н. Сперанский, Ярославский Часослов, сборник келейного правила, древнерусская книжность, молитвы свт. Кирилла Туровского.

Ссылка для цитирования: Иеромонах Далмат (Юдин). Доклад академика М.Н. Сперанского «Ярославский сборник молитв XIII в.» // Славяноведение. 2022. № 2. С. 115–139. DOI: 10.31857/S0869544X0019027-2

Report of the Academician M.N. Speransky «Yaroslavl Miscellany of Prayers of the 13th Century»

© 2022 Hieromonk Dalmat (Yudin)

Moscow Theological Academy (Sergiev Posad, Russia)

mon.dalmat@gmail.com

The reported study was funded by RFBR according to the research project number 21-011-44032

Abstract. Previously unpublished work of M.N. Speransky «Yaroslavl' Miscellany of Prayers of the 13th Century» was found in the only list as a draft autograph of the author. It is an undelivered report devoted to the study of a unique monument of Old Russian book-writing – the Yaroslavl' Horologion (Yaroslavl State Museum-Reserve, MS15481). This report describes the results of a study of a miscellany of cell prayers, which the academician conducted, judging by indirect data, from 1921 to 1924 Speransky's only publication on this topic was an article in Ukrainian «Yaroslavl' Miscellany of the 13th Century» (1925), where the scientific results displayed in the report are only partially represented.

Keywords: M.N. Speransky, Yaroslavl Horologion, miscellany of cell rules, Old Russian bookishness, St. Kirill of Turov prayers.

Reference for citation: *Hieromonk Dalmat (Yudin), Report of the Academician M.N. Speransky «Yaroslavl Miscellany of Prayers of the 13th Century» // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2022. No. 2. Pp. 115–139. DOI: 10.31857/S0869544X0019027-2*

В личном архиве академика М.Н. Сперанского, хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства, содержится ряд рабочих материалов и неизданных работ ученого (РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 323–326, 328–331), касающихся изучения им Ярославского Часослова XIII в. (далее – ЯрЧ) – уникального памятника древнерусской книжности¹. Знакомство с указанными архивными материалами² позволяет заключить, что основные итоги исследований Сперанского содержатся в работе «Ярославский сборник молитв XIII в.»³, которая сохранилась в единственном списке как черновой автограф автора (почерк весьма трудночитаемый) и представляет собой произнесенный, судя по всему⁴, доклад (далее – Доклад).

Начиная с 1913 г. научная деятельность М.Н. Сперанского имела тесную связь с Отделом рукописей ГИМ. Сначала, еще не будучи формально сотрудником, он трудился здесь как помощник заведующего отделом В.Н. Щепкина (1912–1920 гг.), а затем официально, приняв приглашение возглавить Отдел рукописей ГИМ (10.II.1921–1929 гг.) [6. С. 234–235]. Наиболее вероятно, что именно после смерти В.Н. Щепкина Сперанский начал свое исследование о ЯрЧ, поскольку в 1921 г. отдельный лист из собрания Е.В. Барсова (ГИМ. Барс. 347) был им атрибутирован как часть ЯрЧ⁵. В пользу указанной хронологической границы свидетельствует также то, что в Докладе для датировки ЯрЧ Сперанский ссылается на палеографическую датировку В.Н. Щепкиным листа

¹ Ярославский государственный музей-заповедник. Научная библиотека, рукопись № 15481. См. [4. № 387. С. 320–322].

² Сведения о них см. [1].

³ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. № 323.

⁴ Что доклад этот не прозвучал, можно заключить, судя по отсутствию упоминания о нем в Отчете ГИМ за 1916–1925 гг., где в разделе о научно-исследовательской работе Отдела рукописей упомянуты несколько докладов М.Н. Сперанского, прочитанных на общих заседаниях сотрудников: «Повесть о Динаре и отражение ее в миниатюре и иконописи», «Аристотелевы врата, неизвестный текст по рукописи Музейского собрания № 1226», «Сказание о Софии Цареградской в югославянской письменности» [3. С. 90].

⁵ Собственноручная запись М.Н. Сперанского с датой «1921 г.» на обложке Барс. 347: «Лист из рукописи, ныне принадлежавшей Ярославскому Спасо-Преображенскому монастырю (Молитвослов-чиновник) № 5, в большой 1^о. Вырван из рукописи до 1854 г. (год помет листов и скрепы рукописи за Ярославским Спасо-Преображенским монастырем). Место листа – между л. 200–201, по помете 1854 г.».

Барс. 347, отраженную в карточном каталоге⁶. Таким образом, и атрибуция отдельного листа, и работа *de visu* с рукописью ЯрЧ (о последнем факте сообщается в Докладе) имели место, когда стала уже невозможной личная консультация В.Н. Щепкина. Можно заключить, что Доклад был написан в интервале с 1921 по осень 1924 гг., поскольку в письме от 18 декабря 1924 г. М.С. Грушевский сообщает М.Н. Сперанскому, что его статья принята к публикации⁷. Речь идет о статье «Ярославський збірник XIII в.» (1925) [5], которая содержит в себе практически те же выводы, что и Доклад, однако в ней не находит отражения, за небольшим исключением, доказательный и фактологический материал, составляющий значительную часть Доклада. Если в Докладе автор представляет подробный разбор текстов, приводя также разного рода справочную информацию, включая рукописные источники и их издания, а также научную литературу, то статья практически лишена всего названного: в ней по большей части видим только выводы и резюме без поддержки фактами и ссылками на научную литературу.

М.Н. Сперанский не стал обнародовать в советской России не только свой Доклад, но также и другие работы, посвященные ЯрЧ⁸: палеографическое описание рукописи (сохранился черновик)⁹, а также статью «Три отреченные молитвы», которая сохранилась не только в черновике¹⁰, но и подготовленной к печати¹¹ в фонде Л.К. Ильинского¹². Нужно думать, что отказ от публикации работ, посвященных исследованию богослужебных текстов, произошел по идеологическим причинам (наука оказалась в атеистических рамках), поскольку синхронно с проведением исследований ЯрЧ (1921–1924 гг.) Сперанский регулярно публиковал свои статьи по общелитературной тематике в изданиях РАН [2. С. 604–605].

Таким образом, именно исследовательские данные, содержащиеся в последней части публикуемого Доклада М.Н. Сперанского, где представлен анализ текстов сборника, восполняют тезисы статьи «Ярославський збірник XIII в.», что имеет принципиальное значение для критической оценки предложенных ученым гипотез и выводов. В этих сведениях, которые не включены автором впоследствии в статью, состоит основная научная ценность публикуемой работы.

⁶ «[...] опытный палеограф В.Н. Щепкин определил лист из собрания Е.В. Барсова, идущий из нашей рукописи и по письму тождественный с остальным, осторожно — XIII в. (каталог Ист. Музея, карточный)» (РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. № 323. Л. Зоб.—4).

⁷ «Многоуважаемый Михаил Несторович! Несколько дней тому получил Ваше письмо, а сегодня и рукопись (т.е. «Ярославский Сборник XIII в.» — *иером. Д. Ю.*), которую немедленно прочел и сдал переводчику. Статья настолько интересна, что могла бы идти в «Украину», куда мы отбираем статьи и материалы, могущие интересовать более широкую публику. Но «Украина» ближайшая (IV за 1924) и следующая (I за 1925) уже загружена (в последней — шевченковский материал), потому, чтобы не задерживать, я пускаю Вашу статью в «Историчний збірник за 1924 р.» («Записки Історичної Секції», т. 18) [...] книга должна выйти к концу декабря» (СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 1–2).

⁸ Подробнее о них см. [1. С. 62–63].

⁹ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 325.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 324.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 211. Оп. 1. Ед. хр. 374.

¹² Л.К. Ильинский (1878–1934) известен как книговед, библиограф и литературовед. Заведовал отделом регистрации и описания периодических изданий в Российской книжной палате (1917–1920) и библиографическим отделом Госиздата (1923–1926).

Публикация подготовлена по авторскому черновику: РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 323. Сперанский М.Н. Ярославский сборник молитв XIII в. 19 л., автограф. Доклад М.Н. Сперанского представляет собой дело, состоящее из 15 листов нелинованной писчей бумаги и четырех вставок на малых обрезках бумаги (л. 3а, 10а, 12а, 13а), подклеенных к основным листам. Все страницы пронумерованы автором красными чернилами в верхнем левом углу, архивная фoliaция проставлена карандашом: основная — на лицевой стороне листов (рядом с авторской пагинацией), а также литерные номера на вставках. В процессе работы над текстом Сперанский несколько раз добавлял к написанному пространственные пассажи, которые он писал на вклейках и основных листах, проставляя для вставки в нужное место Доклада определенные пометы. При публикации текста были учтены все добавления и поправки автора, и все фрагменты слиты в единый текст без обозначения номеров страниц и отдельных бумажных листов-вставок.

Работа М.Н. Сперанского «Ярославский сборник молитв XIII в.» написана в дореволюционной орфографии, хотя датируется 1921–1924 гг. В нашей публикации она издается в соответствии с нормами современного правописания и пунктуации. В некоторых случаях раскрыты типовые сокращения (как то: напр., т.о., м.б.), а также добавлены в квадратных скобках необходимые по смыслу слова, случайно пропущенные автором. Доклад содержит авторскую правку, из которой при публикации отражены лишь зачеркивания, тогда как вставки текста над строкой помещены в текст без выделения. Кроме того, оставлены без изменений библиографические сведения, которые автор дает в скобках в тексте Доклада.

Все комментарии издателя даны в концевых сносках. В комментарии включены следующие сведения:

1. Полные библиографические ссылки на литературу, современные шифры хранения рукописей, ссылки на каталоги старопечатных изданий.
2. Сведения об основных источниках (в том числе о составе ЯрЧ), которые автор привлекает без соответствующих пояснений.
3. Современная библиография по основным научным проблемам, затронутым в Докладе.
4. Пояснения о значении специальных терминов (например, литургических) и устаревших слов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ — Государственный исторический музей.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ПЭ — Православная энциклопедия.
РАН — Российская академия наук.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
РНБ — Российская национальная библиотека.
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности.
СПбДА — Санкт-Петербургская Духовная академия.
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы.
MDPI — Multidisciplinary Digital Publishing Institute.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 323. Сперанский М.Н. Ярославский сборник молитв XIII в. [Доклад]. [Б. д.] 19 л., автограф.
РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 324. Сперанский М.Н. Три отреченные молитвы. [Статья, черновик]. [Б. д.] 4 л., автограф.
РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 325. Сперанский М.Н. «Чиновник» (Сборник молитв). Палеографическое описание и роспись состава сборника. [Б. д.] 16 л., автограф.
РГАЛИ. Ф. 211 (Ильинский Л.К.). Оп. 1. Ед. хр. 374. Три отреченные молитвы. [Статья]. [Б. д.] 4 л., машинопись.
СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 91. Грушевский М.С. Письма из Киева в Москву акад. М.Н. Сперанскому. Оригинал. Автограф.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Далмат (Юдин), иером.* Неопубликованные материалы и исследования академика М.Н. Сперанского, посвященные Ярославскому Часослову (XIII в.) // Слово и образ. 2020. № 1 (2). С. 57–76. DOI: 10.31802/WI.2020.2.1.003
2. *Кузьмина В.Д.* Хронологический список трудов академика Михаила Несторовича Сперанского (19.04.1863–12.04.1938) // ТОДРЛ. 1956. Т. 12. С. 594–612.
3. Отчет Государственного исторического музея за 1916–1925 гг. М.: Работник просвещения, 1926. 143+29+27+13+5+58+[1] с.
4. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI–XIII вв.) / отв. ред. Л.П. Жуковская. М.: Наука, 1984. 405 с.
5. *Сперанский М.Н.* Ярославський збірник XIII в. // Науковий збірник за рік 1924. Записки Українського наукового товариства в Києві, тепер Історичної секції Всеукраїнської академії наук. Київ, 1925. Т. 19. С. 29–36.
6. *Юхименко Е.М.* М.Н. Сперанский и Государственный исторический музей // Архив русской истории. 1995. Вып. 6. С. 226–240.

REFERENCES

- Dalmat (Yudin), ierom. Neopublikovannye materialy i issledovaniya akademika M.N. Speranskogo, posvjashchennye Jaroslavskomu Chasoslovu (XIII v.). *Slovo i obraz*, 2020, No.1 (2), pp. 57–76. DOI: 10.31802/WI.2020.2.1.003 (In Russ.).
- Juhimenko E. M. M. N. Speranskij i Gosudarstvennyj istoricheskij muzej. *Arhiv Russkoj Istorii*, 1995, vol. 6, pp. 226–240 (In Russ.).
- Kuz'mina V. D. Hronologicheskij spisok trudov akademika Mihaila Nestorovicha Speranskogo (19.04.1863–12.04.1938). *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*, 1956, vol. 12, pp. 594–612 (In Russ.).
- Otchet Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja za 1916–1925 gg.* Moscow, 1926. 143+29+27+13+5+58+[1] p. (In Russ.).
- Speranskij M. N. Jaroslavs'kij zbirnyk XIII v. *Naukovyj zbirnyk za rik 1924. Zapysky Ukrai'ns'kogo naukovo tovarystva v Kyi'vi, teper Istorychnoi' sekcii' Vseukrai'ns'koi' akademii' nauk*, 1925, vol. 19, pp. 29–36 (In Ukr.).
- Zhukovskaja L. P. (Ed.) *Svodnyj katalog slavjano-russkih rukopisnyh knig, hranjashhihsja v SSSR (11–13 vv.)*, ed. Zhukovskaja L. P. Moscow, Nauka publ., 1984. 405 p. (In Russ.).

Приложение.

Сперанский Михаил Несторович **Ярославский сборник молитв XIII в.**

Настоящий доклад в том его виде, в каком он предлагается вниманию слушателей, носит характер отрывочный и, сверх того, незаконченный. Эта его отрицательная сторона (помимо того, что вполне закончить его мешал недостаток времени) получает себе некоторое оправдание в самом его возникновении: он — новый отрывок из давно начатой и не раз прерывавшейся работы на более

широкую тему, до сих пор еще далекой от своего завершения, а потому и не печатавшейся, хотя бы по частям, и разве в виде отрывочных материалов для нее.

Уже много лет занимал и занимает меня вопрос о взаимоотношениях старинной русской литературы и литератур югославянских также прежнего времени. Вопрос о влиянии юго-славянских литератур на древнерусскую значительно уже, если и не вполне, конечно, разработан в нашей науке, стал общим местом в ней, кончая учебниками. Ближайшее же сравнительное изучение древнерусской литературы и югославянских выдвинуло и другой вопрос — о влиянии русской литературы на югославянские, вопрос, который почти не затрагивается в истории литературыⁱ. Единственно, о чем можно встретить в научной литературе указания — и то мимоходом, по иным поводам, — это на то, что югославы в эпоху упадка своих литератур, главным образом в XVI–XVIII вв., испытывают на себе влияние, получая тексты, памятники русской литературы, значительно уже развитой и окрепшей дома. Для древнейшего периода, до XVI в., такие указания на участие русской литературы в югославянских встречаются случайно и крайне редко. Причина этого заключается, главным образом, в недостаточности материала, как сохранившегося, так и приведенного в известность. Это собирание материала и составило одну из предпринятых мною давно уже работ. В процессе этого собирания и анализа материала пришлось установить один факт более или менее прочно, [а] именно, что взаимообщение русской литературы и югославянских было теснее, нежели то можно было думать, исходя из влияния югославянских литератур на русскую в древний ее период: русские оригинальные писатели, в частности тексты, писанные в России, пользовались на юге славянства правами гражданства еще в старое время — Киевской Руси. Одним из таких писателей, несомненно (это можно доказать теперь уже фактически), был Кирилл Туровский, сочинения которого по югославянским текстам дошли до нас почти от того же времени, от которого идут старейшие списки русские, т.е. от XIII–XIV вв. Таков, например, известный сборник попа Драголя (бывший П. Сречковича, позднее Белградской народной библиотеки), где оказалось слово Кирилла (правда, без имени) о белоризце (издано М.И. Соколовым)ⁱⁱ. Правильная разработка вопроса о сочинениях Кирилла на юге славянства немыслима, разумеется, без изучения его на русской почве. В этом отношении в нашей научной литературе сделано далеко не все, что было бы желательно. Если поучениям Кирилла уже посвящен и ряд изданий, и специальных трудов, главным образом в связи с изданиями поучений этого замечательного стилиста XII в.ⁱⁱⁱ, то его молитвам, несмотря на их широкую популярность в Древней Руси (масса списков, даже старопечатные издания, каковы, например, Виленские 1596, 1602, 1625 гг.)^{iv}, кроме общих замечаний в общих же трудах по истории Церкви и литературы (например, Голубинского, [митр.] Макария, Порфирьева)^v почти не находим ничего. Единственной ценной специальной статьей, посвященной молитвам Кирилла, приходится считать небольшую библиографическую заметку того же М.И. Соколова^{vi} по поводу сербского (позднего XVI или XVII в.) их текста. Со стороны стилистической, которая особенно интересна для характеристики лирического таланта Кирилла, до сих пор ничего не сделано, если не считать тех же заметок общего характера. Это и заставило меня, наряду с изучением судьбы сочинений Кирилла в югославянских литературах, обратиться к изучению молитв его на русской почве, тем более,

что кроме издания их по случайному списку XVI¹³ в. (Соловецкой библиотеки)^{vii}, вполне научного издания их мы еще не имеем^{viii}. А между тем в нашем распоряжении, помимо массы позднейших списков, есть текст и весьма древний, довольно близкий ко времени жизни самого Кирилла — второй половины XIII в., и рукопись эта известна была уже давно в литературе: ее имел в руках как И.И. Срезневский при издании «Древних памятников русского письма и языка» (СПб. 1863, 2-е издание *ibid.* 1882)^{ix}, так и Е.В. Барсов (см. Труды VII археол. съезда, т. 3. М. 1892)^x, знали про нее и М.И. Соколов (указ. статья, 1902)^{xi}, и А.И. Соболевский (Молитва на дьявола. СПб. 1899)^{xii} и др.

Теперь эту драгоценную рукопись удалось на время получить в Москву в Исторический Музей из Ярославля, где она принадлежала Спасо-Преображенскому монастырю, где и хранится до настоящего времени^{xiii}, по-видимому, с давних пор. Рукопись эта представляет выдающийся интерес и помимо заключающихся в ней молитв Кирилла Туровского как памятник старой письменности по своему содержанию, далеко не заурядный. Это заставило меня остановить внимание на самой рукописи в ее целом прежде, нежели обратиться к молитвам Кирилла, в ней находящимся. И это ознакомление и составит главное содержание моего сегодняшнего доклада.

Ярославская рукопись представляет большой том в лист на пергамене разного качества (и толстый, и настолько тонкий, что пришлось писать кое-где на одной стороне, довольно листов с дырами, которые писец обходит), в старом, изготовленном в XVIII в. (судя по бумажным листам при переплете с филигранью В.М.С.Я. 1785 г. — ярославская бумага) переплете в коже, хорошей сохранности, но без начала. Всех листов в рукописи 206, аккуратно переплетенных, вероятно, в 1854 г., когда и была сделана запись о принадлежности рукописи Спасо-Преображенскому монастырю в Ярославле (л. 1, 10, 20 внизу). Но и до того времени рукопись была уже в монастыре, как видно из записи на л. 5 сверху на поле: «Спасо-Ярославского монастыря, № 247» — рукой XVIII в. На бумажном листе при переплете рукой 20/30-е гг. прошлого века записи: «№ 66» и «Разныя молитвы и псалмы»; на 3-м л. бумажном при переплете также запись: «Молитвослов или Часослов. 1854». Самая поздняя запись карандашом: «По указателю Волкова № 460. Чиновник церковных чинов, XII в., виденный Срезневым. Н. Раевский. 12 июня 1898 г.». Наконец, на внутренней стороне задней доски переплета прямо по дереву рукой XV в.: «часовник на харт... мѣтвами» (частично заклеено бумагой). Теперь рукопись носит № 5—5 (на корешке). Я с умыслом привел все эти записи: из них видно, в скольких руках побывала эта рукопись помимо лиц, упомянутых мною выше; а кроме того, ясно, что и самое определение ее состава называется различным и не подходило в глазах писавших к обычному типу подобного рода книг, это не лишено значения.

Судя по счету тетрадей внизу рукой писца — перед нами только вторая половина большой рукописи: первая ее тетрадь (по 8 листов, как обычно) помечена цифрой 32, а последняя — 60; от тетради 31-й осталось 4 листа. Отыскать первую половину этой рукописи мне не удалось по известным описаниям и каталогам, но зато удалось найти вырезанный лист — и как раз с молитвой Кирилла Туровского, место которого в 56-й тетради, после л. 200 по счету листов 1854 г. Лист этот нашелся в собрании Е.В. Барсова (ныне Ист. Музея, № 347)^{xiv}.

¹³ Исправлено из «XV» добавлением «I».

Видимо, вырезан он был еще до 1854 г.: нумерация этого года уже его не застала, почему перерыва в счете нет: ясно, что Е.В. Барсов приобрел уже этот лист отдельным. Конца рукописи тоже нет: рукопись обрывается на начале (на 12-й строке) 5-й молитвы «осквернившемуся во сне». Из содержания рукописи удалось установить и имя писавшего ее, но, к сожалению, только имя: на л. 49об. в «Молитве Иоанна Златоуста ко Господу о согрешениях» (начало: «Господи Боже мой великий, страшный, преславный...») писец вставил и свое имя в числе тех, о поминовении коих молится автор молитвы: «и прочая отца и братию нашу Феодосия писавшаго молитву сию¹⁴ и вся сестры имярек со мною яко человеколюбец помилуй». Стало быть, писавшего эту молитву звали Феодосием. Писана же эта молитва одной рукой со всей остальной рукописью. Из других упоминаний в других молитвах можно сделать еще несколько предположений, впрочем, самого общего характера, о том же Феодосии. Так, жил он, по-видимому, в области княжеской: на л. 58 он пишет: «Господи, помилуй благоверных князя наши и всю область их и вся крестьяны», вспоминает их и ниже (л. 59). Одно, что можно вывести отсюда, разве только то, что писец жил на Руси, а это мы и без того знаем уже по языку рукописи. Едва ли многое можно извлечь и из фразы в той же молитве: «обрати поганяна на крестьянство» (л. 58об.). Несколько более можно, быть может, извлечь из следующего места той же молитвы: «помяни Господи все стадо свое се, яже еси събрал во ограду сию... помилуй Господи человеколюбче рабы своя, братию и сестры наша и вся пребывающая в месте семь и служащая святым твоим церквам и работу творящая и стражующая в обители сей святых» (л. 60–60об.), и далее: «не презри раб своих, скончавшихся в честнем образе и прежде образа в святых обители сей пребывшая до последнего издыхания и скончавшаяся в служебнем степени...» (л. 61об.). По-видимому, писавший был монахом, потому и говорит он о «ограде сей», о «обители сей святых», поминает «трудников» своего монастыря, умерших до пострижения в иноческий образ и оставшихся «в служебном степени». Но какой это был монастырь, не видно. Только, судя по языку рукописи, можно предположить, что это был один из южнорусских монастырей, как это мы увидим. Следующий дальше большой перечень имен святых (л. 63–64) не дает точки опоры: нельзя между этими именами найти такие, чтобы с уверенностью сказать, что имя это занесено как имя, связанное с «обителью сей». Может быть, если найдется греческий оригинал этой молитвы, можно будет сделать какие-либо предположения, но пока такой оригинал мне не известен^{xv}.

Итак, ограничимся одним выводом относительно писца: эта был какой-то, весьма вероятно, инок Феодосий. Жил он во второй половине XIII в., и где-то на юге Руси, как это сейчас увидим. Видеть в нем известного препод. Феодосия Печерского, которому на основании текста нашей рукописи приписывается авторство самой молитвы (почему эта молитва и внесена в описях трудов Феодосия Печерского), не нахожу возможным (см.: Н.К. Никольский. Материалы для повремен. списка русских писателей X–XI вв. СПб. 1906, стр. 195)^{xvi}. В XIII в. Феодосий Печерский был уже канонизирован, и помещение его имени в числе тех, о поминовении коих просит молитва, было бы неуместно. Кроме того, необычно было бы упоминание знаменитого на юге препод. Феодосия Печерского без титула его, как стоит в нашей молитве.

¹⁴ Здесь и далее подчеркивания соответствуют авторскому выделению в тексте рукописи.

Определение времени написания рукописи второй половиной XIII в. основано на детальном палеографическом ее изучении и проверке палеографической же ранее сделанных определений. Эти же более ранние определения единодушием не отличаются. Так, один из первых ученых, имевших в руках нашу рукопись, опытный палеограф И.И. Срезневский отнес ее к времени «до 1200 года» (Пам. рус. письма и языка, изд. 2 (СПб. 1882) стлб. 76)^{xvii}, т.е. концу XII в., назвав ее «Чиновником разных церковных чинов», определив ее формат «большой четверкой» (то же, что «малый лист»), а письмо ее — «широким крупным уставом». Это определение повторил с его слов Н.В. Волков (Статистич. сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI–XIV вв. Пам. др. письм. О.Л.Д.П. СХХIII СПб. 1897, стр. 79)^{xviii}, хотя и поместил среди рукописей XIV в. (Волков дает перечни в порядке веков). Е.В. Барсов относил нашу рукопись к XIV в. («Харатейный список XIV в. молитв Кирилла Туровского», Труды VII Арх. Съезда, III (М. 1892), стр. 46–51)^{xix}, считал ее «Сборником по внешнему порядку церковных чинов, приближающимся к т.н. Часовникам или Часословам». Того же мнения относительно времени написания рукописи держался и М.И. Соколов (ук. ст., стр. 236)^{xx}, кажется, подлинной рукописи под руками не имевший. Наконец, А.И. Соболевский отнес рукопись ко второй половине XIII в., юго-западу Руси по месту происхождения («Молитва на дьявола», предисловие, СПб. 1899)^{xxi}. Наконец, также опытный палеограф В.Н. Щепкин^{xxii} определил лист из собрания Е.В. Барсова, идущий из нашей рукописи и по письму тождественный с остальным, осторожно — XIII в. (каталог [отдела рукописей] Ист[орического] Музея, карточный).

По-видимому, ближе других к правильному определению времени рукописи были А.И. Соболевский и В.Н. Щепкин. Общий характер письма — широкий, крупный (0,5 см вышины, по 19 строк на страницу) устав, характер инициалов рукописи (киноварные с зачатками тератологии и решетного плетения) говорит за ~~вторую половину~~¹⁵ XIII в., скорее за вторую его половину, нежели за конец этого века, а не за конец XII или XIV век (хотя бы и начала). Это еще хороший устав старшего типа по отдельным начертаниям, но уже отошедший, как видим, от обычных типов XII в. (см. **И**, **Н**, **О**, **Ы**). Писец в середине строк твердо держится старой традиции, но в конце их выдает уже наклонность к тем типам, которые скоро (в XIV в.) станут характерными и внутри строк, таковы: **Т** (т высокое), **Ѣ**, **Ѥ** (ѣ высокое), **Ѧ**, **ѧ** (=оѧ), **Ѩ** (=и), **Ѫ** (=ю), **Ѭ** (ы высокое), **Ѯ** (=оѮ). И внутри строк отдельные начертания также говорят за XIII-й, а не XII в., таковы: **у** (угловатое, не симметричное), **ѡ** (набухшее, с высокой скобой), **ѣ** (с перекладиной почти по верху буквы) и т.д. Против XIV в. говорит ширина букв, сравнительная редкость перечисленных уклонений от старого пошиба письма, незначительность сокращений и титл (это, впрочем, может объясняться крупнотой письма), чаще встречаемых, как обычно, только в киноварных строках.

Своеобразной чертой нашей рукописи являются поправки в тексте: писец, в общем довольно рассеянный, делал довольно часто ошибки, допускал пропуски слов и букв, но заметивши свою ошибку, особенно пропуск слова или фразы, он мелким почерком (в половину обычной высоты) в две строки дополнял пропущенное, или старался уместить пропуск на выскобленном месте, почему прибегал к вязи: эта вязь по построению также говорит за XIII век. (ср. Стихирарь Троицк. лавры, или сплошь писанную вязью рукопись Григория Наз. Синод. Библ.).

¹⁵ Здесь и далее зачеркивания в тексте — исправления, сделанные автором.

Что касается местности, где писана наша рукопись, то с уверенностью, судя по языку ее, мы можем сказать, что она не северная, а южнорусская; более точное приурочение ее к определенной местности, конечно, более затруднительно ввиду скудости материала, ею даваемого, а также наших недостаточных познаний о диалектологии древних русских говоров такого старого времени, как XIII век. Все же и при наличии наших сведений в этом отношении и фактов, даваемых нашей рукописью, можно в виде весьма вероятного предположения, сказать, что писец Феодосий по говору ближе стоит не к юго-западным малорусским говорам (как определил рукопись А. И. Соболевский, в упомянутом предисловии к «молитве на дьявола»), подразумеваю под ними говоры правой стороны Днепра и в частности галицко-волынские, а скорее к говорам южным, может быть, киевщины. Впрочем, такое приурочение строится скорее на признаках отрицательных (а *silentio*)^{xxiii}, нежели положительных: ведь в киевских говорах скорее приходится говорить о том, чего из характеристик галицко-волынских черт в них нет. Во всяком случае, принадлежность нашей рукописи по письму югу Руси, а не северу или северо-востоку (центру) не подлежит сомнению. В ней мы найдем достаточно ярко выраженными особенно-сти графики и языка общеюжнорусские. Так, часто находим:

1. Характерное для юга употребление **ѣ** в суффиксах **-ѣнїе**, рядом с **-енїе**^{xxiv}:

любѣнїа (1); **неприкосновѣнїемъ** (1, 2); **моѣнїа**, **моѣнїемъ**, **моѣнїе** (6, 101², 133², 158, 168², 174)¹⁶; **проѣнїе**, **проѣнїа** (94, 100, 101², 199², 201); **бл҃говоѣнїа** (8²); **бл҃гословѣнїемъ** (218); **оу҃крашѣнїе** (71²); **закѣнїе** (90²); **избавѣнїа** (93, 181); **дѣрзновѣнїа** (101); **поклонѣнїе** (105²); **оу҃милѣнїе** (105²); **прѣѣнїю** (121²); **ѡбнаѣнїа** (155); **знамѣнїе** (160²); **застѣплѣнїа** (167, 171², 205²); **ѡставѣнїе** (177²); **разорѣнїе** (180); **подвижѣнїе** (188); **смоу҃щѣнїа** (197²); **хвалѣнїю** (197²); **оу҃ниу҃жѣнїа**, **оу҃ниу҃жение** (145²); **поношѣнїа** (145²); **ѡсоу҃жѣнїа** (6²); **спѣѣнїа** (53², 71²); **моу҃чѣнїа** (163).

2. **ѣ** в других случаях по-южнорусски:

ѡбитѣль (35, 59², 60²); **вѣскрѣсѣть** (39²); и в **нѣмъ не боу҃детъ** (52²); в **нѣи҃же** (137²); **колебаю҃щасѣ** (199); **колебавѣи** (104); **примѣѣтъ** (105²); **словѣснѣи** (172); **погыбѣли** (40); **словѣснѣю** (91); **нѣ имѣю** (101).

3. Предпочтение (впрочем, небольшое) **ѣ** в суффиксах **-ѣе**, **-ѣа**, **-ѣю**, **-ѣи**:

мѣтѣю (140); **пролѣю** (140²); **знанѣа** (39²); **крѣпостѣю** (53); **мрѣю** (74); **мыслѣю** (159²); **у҃бѣколюбѣю** (51²).

4. Мягкость шипящих и свистящих, почему после них находим **ѣ**, **ю**, хотя и не последовательно:

дѣржаѣю (4², 17², 72, 73); **мрѣѣю** (140²); **дѣѣю** (8); **дѣржаѣа** (13²); **дѣржаѣиѣа** (20); **ѡдѣржаѣа** (20); **вѣздѣржаѣнїе** (75); **ѡдѣѣю** (33); **поѣѣѣю** (77²); **моу҃чѣти**, **моу҃чѣю** (86); **творѣю** (86).

5. Заметная в южнорусских текстах наклонность к замене глухих **ѣ** и **ѣ** чистыми в нашем тексте выражена особенно рельефно, почти так же обильно, как, например, в Евсевиевом Евангелии 1283 г. (Рум. Муз. № 3168^{xxv}, ср. Голоскевича в Исслед. по рус. яз. III, 2 (Спб. 1914), стр. 24)^{xxvi}:

странѣнѣ (8); **темноѣю** (12); **у҃бѣколюбѣе** (27², 86); **воинѣства** (28); **аспидѣнѣ** (30); **пынѣнѣствомъ** (33); **беззаконѣноваѣхъ** (43); **каленѣ** (48); **женѣскѣ** (50); **истинѣна** (56²);

¹⁶ Верхний индекс «2», употребляемый автором при указании номера листа рукописи, означает обратную сторону.

въплѣшешагося (56, 72², 87²), мирескою (62); истиненаѣ (130², 148); дѣвственнаѣ (70²); недостоинство (76); избранныѣ (75²); ѡправляешаго (80²); възлюбешаго (87²); непрестаннаго (88, 93); агнеуе (90); истинены (97²); ѡканены (99); кокоусивъ (104); избавление (109); приражешихъ сѧ (111); ровениемъ (113²); скоропию (115); ѡблѣуше (117²); во сии уѧ (90); срдѣеныѣ (120); оустеноу (179²); заблѣужешихъ (186²); мѣуетаниѣ (189²); неизреуененію (190, 197²); сопадѣ (212); сопѣси (223); неправедъ (gen. pl. 224²); забовыѣти (40).

6. Но есть, правда изредка, и обратные случаи (ѡ, ѡ вместо о, е):

строупѣвъ (gen. pl., 48²); застоупникъмъ (dat. pl., 165); какъ соудѣ боудеть (214²).

7. Особенная пестрота в употреблении глухих и чистых замечается при согласных + плавных + глухих:

долгы (129); мерѣтвоу (3²); долгы (6²); должноу (6²); скорѣлю (9); дѣржава (13²); мерѣзхоуѣ (29); мерѣзости (39²); ополѣуахоу (30); оуверѣзошасѧ (33); осквернюу и сквернавоу (34); волены (39²); скорѣбми / скорѣбъ (45); пырьсть (52², 164, 170) и перьсть (48, 93², 138²); опѣлуитъ сѧ (68); трѣпѣцю (192) и трѣпѣцющи (192²); берниѣ (21²).

8. Так же, как в Евсевиевом Евангелии (Голоскевич, 33)^{xxvii} и у нас есть случаи *ѡр* = *ѡр* = *ер*, даже в том же слове: скерѣ (125); скерѣлю (125²); истерѣгни мѧ (87²).

Для полноты характеристики языка нашей рукописи можно привести то наблюдение, что памятник этот дает все характерные черты русской редакции, хотя в графике и отражает далекие особенности нерусского письма. Например, писец очень окатно^{xxviii} пишет, хотя и смешивая с *е* на югославянский манер, *ѣ* в таких случаях: урѣвоу (80²); прѣже (77); прѣцѣнню (121²); прѣуѣстьнаѣ (129²); прѣмоуѣдростию (137², 139); урѣвъ (112); прѣдъ (17, 17², 18); прѣдложиша (17²); прѣстоупници (17²); прѣдстати (18); врѣмѧ (6², 8², 137², 183); брѣмѧ (97², 183); посрѣдѣ (11). Эта графика принята даже в чисто русских статьях, каковы молитвы Кирилла Туровского. Но это не мешает писать ему и по-русски: уерѣдъ (131²).

С другой стороны, есть у него склонность к таким начертаниям, едва ли русского происхождения, как: живѣуѣщенмоу (145); силѣуѣомоу (206²); стоѣлѣше (211); призываюциимъ (38).

Наконец, в говоре писца, быть может, можно заметить колебание твердых и мягких согласных в окончаниях, если это черта не диалектическая, может быть и не русская: бесконѣуѣнмоу (135); конѣуѣнѧго (135, 217); вътрѣнюю (135); ѡбыуѣню (158); верѣховнихъ (190).

Смешения *и* и *ѣ* мною не замечены. Также смешения *ы* и *и*, если сюда не относить попавшиеся немногие формы, вроде: възискахъ (92²); лѣвъ рикаѧ (222²); възискаючи (5).

В синтаксическом отношении отметим нередкое употребление достигательного наклонения: приде грѣшнихъ избавитъ (27); градѣши соудитъ (28²); пославымъ спѣтъ (58); пришедыи спастъ всего мира (6). Нередкое также употребление именной формы прилагательного в качестве определения: съкроуѣшеномъ срдѣомъ (47); въплѣмъ великомъ (75); дѣхомъ владѣуѣнемъ (81²); волнамъ многимъ и великамъ (111); ѧзыкомъ бодромъ (216²). Можно отметить и сохранение архаичного сочетания глагола с предлогом «при» и местным падежом: не въдѣ комъ приклоню сѧ (33).

Конечно, характеризуя наш текст, я не имел в виду исчерпать все его языковые и графические особенности. Того, что приведено, полагаю достаточным для подтверждения мысли, что в нашей рукописи мы имеем перед собой текст XIII в., писанный на юге Руси, скорее всего в области киевского говора. Если наше заключение верно, то с литературной точки зрения наблюдение это не лишено некоторого интереса: молитвы Кирилла Туровского мы имеем теперь в списке, довольно близком ко времени жизни их автора. Если принять довольно вероятное предположение (Творения К.Т., изд. еп. Евгения, Киев 1880, предисл., [стр.] LXXIII)^{xxix}, что молитвы писаны Кириллом уже под конец его деятельности, когда он (до 1182 г.) сошел с кафедры и жил на покое, незадолго до кончины (вероятно, в последнем десятилетии XII в.), в таком случае в нашем списке мы имеем перед собой копию, сделанную менее столетия после написания самых молитв, притом идущую из местности, близкой к Турову (Твор. К.Т., ук. изд., [стр.] LXXIV) и, вероятно, еще до его канонизации (Кирилл Туровский в собраниях его поучений, восходящим к рукописям кон. XIII–XIV в., какова, например, собр. Ф. Толстого № 8^{xxx}, называется не только мнихом, епископом, но и святым, блаженным): в нашей рукописи он называется или мнихом только, или многогрешным, недостойным, грешным мнихом, или просто грешным Кириллом.

Эти черты текста придают ему абсолютную ценность в смысле источника для изучения литературной деятельности Кирилла. Ниже придется указать и другие, может быть, дополняющие в общем скудные сведения о нем.

Значительный интерес в этом отношении представляет и та литературная компания, в которой дошли до нас эти молитвы. Сам по себе сборник молитв в Ярославской рукописи — далеко не заурядное, как указано выше, явление нашей старой книжности. Потому обращаюсь к его составу и содержанию^{xxxi}.

Все молитвы распадутся в рукописи на три группы, но, по-видимому, в полном виде сборник включал и другие отделы: на л. 1 нашей рукописи сохранился конец предыдущего отдела, может быть чина утрени^{xxxii}. Таким образом налицо отделы^{xxxiii}:

I. Л. 1. Чин мефимона.

II. Л. 131². Чин вечерни.

III. Л. 218². Чин «от бесовского соблазна» (без конца).

Чин мефимона начинается с часа 8 дня и до часа 12 дня. После часов и идут почти без перерыва молитвы повседневные «по часѣхъ» Кирилла Туровского, начиная с недели (л. 89) и кончая субботой (л. 106) — всего семь молитв. За чином мефимона и молитвами Кирилла — ряд добавочных молитв: «на дьявола» (издана А.И. Соболевским), «о смеянии и глумлении», «в тузе и печали», «к Богородице», «егда звонят или клепят», «идуче в церковь», «целующе крест», «целующе св. Богородицу (икону)», «целующе святого», «егда чтут Евангелие», «после целования Евангелия», «перед взятием доры», «перед обедом» и «после обеда». Т.е. группа молитв, сопровождающих инока во время пребывания в церкви и кончая трапезой. После этого наступает время вечерни, и мы читаем (л. 131) «Чин вечерни»: «пѣти перед церковною вечернею», т.е. в келье. В чине вечерни (домашней) — опять молитвы Кирилла — «по вечерни», также кучкой, начиная с молитвы воскресению, читаемой в субботу, сверх обычной молитвы «по вечерни». Но в этом отделе молитвы Кирилла на все дни недели идут в качестве вторых молитв на данный день. За ними — опять ряд дополнительных молитв,

не имеющих определенного приурочения^{xxxiv}: «таже стих глаголи», «таже пѣние се», «пѣниемъ», «пѣние — азбуковникъ», «сего стиха глаголи» и др.^{xxxv} Наконец — чин «от бесовского соблазна»: всего 5 молитв (сохранилось их столько в рукописи), перемеченных^{xxxvi} цифрами, кроме первой, которая отмечена в заглавии именем св. Ефрема.

Вот в общем состав сборника молитв.

По типу его скорее всего можно сопоставить с так называемыми Часословцами или Часовниками, но по своему составу он своеобразен: между известными мне по рукописям и описаниям, мною пересмотренным, сборника сходного с нашим мне не встретилось. На эту своеобразность состава нашего текста обратил внимание и Е.В. Барсов в своем вышеупомянутом реферате на VII археологическом съезде, сопоставив его с греческими служебниками скитских молений (для лиц, не имевших сана священника, но служивших как священники). Приведенный выше общий состав нашего сборника заставляет несколько изменить наблюдение Е.В. Барсова. Правильнее, кажется, определить этот тип сборника немного иначе: это собрание иноческих [молитв] (ни из чего не видно, чтобы это были молитвы специально для инока-скитника), полагающихся или подобранных применительно к келейному правилу, т.е. это молитвы преимущественно читаемые иноком вне церковной службы, потому здесь нет молитв за литургией и вечерней, а молитвы домашние, кончая выходом: «егда клепят», «идуче в церковь» и молитвы, читаемые про себя в церкви в известных случаях (перед целованием святыни, перед чтением Евангелия), молитвы «идучи на обѣд», «по обѣдѣ» и т.д. Потому-то здесь помещены в чине вечерни и молитвы «по вечерни», т.е. церковной.

Как сборник наш имеет такой не церковный, а, так сказать, домашний, келейный характер, можно объяснить и то его своеобразие, на которое было указано Е.В. Барсовым и указывается мною теперь: не связанный строго точно установленными указаниями церковного устава, а построенный на основах общих указаний монастырского устава и его предписаний, составитель сборника располагал известной свободой выбора и подбора, что и сказалось в том, что, включая обычные молитвы в чин мефимона (т.н. изобразительны)^{xxxvii}, он выписал и то, что соответствовало его вкусу, настроению, как добавления после, так сказать, обязательного (официально предписанного) состава. Это те группы различных молитв, которые органически не входят в тот или другой «чин». Такая (разумеется, относительная) свобода видна отчасти в тех указаниях, которыми сопровождаются молитвы. Например, в мефимоне^{xxxviii} после поминальной молитвы (л. 57²—59), где перечислены чины духовные и «князи наши», заключено: «потомъ егоже хощеша».

И действительно, рядом с обычными молитвами и псалмами, положенными по уставу, в нашем сборнике встречаем нечто необычное и до сих пор в подобных сборниках не встречавшееся, как молитвы, так и кое-какие отмены^{xxxix} в текстах уже известных. Из цельных текстов такого рода обращают на себя внимание [следующие]:

I. Перед молитвами «по часѣх» Кирилла Туровского находим (л. 73²) молитву св. Григория (какого? установить не удалось) с такого рода заметкой в ее начале: «молитва святая. иже колиждо творять сию молитву на всякъ день, ни зль члвкъ ни дьяволъ никогдаже ни единою лъстиею съблзнить можетъ, ни на душу, ни на тѣло. и аще отъ сего жития преставить ся, адъ тоя душа не

принять, якоже святыи Григории рече». В молитве обращение к ап. Петру: «и тебе молю святыи Петре, иже держиши ключа цѣсарьства небеснаго, да разрѣшиши грѣхы моя на земли» (л. 73²). И по стилю эта молитва отличается (даже в переводе) от соседних. Не идет ли она из западного, латинского, источника, т.е. не относится ли к группе тех, которые еще в глубокой древности были переведены где-либо у славян западных? В таком случае Григорий, на которого ссылается заметка, вероятно, будет папа Григорий Великий^{xl}.

II. По окончании 7-й молитвы Кирилла «по часѣх» находим опять (л. 108²) своеобразную молитву «на дьявола и на нечистыя духи къ всѣмъ святымъ, како подобаеъ творити и имя свое нареци». Эта молитва издана в факсимиле с предисловием А.И. Соболевского, который в нем отметил возможность связей молитвы с западным оригиналом и отнес к той же группе, к которой мы отнесли предыдущую предположительно.

Продолжая далее ознакомление с нашим сборником, обратим внимание (еще на его чтение, уже не столь крупное по объему, но тем не менее не безинтересное) на молитву на л. 11–13². Она озаглавлена: «молитва святаго Амвросия: чистота души и тѣлу, спаси, Господи, спаси». Вся она построена своеобразно: составитель ее просит спасения, мотивируя свою просьбу теми качествами Божества, которые Ему присущи. Эта мотивировка выражена перечислением этих качеств по формуле, приблизительно: «Спаси меня, Ты ведь делаешь то-то; Ты ведь избавляешь от того-то...» Помимо этой, несколько необычной для наших молитв, обычно переведенных с греческого и носящих характер смиренной просьбы, самоуничужения, обращает на себя внимание само имя автора молитвы – Амвросий, знаменитого отца Западной церкви, но мало популярного на Востоке, а сверх того сама форма этого имени: «Амвросии» = лат. Ambrosius, а не «Амвросии», как звучало бы оно в греческом и передаче его на славянский: Ἀμβρόσιος. Не имея других более прочных оснований (напр., латинизмов в тексте), не найдя ее ближайшего оригинала (в сборнике Гоара – *Euchologia*^{xli} – ее нет; и латинский текст мне тоже не попался), решаюсь, однако, и эту молитву отнести, до более удачных поисков, к той же группе текстов, перешедших в нашу письменность из западных оригиналов. Амвросий Медиоланский как составитель молитв и гимнов хорошо известен Западной церкви. Его молитвы часто встречаются в латинских *Breviarij*’ях. Эти молитвы напечатаны вместе с другими его молитвами-гимнами в собрании его сочинений (*Patrologia latina*, t. 17)^{xlii}. Но среди них не нашлось нашей молитвы. Поэтому вопрос о ближайшем оригинале придется, все-таки, оставить пока открытым.

На л. 219–226об. нашей рукописи находим группу из пяти молитв «от бовского соблазна». Среди них одна – именно 4-я – известна уже раньше: она по списку XIV–XV вв. издана А.И. Соболевским («К хронологии древнейших ц.-сл. памятников» Изв. Отд.р.я. и сл. IX (1906), 2, стр. 13)^{xliii}. Нашлась она в том же переводе и в известном глаголическом Синайском Евхологии^{xliv}. Издавший ее А.И. Соболевский счел, на основании лексических данных, что перевод этой молитвы сделан с латинского. Весьма возможно, что и вся группа, сохраненная нашей рукописью, того же происхождения: по стилю и лексике остальные молитвы тоже не отличаются от изданной А.И. Соболевским. По составу они, кроме того, напоминают те заклинательные молитвы, которые вошли в состав распространенного специального католического молитвенника

Flagellum daemonum (у меня под руками было одно из изданий XVI в., но более или менее сходной по тексту молитвы в нем найти не удалось)^{xlv}.

Наконец, условно к этой же группе следует отнести и еще две молитвы на л. 130–131об.: перед обедом и после обеда. Обе они также встречаются в Синайском Требнике (Geitler, 30 и 32)^{xlvi} в том же переводе, что и в нашей рукописи. Причем, ближайшего оригинала для них греческого не знаем: у Гоара есть только приблизительный, похожий по содержанию текст. Молитвы эти известны мне и по другим спискам, например по молитвослову Синодальной библиотеки XIV в. № 675 (Горск. 371)^{xlvii}, л. 131–132. Но здесь перевод несколько иной, нежели в Евхологии Синайском и у нас, причем этот перевод, несомненно, восходит к греческому типу текста, какой читаем у Гоара^{xlviii}. При наличии в Синайском Требнике молитв, восходящих к латинскому оригиналу, а также и в нашей рукописи, а также при отличии этих текстов от распространенных, восходящих к греческим подлинникам, невольно возникает предположение: не восходят ли и эти молитвы к латинскому оригиналу, подобно указанной выше. К таким же отзвукам, может быть, западного происхождения некоторых молитв нашего сборника следует отнести, как будто, молитву по «Отче наш» в числе мефимона (л. 58об.)^{xlix}, где читается между прочим: «Господи, покои душа отшедшихъ свѣта сего, папежъ, патриархъ, митрополить, архиепископъ, игумень...» Сочетание «папежъ» и «патриархъ» будто намекает на первоначальный текст только с первым.

Таким образом, мы получили бы довольно значительный ряд текстов в нашей рукописи, объединенных общностью их происхождения — именно: текстов, восходящих к древнейшей поре славянской письменности, когда связь ее с латинской еще не прекратилась¹. Такого явления в составе наших до сих пор известных собраний молитв еще не встречалось. И это, если наши предположения оправдаются, придаст особую ценность в историко-литературном отношении нашей Ярославской рукописи.

III. После последней молитвы в пяток «по вечернѣ» Кирилла Туровского (а быть может и после молитвы в субботу: между лл. 201–202 в рукописи пропуск листов, где могла быть сугубая молитва Кирилла)^{li} — ряд дополнительных молитв-стихов (л. 202: «таже глаголи сего стиха», «таже пѣние се» — 202², «пѣниемъ» — 203). В числе их встречаем (л. 207): **пѣние томоу же. азъ боуковникъ**, т.е. молитву по азбуке: каждое двустиие — отдельный по смыслу мотив молитвы начинается с определенной буквы алфавита, и двустиия идут в порядке азбуки. Действительно, присмотревшись к молитве, мы найдем, что она расположена по порядку букв в азбуке, при том славянской или русской. Так, на букву Ж читаем: **Житіе бо своє въ мращѣ иждихъ, но твоими ма щедротами просвѣти**; **С — Зъло бо ѳси хѣ млткъ, долготерпѣливъ и прѣмливъ**; **З — Зълоужьшаго прими ма хѣ, ѳкоже приатъ блѣдѣнаго сѣа**; **Ц — Црю нѣси и землѣ хѣ, ѳверзи ми двѣри въуныа жизни**; **Ч — Чиномъ ма приути млткѣ, избранныхъ твоихъ ѳвѣщахъ**; **Ш — Шествиа ма напраки на правыи поутъ твои**; А йотированное — **Ѳзыкомъ и оумомъ та славою, въ три лица соуше бжтво ѳдино**. По-видимому, текст уже не вполне сохранивший свой первоначальный вид: есть (между И и К, Х и Ц, Ш и Ю) вместо одного «стиха» по два, но недостает стихов на букву **Щ**. **Трудно**¹⁷ определенно решить, русского или югославянского происхождения эта азбучная молитва. Возможно, исходя из азбуки, и то и другое. За югославянское (м.б. сербское)

¹⁷ Зачеркнуто автором. Смысл предложения оказывается нарушенным.

происхождение ее может говорить то, что изречение (стих): **Гѣѡны и ма избави вѣуныа, и грозы и уерьви неоуспяюща** — начинаясь с Г не на месте, тогда как на эту букву есть на своем месте выше стих (**Грѣховныа ми волны оутоли, имиже гроузимъ вопию ти**) — может быть в подлиннике начиналось с Ѓ^{lii} (как обычно пишется это слово в древних югославянских текстах) и следовало за И или за Ī (**Инезекины ми слезы дароѹи, имиже ѡуицю скверныа ми грѣхы**). Это бы говорило за сербское происхождение оригинала нашей статьи. С другой стороны, имея в виду указанные выше отклонения от порядка в алфавите, предположение это твердых за себя оснований не имеет: каких-либо других следов сербизмов (**итѣ вообще югославянизмов**) в тексте не находим. Во всяком случае, ясно: эта азбучная молитва (она издана А. И. Соболевским по нашей рукописи — Сб. м. XVI–XVII (София, 1900), стр. 321–323)^{liii} — одно из редких (особенно в старом таком тексте) церковно-славянских стихотворений и разлагается на двустипхия (византийский политический 12-сложный стих)^{liv}, но кое-где в списке XIII в. уже нарушивший (главным образом благодаря падению глухих) свой 12-слого-вой состав. Сравнивая его с известной азбучной молитвой Константина Пресвитера (ученика Кирилла и Мефодия), издававшейся не раз^{lv}, несмотря на общую разницу содержания, можем уловить некоторые точки соприкосновения, показывающие, быть может, то, что автору стихотворения нашего сборника была известна эта древнейшая азбучная молитва Константина Пресвитера (она и дошла до нас в весьма древних списках XII–XIII вв. Синод. библиотеки^{lvi}). Эти точки соприкосновения можно видеть, **во-первых**, в том, что стихи на отдельные буквы у Константина и у нас начинаются с одного и того же слова: S (**Сѣло**), на Р (**Рѣцѣ — Роуцѣ**), У (**Упостась — Оупостась**), Х (**Херовьскѣ — Хѣровимьскоуѹ**), Ш (**Шѣствоуѹа — Шѣствиа моа**), ЪА (**А**) (**Азыкѣ — ЪАзыкѹмѹ**). **Во-вторых**, тот же перебой алфавита лишними стихами, между Х и Ц, Ш и Ю, отмеченный мною в ярославском тексте, находим и у Константина Пресвитера, причем эти вставные стихи начинаются с тех же букв алфавита, что едва ли при других аналогиях может быть сочтено случайностью.

У Константина	В Ярославском тексте
О уѣстьнаа прѣстаа троице. Пѣуаа моѹ на радость прѣложѣ.	Ѡ прѣстаа трѣе помилоуѣ недостѡйнаго твоѣго раба. Пѣсьными ти пою припадаа, просѣхти ми дѣѣю и оумѣ спѣе.
И мени ѣю и дѣлоу послѣдоуѣа.	И ного бо не скѣмѣ разѣѣ тебе, матка соуѣа и прѣматива.
Ї аѣ сътвориѣ ѣвангѣльско слово.	Ї ако сѣи родѹмѣ матикѣ бѣ, ѡѣѣ и снѣ и стѣи дѣѣ.
Х валаѣ вѣздаа трѣи вѣ бѣѣствѣ.	Х валами та прославляа, прѣстаа живѹдавице уѣйнаа трѣе.
Ї же поуѣтѣ вѣсакѣмѣ вѣздааствѣ.	Ю же поуѣтѣ шѣстокрѣпѣи, науаальныа власти же и силы.
Ю нѣ и старѣ своимѣ разоуѣмомѣ.	Ю же конѹеѣваа молебнѹѹю пѣснь, вѣпию кѣ тебѣ стаа трѣе.

В-третьих, как можно было заметить из только что приведенных цитат из обеих молитв, есть точки соприкосновения и по мыслям, скорее второстепенным, а иногда и совпадение в словах: в первой группе примеров (на О): обращение тоже и здесь к св. Троице, хвала св. Троице (Х): **Хвалаѣ вѣздаа трѣи...** — **Хвалами та прославляа <...> трѣе**; которую воспѣвает всякий возраст (у Константина) — которую поют чины ангельские (в Ярославском тексте). Такие точки соприкосновения можно заметить и в других случаях. Например:

Рѣцѣ бо свои горѣ въздыѣ	Роуцѣ мои въздыю к тебеѣ
Фараоша ма зѣлобы избави	Фарисѣвы ма гордына избави

Эти сравнительные наблюдения над текстами можно и продолжить в интерпретациях решения, хотя бы предположительного, о происхождении нашего стихотворения. Здесь обращает на себя внимание опять-таки начало некоторых стихов: в Ярославском тексте мы находим **два** двустушия на Ю (в приведенных цитатах), у Константина соответственно также два стиха. Но у него дело ясно: одно на **ЮЖ**, другое на **Ю**, отсюда понятно, что для русского текста, отождествляющего **ЮЖ** и **Ю**, будет два **Ю** — указание на югославянский прототип нашего стихотворения. То же надо сказать о дублете стихов на **Я** (**ѿко сѣи родомъ мѣтивъ бѣ...** и **ѿздыкомъ и оумомъ тѣ славлю...**) нашего текста, которым у Константина, естественно, соответствуют **Я** и **А** (**ѿА**) (**ѿАвъ сътворж...**, **ѿЗыкъ новъ, хвалѣ въздыа присно** последнему близкие и по мысли — Ярославский текст). Если же сюда присоединить то, что сказано было раньше о лишнем двустушии на **Г** (**Гѣоны и ма избави възныа, и грозы и уервы неоуспѣающа** — у Константина соответствующего дублета на **Г** не находим), то получим еще косвенное подтверждение нашему предположению о югославянском весьма древнем образце нашего текста: он по графике был не только «юсовой», но и с **Ѣ**, каково, например, Мариинское Евангелие XI века (глаголическое). На основании той же графики древнего оригинала мы объясним и отсутствие двустушия на **Щ**: древнейшая графика не знала такого начертания, применяя его только как графическую лигатуру **Ш+Ѣ**, почему и у Константина нет также стиха на **Щ**.

Таким образом, и ближайший анализ ярославского стихотворения подтверждает априорное предположение А.И. Соболевского, отнесшего (в упомянутой статье) наше стихотворение в одну группу с заведомо югославянским стихотворением Константина Пресвитера и похвальное в честь Симеона Болгарского (в Изборнике 1073 г.)^{lvii}.

Что касается до других отмеченных мною в этой группе текстов молитв-стихов (сюда же, вероятно, надо отнести и л. 70: «стиси похвальнии Святѣи Богородици») ^{lviii}, то сказать о них что-либо определенное не берусь. Отмечу только не совсем обычное название двух из них «стихомъ», а при двух других указание «пѣние» и «пѣниемъ». То есть эти две рекомендуется исполнять пением, а не чтением, как остальные молитвы. Попытка, сопоставляя их с разобранным азбучным «пением», разложить на стихотворные строки, по-видимому, обречена на неудачу: если в одной из этих молитв (л. 202² — «таже пѣние») начало как будто бы поддается разложению (и то при условии восстановления глухих, в тексте XIII в. уже падающих), то остальное, как в этой молитве, так и в прочих, такому эксперименту не поддается совершенно, если держаться более или менее читаемого текста. Так, первые строки «пѣния» на л. 202² могут быть разложены так:

Бесплот[ѣ]но ѣство хѣровимеско^{lix}
немол[ѣ]ченными пѣсньми тѣ славятъ.
шестокрильна животна сѣрафимъ
немлченными гласы тѣ възносятъ.
ан[ѣ]гель же в[ѣ]сѣхъ воинства
трисвятыми пѣсньми тѣ славятъ.

Даже и такая попытка не приводит к результату. Какое из двух предположений вероятнее, сказать трудно: текст ли изложен прозой, и совпадение

построения начальных строк в 12-сложные строки — только случайность, или к XIII в. стихотворение так изменилось, что восстановление его без пособия других списков (а таких найти мне пока не удалось) — невозможно.

Как бы то ни было, рассмотренная группа молитв сохраняет свой характер какого-то нароста на общем плане молитвенника и составляет, сколько удалось установить, сравнивая его с другими, оригинальную черту нашего сборника.

IV. С иной стороны нас могут заинтересовать еще три молитвы из той же группы^{lx}, среди коих помещено и только что разобранный нами азбучное стихотворение, а именно:

1) на л. 204 находим (с указанием при предшествующей молитве, относящейся и к этой: «пѣниемъ», т. е. ее надо петь, а не читать) молитву: **Грядѣте вси вѣрнии и да сѧ поклонимъ владыцѣ и боу...**

2) следом за ней на л. 205 еще молитву: **Грядѣте поклонимъ сѧ, грядѣте помолимъ сѧ...**

Далее идет наше стихотворение (л. 207), а за ним еще:

3) молитва с надписанием (л. 210): **а се пяти ѿ срьдохръѧ: Кртоу твоемоу водроужешю сѧ на земли дшѧ праведныхъ радовахоу сѧ...**

Начальные слова приведенных молитв невольно сопоставляются с указаниями известной в ряде редакций и массе списков статье о книгах истинных и ложных, в частности именно с индексом ложных — апокрифических книг. Вот указания этих индексов по нескольким вариантам^{lxi}.

Индекс с заглавием: «Отъ правилъ святыхъ апостолъ». «... и съставлении мѣрстии псалми (т. е. запрещаются), яже суть сия: “Грядите” два (вариант: “Грядите вси вѣрнии...” и другое “Грядите”), “Кресту твоему водроужышоу ся...” (вариант: добавлено “на земли”) и “Ангельски вѣпиемъ...” (вариант: воспоимъ)». В одном списке прибавлено: «Се съставлено кромѣ седми соборовъ». Наиболее полную редакцию этого места индекса дает чтение рукописи XVI в. (Унд. 580, л. 393): «а се ложная писания книгам имена. составлении мѣрстии [псалми] недостойтъ правовѣрнымъ чести, понеже еретици сложиша и написаша отъ своего разума, а не отъ св. Духа. а се составлении мѣрстии псалми, иже есть: 1. кресту твоему водружышуся, 2. грядите двои, 3. ангельски вопиемъ» (Ср.: Тихонр. Соч. I, прим. стр. 37)^{lxii}.

(См.: РНБ. Кир.-Бел. XIII (нач. XV в.), л. 366об.—371; РГБ. ТСЛ фонд. № 704 (XV в.), л. 440об.—441об.; ГИМ. Син. 319^{lxiii} (XVI в.), л. 5—7об.; РГБ. собр. Ундольского № 580, л. 393; РНБ. Соф. 1444, Соф. 1264 и др.; Ср. Тихонова Пам. отр. лит. I, стр. III, № 27^{lxiv}).

Ясно, что в Ярославской рукописи второй половины XIII в. мы из четырех запрещаемых индексами «мѣрских псалмов» имеем перед собой три. Сколько мне известно, до сих пор эти псалмы не были отмечаемы в тексте, притом столь древнем, среди апокрифов, как сохранившиеся в славянском переводе, хотя и были известны составителям индекса, уже славянского (в греческих мне доступных таких статей о книгах истинных и ложных указаний на них не встретилось). Это уже одно заставляет обратить на них внимание историка литературы. А с этим связан и другой вопрос: как могли попасть в сборник молитв келейно-богослужебного характера «ложные» молитвы?

Вот несколько справок и соображений по этому поводу, какие удалось пока собрать.

Исходным пунктом для составления приведенной статьи индекса ложных книг надо признать, по-видимому, так называемое 59-е правило Лаодикийского собора, которое читается: «Не подобает чуждых псалмов глаголати в церкви». В наших Кормчих (Рязанской XIII в., Устюжской ХН в.) за этим общим запрещением «чуждых псалмов» идет и пояснение: «чужии же псалмы глаголется Соломоновы и инех многих» (по Ряз. Кормчей — у Пыпина «Для объяснения статьи о ложных книгах». Лет. зап. Арх. ком. I, 16)^{lxv}. В других также древних индексах эти «мірстии псалмы» отождествлялись (на основании 85 канона «Правил апостольских») с «псалмами некими Давидовыми» (Кормчая XIII в. — см. Тихонравов, Соч. I, 152)^{lxvi}. Но, по-видимому, ни псалмы Соломона, ни «некие Давидовы» (т.е. кроме помещенных обычно в Псалтири) или не были известны вовсе в славянских переводах (Н.С. Тихонравов, у. кн., I, прим. стр. 36)^{lxvii}, или были так мало распространены, что мы не имеем на них указаний (кроме взятых из греческого индекса). Да и русские списки, говоря о них, путаются и не дают определенных указаний. Вероятнее всего, составители славяно-русских индексов (часто дававшие свои дополнительные указания на основании знакомства с самым текстом апокрифа, каков, например, индекс, вероятно, XI в. в Погодинском номоканоне^{lxviii} XIV в.) сами неясно себе представляли, что это за «чужие», «мірские» (греч. ἰδιωτικοί) псалмы. Потому-то, кроме этих общих, неопределенных по смыслу, запрещений мы и не находим [чего-либо иного] в старейших редакциях индексов. Но в дальнейшей истории наших индексов мы уже видим ясное стремление устранить эту неясность: так называемый Киприановский индекс (приписываемый без прочных оснований русскому митр. Киприану (1390—1406), на деле восходящий к югославянским источникам) впервые разрешил этот вопрос. Видимо составитель этого индекса объединил обе точки зрения на эти подозрительные псалмы: он оставил и «некие псалмы Давидовы» и вложил определенное содержание в этот термин, повторив его и разъяснив перечнем этих песен, которые он счел «мірскими псалмами». Он их знал в том виде, в каком мы читаем их в Ярославской рукописи XIII в. Таким образом, у него получилось два ряда «мірских псалмов»: [во-первых,] какие-то Давидовы, которые он не знал, но в существование коих он верил на основании толкования 85-го апостольского канона (толкование греческое), и [во-вторых,] перечисленные нами четыре песни, которые он подвел под тот же термин «мірских псалмов», может быть, опираясь в данном случае на приведенную мною из Кормчей статью, где «чужие псалмы» — не эти, но Соломоновы (которых, кстати сказать, наверное, не было в славянском переводе, либо они ему были неизвестны, также как и нам в славянских текстах), но и «иные некие». Под это неопределенное указание легко могли подойти и наши песни, имени автора их на себе не имеющие, как это видно из Ярославского текста.

Из изложенной, разумеется, в самых общих чертах, истории так называемого Киприанова индекса легко видеть, что редакция эта (по-видимому, югославянская) уже поздняя, сравнительно с теми, которые вошли в Изборник 1073 г. и Кормчие прямо из греческих оригиналов, или с Погод[инским] Номоканоном. Косвенно это сравнительно позднее появление и известность этой новой редакции индекса на Руси находит себе подтверждение в том, что все списки этого индекса, до сих пор нам известные (текст очень популярен — мне известно до 150 — и лег в основу известного индекса Кирилловой книги 1644 г.^{lxix}), — дальше нач. XV в. не восходят: ни русские, ни югославянские (последние идут от русских текстов).

Из всего сказанного можно сделать, кажется, такой вывод: наши молитвы — «Грядите вернии», другие «Грядите» и «Кресту водружышуся» (а также

отсутствующая у нас «Ангельски вопием») стали считаться апокрифическими, объявлены были «запретными» только со времени составления «Киприанова» индекса, а до тех пор они не выделялись из массы других молитв и по своему составу и происхождению не смущали ничьей благочестивой совести. В XIII в., даже во второй его половине, когда писалась Ярославская рукопись, индекс «Киприановский» где бы и когда он ни был составлен не был известен и авторитетен на Руси и, быть может, даже еще не существовал. Таким образом, тогда эти молитвы апокрифическими еще не были, а потому без труда могли помещаться рядом с «азбучной» молитвой в числе добавочных к установленным для келейного устава.

V. Оригинальными же чертами, не безынтересными и в историко-литературном и бытовом отношении, надо счесть и кое-какие уже более мелкие черточки нашей рукописи. Это, прежде всего, так сказать, «уставные» указания, довольно часто встречающиеся в тексте, каковы:

1. **кланли сѧ до пояса. поминаи прежде писаное. тако коньуаи** (л. 91²) — далее молитва Кирилла в понедельник «по часѣхъ»;

2. **тѧ кланли сѧ за ты по давѣшнемуу оуказу по заоутрени** (л. 95) — далее молитва Кирилла во вторник «по часѣхъ»;

3. **такѡ бо юсть мнихѡу за весь миръ молити сѧ. и за врагы. и за невѣрныа. да быша вървали хѡу** (л. 97²) — далее молитва Кирилла в среду «по часѣхъ»;

4. **кланли сѧ за всѣхъ по оуставу. писанъ по заоутренѣ** (л. 100²) — перед молитвой Кирилла в четверг «по часѣхъ».

Такие указания приходятся как раз в конце молитв каждого дня «по вечерни», непосредственно перед или после молитв Кирилла Туровского, причем эти молитвы в отличии от всех остальных отмечены на полях знаком (*), обозначающим иногда, как известно, выделение добавочной статьи (как, например, в Устюжской Кормчей выделен внесенный индекс ложных книг). Среди этих указаний после молитвы Кирилла в субботу «по вечернѣ» находим такого рода «уставное» указание:

та. поклони гшды. до пояса. гла Бѣ всемогъи избавителю мои. не презри мене на тѧ всегда оуповающаго. ги помилоуи бѣ. а иныхъ не поминаи. но по неѡимонѣ. главъ мѣтѡу за крестыанъ. долженъ бо юсть мнихъ за весь миръ молитисѧ. и створивъ мѣтѡу. тако коньуавъ оуставъ сии оубогыи кюриль. тако бо достоить мнихѡу работати бѣи. не тѣкмо за своѧ молитисѧ бѡу но и за уюжаѧ. и за врагы. и не за єдины крѣстыанъ. но и за поганъа. да быша ѡбратилисѧ къ бѡу. и на бѣсы да быша имъ не створили пакости.

Эта необычная по длине тирада, видимо, связана с именем нашего Кирилла: «такѡ коньчавъ оуставъ сии (т.е. вечерни)^{lxx} оубогыи Кюриль», которого молитвы с тем же эпитетом его внесены в молитвенник. Это, по-видимому, устанавливает какую-то связь нашего сборника с деятельностью Кирилла, с свежим еще преданием, памятью об этой деятельности. Кажется, дело можно представить так, основываясь на том, что нам известно о Кирилле по его житию (оно — проложное — составлено вскоре после его канонизации; старейшие списки его, правда, дальше XVI в. не восходят)^{lxxi} и его сочинениям. Выдающийся ученый авторитет в глазах современников и ближайших потомков, в то же время замечательный подвижник и автор целого ряда молитв, Кирилл или до своего епископства, или по оставлении кафедры не остался чужд интереса к разработке монашеского келейного устава, и внес, по-видимому, кое-что свое в обычный, ходячий тогда устав. Об этом и говорит приведенная выше заметка нашей рукописи. Внося в устав то,

чего до сих пор не было, он, по-видимому, ~~устно~~¹⁸ мотивировал рекомендуемые им внесения: они-то по памяти были записаны и попали в нашу рукопись. Таким образом, в ней сохранился след деятельности Кирилла в области церковного, по крайней мере, келейного монашеского устава: иначе едва ли на него сослался, как на авторитет, внесший такого рода заметку. Если такое предположение может быть сочтено приемлемым, можно его несколько и распространить: на долю влияния Кирилла можно отнести заметки и в других молитвах, особенно в тех, где следующая за тем молитва принадлежит тому же Кириллу, и где в указаниях чувствуется текстуальная связь с «мотивировкой» приведенной заметки и его именем. Такова, например: *такѡ бо ѡсть мнихѡу зѡ весь мирѣ молити сѧ...* (л. 98).

Исходя из той же заметки о необходимости молиться за чужих, не только христиан, но и «поганыхъ», а также и «на бѣсы, да быша не сѣтворили пакости», можно предположительно допустить, что внесение в молитвенник отдельного чина «егда бывает от бѣсовскаго съблазна» (л. 218²–226²) не обошлось без влияния той же заметки с именем Кирилла. По крайней мере, в обычных иноческих потребниках, имеющих то же назначение, что наш молитвенник, этого отдела не находим. Его место занимает чин от осквернения во сне (от блудного беса). Может быть, ставлю это в виде вопроса, составитель нашего молитвенника или его прототипа ввел этот отдел, именно, руководясь преданием, идущим от Кирилла, что было тем легче, что и молитвы нашего сборника, вошедшие в этот чин, имеют главным образом в виду «осквернившегося во сне»?

VI. Наконец, о самых молитвах Кирилла, вошедших в наш сборник. По своим чтением они не представляют значительных вариантов с известными в более поздних списках и печатных изданиях. Но там, где эти отличия есть, преимущество следует, естественно, отдать списку XIII в. как более близкому к подлиннику, притом списку, по-видимому, особенно внимательно писавшемуся в силу указанного только что своего рода особого пиетета к имени Кирилла. Оригинал нашего текста молитв, по-видимому, был близок к автографу автора: ни в одном случае в заглавиях, как мы видели, Кирилл не получил еще эпитета «святого», «блаженного» или «преподобного», как это мы видим в более поздних и обычных текстах. К сожалению, мы имеем в нашей рукописи только часть гимнологического наследия Кирилла: 18 лишь молитв (не 13, как считает Е.В. Барсов) из более чем 30, считающихся принадлежащими Кириллу. Зато та хорошая «Кирилловская» традиция, которую мне хотелось отметить в анализе ярославской рукописи, дает некоторое право заглянуть и в самый процесс создания этих молитв Кириллом. Нахождение их в келейном монашеском сборнике, хотя и оригинального состава, наводит на предположение, что и писались эти молитвы применительно к существовавшему уже сложившемуся типу монашеского келейного молитвенника, иначе: Кирилл писал свои молитвы (по крайней мере эти 18) находя недостаточным для выражения своего молитвенного настроения то, что было до него в молитвенниках этого типа. Это, по-видимому, сохранило и предание: если даже не сам Кирилл добавлял после обычных молитв свои, то, во всяком случае, руководясь его пониманием своей задачи, сделали это ближайшие его наследники. Недаром так последовательно его молитвы занимают определенное место добавлений в ряду других по плану молитвенника, где этот план ясен, и в качестве дополнений выделены и графически особым значком (*).

¹⁸ *Вместо зачеркнутого слова над строкой вписано: «если он это мотивировал устно, а не сам вписал (что возможно)».*

Информация об авторе

Information about the author

Иеромонах Далмат (Юдин),

кандидат богословия,
доцент кафедры филологии
Московской духовной академии,
г. Сергиев Посад, Российская Федерация;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1560-0071>
E-mail: mon.dalmat@gmail.com

Hieromonk Dalmat (Yudin)

PhD (Theology),
Associate Professor at the Department
of Philology at the
Moscow Theological Academy,
Sergiev Posad, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1560-0071>
E-mail: mon.dalmat@gmail.com

ⁱ Вопрос о влиянии древнерусской литературы на южнославянские разрабатывался М.Н. Сперанским многие годы, для чего он, в частности, неоднократно совершал исследовательские поездки на Балканы, поддерживал тесные связи с учеными-славистами: И.В. Ягичем, Л. Стояновичем, М. Решетаром и др. Результаты его исследований нашли отражение в ряде статей, которые вместе с неизданными работами 1920–1930-х годов составили основу сборника: *Сперанский М.Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. Автографы трудов Сперанского хранятся в личном фонде ученого (РГАЛИ. Ф. 439. Оп. 1). Что касается современного изучения взаимовлияния славянских литератур, то вопрос этот рассмотрен в работах А.А. Турилова, который подводит итог исследовательской деятельности М.Н. Сперанского, а также сообщает новые данные по феномену так называемого первого восточнославянского влияния на южнославянские литературы. См. статьи раздела II («Культурные связи Руси с южными славянами в XII–XIII вв.: “первое восточнославянское влияние”») в монографии: *Турилов А.А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и историкокультурное исследование истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012.

ⁱⁱ *Соколов М.И.* Некоторые произведения Кирилла Туровского в сербских списках // Древности. Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1902. Кн. 3. С. 223–234. Сборник попа Драголя датируется второй половиной XIII в.; роспись состава рукописи М.И. Соколов опубликовал в более ранней статье: *Соколов М.И.* Сербский пергаменный сборник П.С. Сречковича // Материалы и заметки по старинной славянской литературе. М., 1888. Вып. 1 (I–V). С. 5–22.

ⁱⁱⁱ Речь идет о изданиях торжественных слов и учительных сочинений: *Калайдович К.Ф.* Памятники российской словесности XII в., изданные с объяснением, вариантами и образцами почерков. М., 1821; Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского / изд. Евгения, еп. минского и туровского. К., 1880. Публикация некоторых слов, которые предположительно приписываются свт. Кириллу, см.: *Никольский Н.К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности // СОРЯС. СПб., 1907. Т. 82. Ч. 4. С. 65–87. Объем гомилетических текстов свт. Кирилла Туровского, достоверно ему принадлежащих, впервые установил митр. Макарий (Булгаков) (*Макарий, еп. Винницкий*. Св. Кирилл, епископ Туровский, как писатель // ИОРЯС. Т. V. СПб., 1856. С. 225–263). Современные исследователи обычно привлекают все то же corpus текстов, поскольку состав его получил подтверждение в фундаментальной работе И.П. Еремина (*Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 342–367).

^{iv} Имеются в виду издания сборника келейного правила «Молитвы повседневные» Виленского Свято-Духова братства, который составлен для православного населения Вильны и переиздавался неоднократно с 1595 г. вплоть до 1635 г. (в настоящее время известно большее число изданий, см.: *Кніга Беларусі: 1517–1917 гг.: зводны каталог / склад. Г.Я. Галенчанка и др.* Минск, 1986. № 32, 44, 58, 68, 70, 76, 96, 109, 119). Содержание сборника составляют дополнительные молитвы к Часослову (т.е. к суточному богослужебному кругу), среди которых впервые напечатан цикл седмичных молитв свт. Кирилла Туровского (начиная со 2-го издания: Вильна, тип. Братства, 1596).

^v Речь идет об известных трудах по истории Русской Церкви акад. Е.Е. Голубинского и митр. Макария (Булгакова), а также о работах по истории древнерусской литературы проф. И.Я. Порфирьева. Митр. Макарий работал также в области древнерусской литературы, см.: *Абрамович Д.И.* О трудах митрополита Макария (Булгакова) в области древней русской литературы. Петроград, 1918.

^{vi} *Соколов М.И.* Некоторые произведения Кирилла Туровского в сербских списках // Древности. Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1902. Кн. 3. С. 235–238 (приведены инципиты молитв цикла, полностью дан текст молитвы во вторник после часов). Список молитв по рукописи № 306 Белградской народной библиотеки содержит полный цикл молитв (по три на каждый день недели: после утрени, часов и вечерни), что не редкость для южнославянских богослужебных сборников XVI–XVII вв., как показано в статье: *Николова С.* Кирил Туровски и южнославянската книжнина // Старобългаристика. 1988. № 3. С. 38–51.

^{vii} В основу издания цикла молитв в журнале «Православный собеседник, издаваемый при Казанской Духовной академии» (1857. Кн. 3–4) положен список РНБ, Сол. 802/912 (втор. пол. XV в.), который представляет собой новгородскую копию с синхронного источника киевской редакции молитв, которая в ряде чтений поновляет архаизмы в языке авторской редакции.

^{viii} Критическое издание осуществлено Е.Б. Рогачевской (*Рогачевская Е.Б.* Цикл молитв Кирилла Туровского. Тексты и исследования. М., 1999). Выделено две редакции, основанием чему послужил

«функциональный признак»: наличие/отсутствие уставных помет, тогда как «текстуальные разночтения являются производными от функциональных изменений» (*Рогачевская Е.Б.* Цикл молитв. С. 33). Список молитв Ярославского Часослова помещен на с. 177–191 отдельно от критического издания, хотя формально отнесен к первой редакции.

^{ix} Из последующего текста статьи видно, что Сперанский пользуется вторым из указанных изданий, по которому рукопись упоминается как «Чиновник разных церковных чинов» (*Срезневский И.И.* Древние памятники. Стб. 76). Данное название находим на самой рукописи в записи карандашом, писанной в 1898 г. А. Равевским, который делал доклад о Часослове: *Равевский А.С.* О Часослове библиотеки Ярославского архиерейского дома XIII в. // Труды одиннадцатого Археологического съезда в Киеве 1899 г. М., 1902. Т. II. Протоколы. С. 72–73.

^x *Барсов Е.В.* Харатейный список XIV в. молитв Кирилла Туровского // Труды седьмого Археологического съезда в Ярославле 1887 г. Т. III. М., 1892. С. 46–51.

^{xi} Соколов ссылается на доклад Е.В. Барсова о Ярославском Часослове, добавляя, что «молитвы К. Туровского по этой рукописи доселе не напечатаны» (*Соколов М.И.* Некоторые произведения Кирилла Туровского. С. 236).

^{xii} В предисловии к изданию текста «Молитва на дьявола» (СПб., 1899) Ярославский Часослов датируется второй половиной XIII в. и относится по месту происхождения к юго-западной Руси. Позднее А.И. Соболевский подтвердил свое мнение при издании еще нескольких текстов из этой рукописи: *Соболевский А.И.* Русские молитвы с упоминанием западных святых // *Соболевский А.И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 36.

^{xiii} В настоящее время рукопись хранится в научной библиотеке Ярославского музея-заповедника под № 15481.

^{xiv} Лист поступил в ГИМ в составе собрания Барсова в 1914 г. Указанный шифр сохраняется по сей день: ГИМ. Барс. 347.

^{xv} Молитва-помянник (л. 57об.–64об.), о которой говорит М.Н. Сперанский, содержит, по моим наблюдениям, как минимум пять фраз, повторяющих слова молитвы прп. Феодосия Печерского «за вся крестьяны» (например «Господи обрати поганыя на крестьянство», «покой Господи душа раб своих правовѣрных князи наши» и др.). Это заставляет думать, что перед нами текст не переводной, но древнерусского происхождения.

^{xvi} См.: *Никольский Н.К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб.: Тип. Имп. АН, 1906. С. 195.

^{xvii} См.: *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). Общее повременное обозрение. СПб.: Тип. Имп. АН, 1882. Стб. 76.

^{xviii} *Волков Н.В.* Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI–XIV вв. и их указатель / Издание ОЛДП. [СПб.:] Тип. И.Н. Скороходова, 1897. (Памятники древней письменности. СХХIII).

^{xix} *Барсов Е.В.* Харатейный список XIV в. молитв Кирилла Туровского // Труды седьмого Археологического съезда в Ярославле 1887 г. М., 1892. С. 46–51. Т. III.

^{xx} *Соколов М.И.* Некоторые произведения Кирилла Туровского в сербских списках // Древности. Труды славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1902. Кн. 3. С. 223–238.

^{xxi} Молитва на дьявола: церковнославянский текст западнославянского происхождения / предисл. А.И. Соболевского. СПб.: фотолитографическое издание при СПб. Археологическом институте М.И. и В.И. Успенских, 1899.

^{xxii} Его классический труд (*Шепкин В.Н.* Учебник русской палеографии. М., 1918) не содержит упоминания о Яр Ч.

^{xxiii} То есть аргумент строится не на положительных фактах, а на отсутствии утверждений.

^{xxiv} Написания с «новым ъ», в том числе те, которые перечисляет М.Н. Сперанский в пунктах 1 и 2, впервые выделил А.И. Соболевский в качестве характерной языковой особенности группы рукописей галицко-волинского происхождения (см.: *Соболевский А.И.* Очерки из истории русского языка // *Соболевский А.И.* Труды по истории русского языка: в 2-х т. Т. 1. М., 2004. С. 1–69).

^{xxv} Современный шифр: РГБ. Ф. 173.1 (Музейное собр.), № 3168. «Евсевиево Евангелие», апракос краткий. 1283 г. 1^о, 140 л. (памятник галицко-волинский).

^{xxvi} *Голоскевич Г.К.* Евсевиево Евангелие 1283 года: Опыт историко-филологического исследования. СПб., 1914.

^{xxvii} *Голоскевич Г.К.* Евсевиево Евангелие. С. 33.

^{xxviii} Наречие от прилагательного «окатный» (устар.) – «округлый».

^{xxix} Творения святого отца нашего Кирилла, епископа Туровского / изд. Евгения, еп. Минского и Туровского. Киев, 1880. Предисловие.

^{xxx} Сейчас этот Сборник слов и поучений хранится в Основном собрании рукописной книги РНБ с шифром Ф.п.1.39 (втор. пол. XIII в., 4^о, 184 л.). На внутренней стороне верхней крышки переплета – бумажная наклейка с надписью: «Из библиотеки графа Ф.А. Толстова. Отдел I, № 8».

^{xxxi} Анализ всех существующих описаний сборника, а также роспись состава содержащихся в нем гимнаграфических текстов см. в работе: *Далмат (Юдин), иером.* История и проблемы описания Ярославского Часослова XIII в. // Богословский вестник. 2020. № 2 (37). С. 258–292.

^{xxxii} Началом сохранившейся части рукописи следует считать 5-й лист. Перед ним в Ярославском Часослове ошибочно подшита неполная тетрадь из середины рукописи (четыре листа 57-й тетради). Сперанский

не учитывает перестановки листов, говорит о первом листе 57-й тетради, где находится начало чина мефимона перед которым — заключительная фраза молитвы свт. Кирилла в пяток «по вечерни» и уставные указания к совершению данной молитвы, которые включают покаянный стих (краткую молитву, произносимую вместе с поклонами).

^{xxxiii} Учитывая механическую перестановку листов в рукописи, структура Сборника в действительности иная (курсивом отмечены основные чины Часослова, тогда как прочие молитвы лишь дополняют их): 1. *Чин часов* (без начала): часы с 7-го по 12-й (л. 5–73об.). 2. Собрание молитв «кончавше часы» (л. 73об.—89) и молитвы «по часех» свт. Кирилла Туровского (л. 89–108об.). 3. Собрание молитв на разные случаи (л. 108об.—131об.); 4. *Чин вечерни* (л. 131об.—154). 5. Молитвы «по вечерни» свт. Кирилла Туровского (л. 154об.—201об., 1). 6. *Чин мефимона* (л. 1–4, 202–218об.). 7. Последование «аще съблзнит сътона во снѣ» (без конца) (л. 218об.—226об.).

Далее в комментариях буду давать поправку к докладу М.Н. Сперанского, указывая место текстов в Ярославском Часослове с учетом перестановки листов.

^{xxxiv} Эти тексты относятся к чину мефимона.

^{xxxv} Перечисленные тексты из состава мефимона представляют собой группу переводных греческих гимнов *κατὰ στίχων* (кроме молитвы-азбуковника — славянское подражание византийскому образцу), которые в древнерусских часословах стали популярным дополнением внутри стандартного чина мефимона в Часослове. Подробнее о бытовании гимнов *κατὰ στίχων* в восточнославянской книжности см.: *Andreev Aleksandr, Hieromonk Dalmat (Yudin). Kata Stichon Hymnography in the East Slavic Tradition // Religions (MDPI). 2022. Vol. 13. Issue 1: 40. P. 1–27. <https://doi.org/10.3390/rel13010040>.*

^{xxxvi} То есть помеченных в киноварном надписании числом согласно порядку в составе последования.

^{xxxvii} Мефимон — древнерусское название службы повечерия (т.е. совершаемой после «вечери» — вечерней трапезы), тогда как «изобразительны» (в древнерусских источниках назывались «обедница») — это заключительная часть чина часов, который также именовался на Руси чин «обедний». То есть у автора терминологическая путаница, поскольку им не учтена перестановка листов в рукописи.

^{xxxviii} Указанная молитва находится в конце чина часов.

^{xxxix} То есть отличия, изменения.

^{xl} Латинский оригинал молитвы был найден и опубликован М. Вепржеком (критический текст по четырём спискам IX–XIV вв.) в параллель со славянским переводом по списку Ярославского Часослова (л. 73об.—78об.): *Vepřek M. Modlitba sv. Řehoře a Modlitba vyznání hříchů v církevněslověnské a lattinské tradici. Olomouc, 2013. S. 108–129.*

^{xli} См. критическое издание Евхология: *Goar J. Εὐχολόγιον sive Rituale Graecorum. Ed. Secunda. Venetiis, 1730.*

^{xlii} *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. T. XVII. S. Ambrosius Mediolanensis. Parisiis, 1879.*

^{xliii} *Соболевский А.И. К хронологии древнейших церковнославянских памятников // ИОРЯС. 1906. Т. IX. Кн. 2. С. 1–19.*

^{xliv} Синайский Евхологий (Синайский Требник, Синайский Служебник) — глаголическая рукопись XI в., основная часть которой находится в библиотеке монастыря св. Екатерины на Синае (Sinait. slav. 37–106 л., Sinait. slav. 1/N — 28 л.), а фрагменты — в рукописных собраниях Санкт-Петербурга (РНБ. Глаг. 2–2 л., Глаг. 3–1 л.; БАН. 24.4.8–1 л.). Содержит неполный перевод Требника (синайские части и РНБ. Глаг. 3), три листа Служебника (РНБ. Глаг. 2; БАН. 24.4.8). Первое научное издание Евхология (в кириллической транскрипции), которое имел под руками М.Н. Сперанский, осуществил Л. Гейтлер: *Geitler L. Euhologium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda. Zagreb, 1882.*

^{xlv} Создатель данного свода чинов экзорцизма — Джироламо Менги (frater Hieronymus Mengus Vitellianensis, 1529–1609). Тратат впервые издан в 1577 г. (Bologna, G. Rossi).

^{xlvi} *Geitler L. Euhologium. Glagolski spomenik. P. 30, 32.*

^{xlvii} Рукопись ГИМ, Синодальный собр. № 675 по описанию: *Горский А., прот., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. Отд. 3: Книги богослужебные. Ч. 1. М.: Синодальная тип., 1869. С. 128–149. № 371. Требник, пергам., 2^о, кон. XIV — нач. XV в.*

^{xlviii} *Goar J. Εὐχολόγιον sive Rituale Graecorum. P. 569.*

^{xlix} Это дополнительная молитва-помянник в конце чина часов (л. 57об.—64об.), а именно: в составе «обедницы» после Символа веры.

ⁱ Кроме названных М.Н. Сперанским молитв, которые могли бы претендовать на латинское происхождение, М. Вепржек нашел и издал латинский оригинал еще одной молитвы из Ярославского Часослова: «Молитва исповѣданию грѣхов» (л. 147–151об.). См.: *Vepřek M. Modlitba sv. Řehoře a Modlitba vyznání hříchů. S. 144–163.*

ⁱⁱ Между листами 201 и 202 должны быть оставшиеся листы той тетради (57-й), которая ошибочно подшита в начале рукописи, т.е. по существующему счету л. 1–4. На этих листах окончание молитвы «в пяток по вечерни», вслед за ней начинается чин мефимона, в котором недостает части текстов, а именно: Пс. 30, Пс. 90 и гимна «С нами Бог», от которого сохранился лишь заключительный рефрен на л. 202.

ⁱⁱⁱ Для обозначения буквы «гервь» М.Н. Сперанский дает современный кириллический символ (Ҫ), тогда как изначально начертание было симметричным (Ж). Из старославянских азбук «гервь» существует только в глаголице (ꙮ).

^{liii} Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1900. Кн. XVI–XVII. С. 321–323. Переиздание см.: *Соболевский А.И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 13–17.

^{liv} Реконструкцию Азбуковника как 12-ти сложного стиха см.: *Якобсон Р.О.* Заметки о древнеболгарском стихосложении // ИОРЯС. 1919. Пг., 1923. Т. XXIV. Кн. 2. С. 351–358. Анализ молитвы-Азбуковника на с. 354–357.

^{lv} Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. XVI–XVII. С. 319–320. Переиздание см.: *Соболевский А.И.* Материалы и исследования. С. 9–11.

^{lvi} Речь идет, судя по всему, о древнейшем списке азбучной молитвы: ГИМ. Син. 262. Евангелие учительное Константина Преславского. Перв. четв. XII в. Л. 2–3.

^{lvii} Похвала болгарскому царю Симеону (имя заменено на имя заказчика — вел. кн. Святослава Ярославича) дважды помещена в рукописи по старшему списку: ГИМ. Син. 1043 (31-д). Изборник. 1073 г. Л. 2–20б., 263об.—264.

^{lviii} После Пс. 33 в конце обедницы под указанным заглавием здесь находится подборка гимнов из трех тропарей в честь Божией Матери и молитва к Ней.

^{lix} Метрика византийского гимна-прототипа (как и ряда иных гимнов κατὰ στίχων) исследована: *Maas P.* Gleichzeitige Hymnen in der byzantinischen Liturgie // *Byzantinische Zeitschrift*. 1909. Bd. 18. S. 309–323. Данный гимн — стандартный текст в чине мефимона древнерусских Часословов студийской традиции, который сохраняется на своем месте и в чине великого повечерия нынешнего Часослова. Это единственный гимн κατὰ στίχων, который традиционно используется в составе как византийского, так и славянского Часослова.

^{lx} Три текста из группы гимнов κατὰ στίχων, которые были популярны в древнерусских Часословах, о чем см. комментарий выше.

^{lxi} Этот памятник отчасти исследован, см. статью: Книг отреченных список // ПЭ. М., 2014. Т. 36. С. 76–77. Наиболее полная публикация списков индекса см.: *Грицевская И.М.* Индексы истинных книг. СПб., 2003. В данной монографии на материале 186 списков выделены разновидности и редакции индексов книг истинных и ложных.

^{lxii} Ср.: *Тихонравов Н.С.* Сочинения: в 3-х т. СПб., 1898. Т. 1. С. 37, прим.

^{lxiii} Номер дан по описанию Синодального собрания Горского-Невоструева. Современный шифр: ГИМ. Син. 853 (Сборник разных поучений, повестей и житий святых. 4^о, 256 л.).

^{lxiv} Ср.: *Тихонравов Н.С.* Памятники отреченной литературы. (Приложение к сочинению «Отреченные книги древней России»). СПб., 1863. Т. 1. Стр. III. № 27.

^{lxv} *Пыпин А.Н.* Для объяснения статьи о ложных книгах // Летопись занятий Археографической комиссии за 1861 г. СПб., 1862. Вып. I. С. 16.

^{lxvi} См.: *Тихонравов Н.С.* Сочинения. Т. 1. С. 152.

^{lxvii} *Тихонравов Н.С.* Сочинения. Т. 1. С. 36, примеч.

^{lxviii} РНБ. Собр. Погодина, № 31. Сборник канонический, втор. пол. XIV в., 8^о (древнерус.). Л. 187: Индекс запрещенных книг Лаодикийского собора, правило 59.

^{lxix} Подробнее см.: *Опарина Т.А.* Кириллова книга // ПЭ. М., 2014. Т. 34. С. 682–684. Это богословско-полемический сборник, в котором впервые изданы (в качестве дополнения) индексы истинных и ложных книг, составленные не позднее начала XVII в. на базе как древних списков, так и новых источников (включает ряд новых названий и имен, которые никогда не перечислялись в индексах рукописной традиции).

^{lxx} Скорее всего, речь идет об уставе келейного чтения дополнительных молитв, а не о чине вечерни, поскольку цитируемое указание сопровождает молитвы «по вечерни» свт. Кирилла Туровского.

^{lxxi} Публикация критического текста (по 14 источникам) проложного жития свт. Кирилла см.: *Со Сон Джонг.* Творчество Кирилла Туровского в контексте книжности его эпохи (Пролог как источник произведений Кирилла Туровского): Дис. ... канд. филол. Наук. СПб., 2003. Основной список жития относится к рубежу XIV–XV вв.: РНБ. Собр. СПбДА, А1/264 (2). Пролог. Март–август. («Спасо-Прилуцкий Пролог»).



К 100-летию Сигурда Оттовича Шмидта

© 2022 г. Д.А. Боровков

Свободный исследователь
(Москва, Российская Федерация)

brancalone85@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления научной деятельности С.О. Шмидта, анализируется его вклад в изучение истории российской государственности XVI в., региональной истории, источниковедения, историографии и т.д.

Ключевые слова: С.О. Шмидт, Иван IV Грозный, историография, средневековая Россия.

Ссылка для цитирования: Боровков Д.А. К 100-летию Сигурда Оттовича Шмидта // *Славяноведение*. 2022. № 2. С. 140–142. DOI: 10.31857/S0869544X0019026-1

To the Centenary of Sigurd O. Schmidt

© 2022. D.A. Borovkov

Independent researcher
(Moscow, Russian Federation)

brancalone85@mail.ru

Abstract. The article sheds light on the major trends in the scientific works of Sigurd O. Schmidt. The contribution of the scholar in the investigation of history of Russia in the 15th century, as well as in regional history, source criticism, historiography, etc. is analyzed.

Key words: Sigurd O. Schmidt, Ivan IV the Terrible, historiography, Medieval Russia.

Reference for citation: Borovkov D.A. To the Centenary of Sigurd O. Schmidt // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No 2. P. 140–142. DOI: 10.31857/S0869544X0019026-1

С.О. Шмидт родился в семье географа и математика О.Ю. Шмидта. Среднее образование получил в Единой трудовой опытно-показательной школе № 10 им. Ф. Нансена (позднее общеобразовательная школа г. Москвы № 110 им. акад. Н.Д. Зелинского).

Научно-исследовательская деятельность С.О. Шмидта началась в 1939–1940 гг. в семинаре известного советского историка М.Н. Тихомирова на историческом факультете МГУ, который он закончил в 1944 г.

С 1949 г. С.О. Шмидт был преподавателем МГИИИ (профессор с 1970 г.), с 1991 г. — профессором РГГУ (почетный доктор, *honoris causa*, с 1997, заслуженный профессор РГГУ с 2006 г.). В 1956—2001 гг. С.О. Шмидт работал в Институте истории АН СССР (с 1968 г. — Институт истории СССР, с 1992 г. — Институт Российской истории РАН), а с 2001 г. — в Институте славяноведения РАН. С 1968 г. С.О. Шмидт был председателем, а с 2002 г. — почетным председателем Археографической комиссии. В 1989 г. С.О. Шмидт получил звание заслуженного деятеля науки РСФСР, в 1992 г. был избран действительным членом РАО, в 1997 г. — иностранным членом АН Польши; с 2002 г. — советник РАН. В 1990 г. С.О. Шмидт был избран председателем, а в 2007 г. — почетным председателем Союза краеведов России.

Центральной темой научного творчества С.О. Шмидта на протяжении нескольких десятилетий являлась общественно-политическая история России XVI столетия. В процессе ее разработки был пройден долгий путь — от студенческого доклада «Идеология самодержавия в сочинениях Ивана Грозного» и дипломной работы «А.Ф. Адашев — сподвижник Ивана Грозного» (1944), к кандидатской диссертации «Правительственная деятельность А.Ф. Адашева и восточная политика Русского государства в середине XVI столетия» (1949) и докторской диссертации «Исследования по социально-политической истории России XVI века» (1965). Результатом изучения этого исторического периода стала монография «У истоков российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного» (1973, 2-е, полное издание книги опубликовано в 1996 г. под названием «У истоков российского абсолютизма»), которая органично вписалась в историографический контекст исследований русской государственности XVI столетия, сформированный работами С.В. Бахрушина, И.И. Смирнова, А.А. Зимина, С.М. Каштанова, Н.Е. Носова и других авторов. В этой книге С.О. Шмидт дал подробную реконструкцию Московского восстания 1547 г., опираясь не только на письменные источники, но и на такой специфичный материал, как миниатюры «Царственной книги», являющейся составной частью крупнейшей летописной компиляции XVI в., — Лицевого Летописного свода, детальное исследование которого позднее было продолжено его учениками (А.А. Амосовым, В.В. Морозовым и др.); исследователь конкретизировал процесс становления сословно-представительной монархии в третьей четверти XVI в., проследил этапы формирования бюрократического аппарата Московского царства и генезис местничества. С.О. Шмидт стремился уделить внимание не только социальным процессам, изучение которых являлось традиционным для советской историографии — его внимание привлекали также проблемы исторической психологии, связанные с реконструкцией отношения к историческим событиям широких масс, поэтому, на страницах этой книги наряду с обязательными для того времени ссылками на работы классиков марксизма можно обнаружить и ссылки на труды классиков «Новой исторической науки» Ф. Броделя и Р. Мандру, что делает исследование С.О. Шмидта актуальным и для современной антропологически ориентированной историографии.

Еще одна монография С.О. Шмидта «Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного» (1984, 2-е изд. 2007) являлась итогом многолетней работы над описью Царского архива, подготовленной к печати в 1960 г. («Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 года»), где, с одной стороны, расширен диапазон интерпретации миниатюр Синодального списка Лицевого Летописного свода и «Царственной книги» в качестве источников по истории «боярского правления» 1538—1547 гг., а с другой — затронут комплекс вопросов, посвященных истории формирования государственного архива Московского царства и его роли в летописной традиции третьей четверти XVI в. Особое внимание Шмидт уделил вопросу о работе над архивными документами Ивана Грозного и его возможном участии в редактировании официальной летописи, став одним из немногих советских исследователей, обративших внимание на необходимость учета не только идейно-политических, но и психологических факторов личности царя при интерпретации знаменитых редакторских глосс на страницах Синодального списка Лицевого Летописного свода и «Царственной книги». Диапазон интересов С.О. Шмидта в отношении истории XVI в. отнюдь не ограничился вышеперечисленными темами, наряду с которыми в ряде работ были затронуты проблемы стилистических особенностей публицистики Ивана Грозного («Заметки о языке посланий Ивана Грозного», 1958); переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским («К истории переписки Курбского и Ивана Грозного», 1976; «Об адресатах Первого послания Ивана Грозного князю Курбскому», 1976); публицистического творчества Андрея Курбского («К изучению “Истории” князя Курбского (о поучении Сильвестра)», 1968; «О “жестокой летописи” князя Курбского», 2000); анализа внешнеполитической документации Русского государства («Посольские книги Российского государства XV—XVI столетий как памятник истории и культуры», 1999; «Документы внешних сношений и развитие культуры Руси допетровского времени», 2001); приказного делопроизводства («О приказном делопроизводстве в России второй половины XVI века», 1999) и др. Изучение более ранних

памятников русской письменности в творчестве С.О. Шмидта представлено более фрагментарно, например в статье «Слово о полку Игореве» и развитие понятия о памятнике культуры», 1985. В то же время исследование большого количества письменных памятников способствовало появлению ряда методологических работ («Современные проблемы источниковедения», 1969; «О классификации исторических источников», 1985 и др.), в которых были выделены предмет и метод источниковедения, конкретизировано понятие «исторический источник», предложены критерии классификации исторических источников и т.д.

На рубеже 1980–1990-х годов в творчестве С.О. Шмидта сложились новые направления исследовательского поиска. Во-первых, это изучение источников и историографии российского краеведения, начатое в статье «Церковно-приходские летописи как источник по истории русской деревни» (1974) и продолженное в работах «Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материал» (1993); «Краеведение и документальные памятники» (1992); «Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов» (1996) и других, которые способствовали возрождению этой дисциплины и выходу ее на новый уровень развития. Во-вторых, это изучение русской дворянской культуры XIX в., реконструируемой через призму литературного творчества Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, которое стимулировало появление работ общего характера, например статьи «Общественное самосознание *noblesse russe* в XVI – первой трети XIX века» (1993), в которой к обсуждению предлагалось понятие дворянской «чести» и исследование механизма ее реализации в идее общественного «Служения». В процессе культурологических изысканий были созданы предпосылки для синтеза разных полей научного творчества С.О. Шмидта, в котором изучение дворянского самосознания переплелось с изучением местничества; изучение истории русских средневековых архивов нашло продолжение в изучении «литературного элемента» в персональном составе служащих Московского архива МИД в XIX в. (статьи «Российские литераторы и российская дипломатия», 1992; «Архивны юноши толпою», 2003, и др.); исследования истории Москвы сомкнулись с изучением творческого наследия А.С. Пушкина (статьи «У Харитонья в переулке...», «В Москве, живет у Симеона...» – социотопографические приметы Москвы в «Евгении Онегине», 2004), в их числе специальные работы, затрагивающие проблему репрезентации исторических событий в литературных произведениях («Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений», 1992; «Памятники художественной литературы как источник исторических знаний», 2002).

Среди работ этого периода следует обратить внимание на цикл публикаций, посвященных «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, начатый С.О. Шмидтом статьей «История государства Российского» в культуре дореволюционной России» (1988), которая сопровождала репринт издания И. Эйнерлинга со справочными приложениями П.М. Строева (1842–1844), ставший первым изданием монументального карамзинского труда в советскую эпоху, и получивший продолжение в статье «История государства Российского» Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры» (1989).

Эти работы способствовали формированию объективного взгляда на историографическое наследие Карамзина, его влияния на общественную жизнь XIX в.; можно сказать, что они «открыли» Карамзина широкому кругу советских читателей, подобно тому, как сам Карамзин открывал своим читателям в первой четверти XIX в. историю средневековой России. В 1990-е годы к этим работам прибавилось несколько публикаций, освещающих специальные вопросы («Пушкин и Карамзин», 1992; «“История государства Российского” Н.М. Карамзина в культуре российской провинции», 1996, и др.). Фигура Карамзина находилась в центре культурологических исследований Шмидта, к которому сходились сюжетные линии многих других его работ. Его вклад в изучение истории исторической науки не ограничивался «карамзинской темой»: в разные годы им были опубликованы исторические очерки как о дореволюционных (А.С. Лаппо-Данилевский, Н.П. Павлов-Сильванский, В.О. Ключевский, И.Е. Забелин, С.Ф. Платонов), так и о советских исследователях (С.В. Бахрушин, Н.Н. Воронин, Н.М. Дружинин и др.). Одной из последних книг, опубликованных С.О. Шмидтом, стал сборник статей «Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции» (2012).

Настоящая работа, разумеется, не исчерпывает всех граней научного творчества С.О. Шмидта, однако позволяет не только представить основные тенденции его развития, но и продемонстрировать актуальность его трудов для современной историографии.

Сведения об авторе

Боровков Дмитрий Александрович
кандидат исторических наук.
E-mail: brancalone85@mail.ru

Information about the author

Dmitry A. Borovkov –
Ph D. (History).
E-mail: brancalone85@mail.ru



Творческий путь Людмилы Эдуардовны Калнынь

© 2022 г. А.В. Тер-Аванесова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Российская Федерация)

teravan@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой краткий обзор основных тем, над которыми работала Людмила Эдуардовна Калнынь (1926–2021) — выдающийся специалист в области славянской диалектологии. Говорится о вкладе Л.Э. Калнынь в разработку проблем фонетики и фонологии славянских диалектов, в описательную диалектологию и лингвистическую географию славянских языков; о ее участии в создании ряда диалектологических атласов славянских языков, в особенности Общеславянского лингвистического атласа; о вкладе Л.Э. Калнынь в разработку теоретических основ описания славянских диалектов, в том числе в изучение языковой вариативности, социально-исторической обусловленности языковых изменений на материале славянских диалектов. Подчеркивается, что в своем научном творчестве Л.Э. Калнынь строго следовала принципу системного анализа данных и разграничения плана синхронии и диахронии, настаивала на необходимости полных описаний диалектов. Говорится о выдающихся организационных способностях Л.Э. Калнынь: организации ежегодных международных «круглых столов» по проблемам славянской диалектологии и подготовке по их итогам сборников под общим названием «Исследования по славянской диалектологии», ставших одним из серийных изданий Института славяноведения РАН.

Ключевые слова: Людмила Эдуардовна Калнынь, славянская диалектология, фонетика, фонология, диалектологический атлас.

Ссылка для цитирования: Тер-Аванесова А.В. Творческий путь Людмилы Эдуардовны Калнынь // Славяноведение. 2022. № 2. С. 143–150. DOI: 10.31857/S0869544X0019030-6

Academic profile of a scholar: Lyudmila Eduardovna Kalnyn'

© 2022. A.V. Ter-Avanesova

V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language
of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

teravan@mail.ru

Abstract. The article is a brief overview of the main topics that Lyudmila Eduardovna Kalnyn' (1926–2021), an outstanding specialist in the field of Slavic dialectology, worked on. The contribution of L. E. Kalnyn' to the studies of phonetics and phonology of Slavic dialects, to the descriptive dialectology and linguistic geography of Slavic languages, her participation in a number of dialectological atlases of Slavic languages, including the All-Slavic Linguistic Atlas, her contribution to the development of the theoretical foundations of the description of Slavic dialects, including the study of linguistic variability, social and historical conditions of linguistic changes on the material of Slavic dialects are observed. It is emphasized that in her scientific work L. E. Kalnyn' strictly followed the principle of systemic data analysis and differentiation of synchrony and diachrony, insisted on the complete descriptions of dialects. The article mentions the outstanding organizational abilities of L. E. Kalnyn': she has initiated annual international «round tables» on the problems of Slavic dialectology and publication of collective monographies under the general title «Studies in Slavic Dialectology», which became one of the serial publications of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Lyudmila Eduardovna Kalnyn', Slavic dialectology, phonetics, phonology, dialectological atlas

Reference for citation: *Ter-Avanesova A. V. Academic profile of a scholar: Lyudmila Eduardovna Kalnyn' // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2022. No. 2. Pp. 143–150. DOI: 10.31857/S0869544X0019030-6*

11 февраля 2021 г. на 95-м году ушла из жизни Людмила Эдуардовна Калнынь — крупнейший специалист в области славянской диалектологии. Ученица Р.И. Аванесова, Л.Э. Калнынь продолжала и развивала традиции Московской фонологической школы и московской школы лингвистической географии. В центре научных интересов Л.Э. Калнынь на протяжении всего ее творческого пути были фонетика и, особенно, фонология славянских языков и диалектов, которая занимала главенствующее место: ею исследованы фонологические системы современных славянских диалектов, их проекция в «макросистемы» диалектных языков, их праславянские истоки и формирование индивидуальной для говора или их совокупности «фонетической программы слова» — набора правил реализации фонологических единиц. Несколько масштабных проектов второй половины XX в. в области лингвистической географии славянских языков состоялись при самом активном ее участии, прежде всего это Общеславянский лингвистический атлас и Общекарпатский диалектологический атлас. Чрезвычайно велик вклад Людмилы Эдуардовны в описательную диалектологию, которая, по ее словам, «по своему значению занимает ключевое место в иерархии диалектологических исследований»: ею собран в ходе экспедиций и введен в научный оборот материал нескольких десятков говоров русского, украинского, белорусского, болгарского, серболужицкого языков. Сегодня ее диалектные описания, выполненные на материале, собранном в 1940–1980-е годы, уже представляют собой памятники истории обследованных ею говоров. Весомым вкладом в мировую славистику явилась разработка Людмилой Эдуардовной теоретических основ описания славянских диалектов. Строго следуя во всех своих работах системному принципу анализа материала, она настаивала на необходимости полных описаний фонетики и фонологии говоров, что возможно лишь в случае сбора материала по специальным программам-вопросникам; сама она была составителем одного из таких вопросников и использовала его в экспедиционной работе. В своих публикациях и выступлениях она, строго разграничивая синхронный и исторический подход к диалектному материалу, постоянно обращалась к истории славянских фонетических систем, отдельных явлений и их изоглосс на картах атласов.

Людмила Эдуардовна закончила аспирантуру в Институте языкознания АН СССР в 1952 г. и защитила в конце того же года кандидатскую диссертацию на тему «Коломенские говоры в их истории и современном состоянии». С тех пор научная биография Людмилы Эдуардовны была связана с работой в Институте славяноведения РАН, куда она пришла в ноябре 1952 г. младшим научным сотрудником, прошла путь до главного научного сотрудника и работала в этом качестве (в последние годы уже на общественных началах) до конца своей жизни. Докторскую диссертацию «Опыт моделирования системы украинского диалектного языка: фонологическая система» Людмила Эдуардовна защитила в 1976 г.

Научное наследие Людмилы Эдуардовны поражает своим объемом. Насчитывая около 230 работ, оно включает десять монографий: «Развитие корреляции твердости-мягкости согласных фонем

в славянских языках» (1961), «Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке» (1967), «Опыт моделирования системы украинского диалектного языка: фонологическая система» (1973), «Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов» (1981, совместно с Л.И. Маслениковой), «Опыт изучения слога в славянских диалектах» (1985, совместно с Л.И. Маслениковой), «Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации» (1993, совместно с Т.В. Поповой), «Изучение вариативности в славянских диалектах» (1995, совместно с Л.И. Маслениковой), «Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах» (2001), «Синтагматика сонантов в славянских диалектах» (2005), «Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации» (2008, совместно с Т.В. Поповой, переработанное издание монографии 1993 г.). Первые девять монографий указаны самой Л.Э. Калнынь в списке ее научных трудов, опубликованном в «Исследованиях по славянской диалектологии», вып. 6, М., 2005. Между тем, такие ее опубликованные работы, как «К истории коломенских говоров» (Труды Института русского языка АН СССР. М., 1955. Т. 7. — 7 п.л.) — работа написана по материалам ее кандидатской диссертации, «Развитие категории твердости-мягкости согласных в русском языке» (Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М., 1959. Т. 13. — 10 п.л.); «Категория твердых и мягких согласных в белорусском языке» (Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М., 1959. Т. 17. — 5 п.л.); «Корреляция твердых и мягких согласных в украинском языке» (Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М., 1962. Т. 23. — 4 п.л.); «Фонетический строй одного гуцульского говора» (Исследования по славянской диалектологии. Вып. 1. Карпатоукраинские диалекты. М., 1992. — 4 п.л.), по своему содержанию и объему также могут считаться монографиями.

Научная деятельность Л.Э. Калнынь протекала в период разработки крупнейших лингвогеографических проектов на славянском материале — создания национальных, региональных и обобщающих атласов славянских языков. Огромны ее заслуги в создании славянских атласов — Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА), Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), Карпатского диалектологического атласа (КДА), Sorbischer Sprachatlas. В течение десятилетий являясь членом Международной комиссии ОЛА при Международном комитете славистов, Л.Э. Калнынь отдавала много сил как организаторской, так и авторской и редакторской работе в ОЛА, будучи ответственным редактором ряда выпусков. Людмила Эдуардовна была, пожалуй, одним из самых активных участников и составителей карт фонетико-грамматической серии ОЛА¹. Параллельно с работой над картами этого атласа она публикует статьи, где подводит итоги работы над отдельными фонетическими темами ОЛА, рассуждает о возможностях метода лингвистической географии и его применении в атласах разных типов, о принципах составления обобщающих карт ОЛА — Калнынь Л.Э., Вендина Т.И. О принципах составления обобщающих карт ОЛА (ОЛА. Материалы и исследования. М., 1982); Аванесов Р.И., Калнынь Л.Э. Обобщающие карты как особый тип карт ОЛА (Вопросы языкознания. 1984. № 4). Вместе с тем, в ранний период работы над ОЛА Людмила Эдуардовна публикует и работу по «частной» фонологии — одного русского говора, с опорой на материалы ОЛА, показывая, что данные, собранные по программе этого атласа, могут быть использованы не только для репрезентации междиалектных и межъязыковых соответствий на картах атласа, но и для системного описания одного говора, одного пункта сетки ОЛА — Калнынь Л.Э. Опыт фонологического описания русского говора одного пункта сетки ОЛА (ОЛА. Материалы и исследования. 1983. М., 1987). Здесь сказывается особенность всего ее научного творчества: в первую очередь она ценила новый,

¹ Карты, подготовленные Л.Э. Калнынь, опубликованы в следующих выпусках ОЛА: ОЛА. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 1. Рефлексы *ѣ. Белград, 1988 — Сводная карта № 3. Отношение рефлексации *ѣ к ударению. Карта № 6. *t/ѣ/sto; ОЛА. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а. Рефлексы *е. М., 1990 — Введение. Карта № 6. *ž/е/лъ. Карта № 62. *pr/е/dety. Карта № 41. *vum/е/. Сводная карта № 1. Фонетические рефлексы *е в современных славянских диалектах (совместно с Т.И. Вендиной); ОЛА. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2б. Рефлексы *о. Warszawa, 1990 — Карта № 4. *q/о/ъ / *g/о/ъ. Карта № 22. *l/о/ѣ; ОЛА. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 3. Рефлексы *br, *or, *bl, *bl. Warszawa, 1994 — Сводная карта VI. Фонетические рефлексы интерконсонантных *bl, *bl. Типы рефлексов и их вокальные компоненты. Сводная карта VII. Фонетические рефлексы интерконсонантных *bl, *bl. Сонант и его замена. Сводная карта VIII. Влияние консонантного окружения на рефлексацию интерконсонантных *bl, *bl. Карта № 6. *d/ы/гъ. Карта № 15. *d/ы/беть. Карта № 27. *ž/ыр/дъ. Карта № 31. *t/ыр/gajety. Карта № 35. *g/ыр/ба / *g/ыр/бъ; ОЛА. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 5. Рефлексы *о. (Введение и карты общим объемом 10 п.л.). М., 2010; ОЛА. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 6. Рефлексы *е. М., 2012 (13 карт на отдельные словоформы, три обобщающие карты и статьи к ним).

большой по объему, систематически собранный диалектный материал и показывала многообразие способов его представления и методов его обработки.

Методологически значительно более гибким был подход к составлению атласа «Восточнославянские изоглоссы»; к участию в этом атласе Людмилу Эдуардовну и Галину Петровну Клепикову привлекла Татьяна Вениаминовна Попова, руководившая этим проектом с 1995 по 2006 г.² В этом атласе Людмиле Эдуардовне принадлежит несколько карт с комментариями, посвященными отдельным фонетическим явлениям: рефлексам праславянского латерального сонанта, прасл. сочетаний плавных сонантов с редуцированными, гласным предупредного слога³; их анализ сочетает строгий синхронный подход и обоснование хронологии исторических изменений, что присуще и ее более ранним фонологическим исследованиям. Т.В. Попова называла карты и комментарии Л.Э. Калнынь «украшением сборников ВСИ» [10]. Особое место занимают карты («обобщающего» характера, в терминах Людмилы Эдуардовны) и статьи, посвященные различиям восточнославянских диалектов по признаку «вокальность-консонантность», где развивается идея типологической классификации славянских языков на фонетико-фонологическом уровне, предложенная А.В. Исаченко; эта классификация основана на количественном соотношении единиц вокального и консонантного инвентаря языков [7]. Ряд авторов (среди них Р.Ф. Пауфощима (Касаткина) и С.В. Бромлей) откликнулись на эту идею А.В. Исаченко, внося уточнения в его анализ восточнославянских данных и показав, что диалекты каждого из восточнославянских языков неоднородны с точки зрения типологии их фонетико-фонологических систем. Но лишь Людмиле Эдуардовне принадлежит удачная попытка подойти к этой проблеме лингвогеографически, показав на картах границы распространения более чем 30 фонетических явлений (она специально подчеркивает, что список выбранных ею явлений не является исчерпывающим) и выявив на восточнославянском диалектном пространстве ареалы с «самым высоким уровнем консонантности» — это восточные и особенно юго-восточные русские говоры — и их ареал-антипод, для которого характерны системы с наиболее высоким уровнем «вокальности»: северо-западные украинские говоры Волынской области.

В период работы над атласами Людмила Эдуардовна предприняла несколько десятков поездок для сбора диалектного материала по программам атласов. Ее полевые исследования имеют очень широкую географию. Это русские говоры, в первую очередь, подмосковные коломенские говоры, которым посвящена ее кандидатская диссертация, тема которой, бесспорно, связана с работой над ДАРЯ⁴; позже она опубликовала описание фонетики севернорусских костромского и вологодского говоров на основе собственных полевых материалов. В ее работах приводится детальный и — необходимо это специально отметить — изысканно подобранный диалектный материал: для иллюстрации основных аллофонов фонем она стремится использовать специфически диалектные словоформы, так что в ее фонетических описаниях в значительной степени отражены и диалектная лексика, и словообразование, и словоизменение. Таким образом описаны и опубликованы данные по пинежскому говору с. Нюхча, по тамбовскому говору с. Дячи, говору старообрядческого поселка Килинск в Кемеровской обл. (материалы собраны Л.Э. Калнынь в 1980–1991 гг.) [8]. Это белорусские говоры, например полесский говор с. Большие Чучевичи Лунинецкого р-на Брестской обл. (материал записан Л.Э. Калнынь в 1973 г.). Это западноукраинские говоры, обследованные ею в период создания Карпатского диалектологического атласа. Западноукраинский материал, и прежде

² О вкладе Л.Э. Калнынь, Т.В. Поповой и Г.П. Клепиковой в разработку «Восточнославянских изоглосс» см. [2].

³ В выпусках 2–4 «Восточнославянских изоглосс» (опубликованы в 1998–2003 гг.) представлены карты, выполненные авторами атласа собственноручно. При всех недостатках такого способа публикации карт, что было связано с издательскими возможностями того времени, сейчас мы имеем возможность увидеть в этих изданиях карты-автографы всех участников проекта, в том числе Л.Э. Калнынь. (Из разговора с Т.В. Поповой после выхода 2-го выпуска ВСИ: «Людмила Эдуардовна не бог вест какой художник, а посмотрите, как хорошо у нее получилось!»)

⁴ По-видимому, Р.И. Аванесов в конце 1940-х — начале 1950-х годов предлагал своим аспирантам темы кандидатских диссертаций по описанию одного говора или группы говоров на территории, входящей в «Атлас русских народных говоров к востоку от Москвы» (опубликован в 1957 г.): Л.Э. Калнынь в своей диссертации исследовала говоры вокруг Коломны, О.Н. Мораховская — говоры Мещёры, О.Г. Гецова — рязанский говор с. Катагоща. Чуть позже, во второй половине 1950-х, когда было принято решение о публикации сводного атласа русских народных говоров и началась подготовка первого, фонетического выпуска ДАРЯ, аспирантам Р.И. Аванесова предлагались темы по описанию фонетических подсистем в говорах более обширных территорий: так, диссертация С.К. Пожарицкой посвящена системам предупредного вокализма севернорусских и среднерусских говоров.

всего отличающиеся архаичным фонетическим строем гуцульские говоры и говоры Галиции, яркое фонетическое своеобразие которых на общеславянском фоне отмечал еще О. Брок [1], описаны ею в нескольких статьях и монографиях. Общий объем и значимость написанного Людмилой Эдуардовной на темы украинской фонетики столь велики, что на Украине она по праву считается одним из выдающихся филологов-украинистов (ей посвящена статья в «Современной украинской энциклопедии» [4]). Наконец, это серболужицкие и болгарские говоры. Материал экспедиций, можно думать, недолго оставался «в столе» Людмилы Эдуардовны или только в виде ветшающих со временем магнитофонных кассет: создается впечатление, что он был полностью ею проанализирован и опубликован, причем не только в той форме, которую предполагали непосредственные цели ее поездок (а по большей части поездки были связаны со сбором материала для атласов), но и в виде описаний отдельных говоров. Ценность этих ее работ тем более велика, что полные, «недифференцированные» описания восточнославянских и прежде всего русских говоров немногочисленны. И ценность этих работ возрастает в наши дни, когда народные говоры в их «традиционном», архаическом облике стремительно видоизменяются под влиянием литературных языков.

Людмила Эдуардовна внесла большой вклад в изучение сегментной фонетики и фонологии современных славянских языков и их диалектов, истории славянских фонетико-фонологических систем. Первые три ее монографии посвящены развитию категории твердости-мягкости согласных в русском, украинском и белорусском языках, монография 1961 г. — корреляции твердых и мягких согласных в славянских языках и их диалектах. Сегодня многие положения этих работ, на первый взгляд, кажутся тривиальными — настолько прочно они вошли в практику преподавания исторической грамматики русского и других восточнославянских языков, сравнительной грамматики славянских языков на филологических факультетах вузов нашей страны. При более внимательном взгляде становятся видны отличия от большинства руководств по указанным дисциплинам: например, исчерпывающий анализ морфологических позиций появления йотированных согласных; проявления категории твердости-мягкости согласных в русских говорах с различием двух фонем «типа *e*» и двух фонем «типа *o*»; исчерпывающее полное анализ всех существенных для корреляции по твердости-мягкости позиций. В этих работах принцип позиционного фонологического анализа применяется к последовательно сменяющим друг друга стадиям исторического развития звукового строя славянских языков; фонологические противопоставления в области согласных рассматриваются в связи с состоянием вокализма; четко разделены возникновение позиционных изменений согласных и фонологизация этих изменений. Эти работы Людмилы Эдуардовны сохраняют сегодня свое значение для славистики не только благодаря детальности отражения в них сложнейшей по устройству части фонологической системы славянских языков, анализу стадий ее исторического развития в каждом из языков, но и как образец системного фонологического анализа, сочетающего синхронный и диахронический подходы. В этих работах отражается в полной мере ее научный стиль: эксплицитность теоретических установок, краткость формулировок, полнота иллюстративного материала, объем которого может сильно варьировать, но всегда находится в рамках необходимого и достаточного.

По-видимому, во многом вслед за Р.И. Аванесовым Людмила Эдуардовна обращалась к изучению структуры слога в славянских языках, поскольку именно в этой группе языков значительная часть фонетических изменений так или иначе связана со структурой слога и ее изменениями. Попытка объяснить причины сильной фонетической дифференциации славянских диалектов привела ее к рассмотрению фонетических явлений в рамках еще более крупных суперсегментных единиц: фонетических слов. Она формулирует понятие «фонетической программы слова», под которой понимает набор правил реализации фонем, сформировавшихся в определенном диалекте после падения редуцированных и включающих правила, связанные с особенностями артикуляционной базы говора, с особенностями ритмической структуры слова (относительной длительностью ударного, предударных и заударных слогов), правила «линейной организации звуковой последовательности»; кроме того, фонетическая программа слова «подразумевает коммуникативную неоднозначность разных частей слова». Часть этих правил имеет синхронный характер, другая — диахронический.

Начиная с 1990-х годов, Людмила Эдуардовна посвящает ряд своих работ проблемам вариативности в фонетике славянских диалектов. Вместе с Л.И. Масленниковой она в 1995 г. публикует монографию, содержащую описания нескольких русских, белорусского, украинского и польских говоров в Литве; в этом издании ей принадлежит анализ вариативности в фонетике. Подход, принятый в данном исследовании, значительно отличается от тех подходов, которые встречаются в весьма многочисленных современных, прежде всего западных, публикациях по диалектологии и социолингвистике, исследующих языковое варьирование; в этих публикациях, как правило, рассматривается одно или несколько языковых явлений, которые имеют разные репрезентации в идиолектах лиц, относящихся к одному языковому сообществу, и делаются попытки объяснения различий с опорой на социальные

характеристики говорящих; широко применяются различные методы количественной оценки варьирующих единиц. Л.Э. Калнынь, напротив, выстраивает фонетико-фонологическую модель диалекта с вариативностью в отдельных ее звеньях, в которой различия идиолектов не столь существенны или даже не имеют значения вообще: «коль скоро мы принимаем диалект (говор) за далее не делимый объект исследования, то вариативность в нем следует констатировать независимо от того, проявляется она в одном идиолекте или же устанавливается при сравнении разных идиолектов. В последнем случае считается, что вариант, отсутствующий в идиолекте говорящего, присутствует в его сознании (воспринимается им) как эквивалент определенного элемента его языка» [8. С. 32]. В ее работах часто отсутствуют количественные данные о варьирующих элементах системы говора и сравнительно мало учитываются социальные различия между носителями говора (по возрасту на момент фиксации материала, уровню образования и т.п.). Это объясняется не только ее теоретическими установками, но и, скорее, тем, что материал, собранный в 1970–1980-е годы, демонстрирует еще довольно однородные говоры в сельской местности, относительно мало затронутые влиянием литературных языков. Проблема отчетливой дифференциации представляющих один говор идиолектов остро встала лишь в самые последние годы, когда значительно выросло число носителей говоров, заменивших в своей речи те или иные диалектные особенности их литературными эквивалентами (хотя и имеются убедительные данные о раннем влиянии русского литературного языка и его региональных разновидностей в небольших городах и поселках, ср. [11] о языке деревни Покча Чердынского р-на Пермской обл., в прошлом имевшей статус города).

Большинство проанализированных в книге «вариативных звеньев системы говора» демонстрирует случаи «внутрисистемного» варьирования. Так, устойчивость оканья в севернорусском говоре Нюхчи (непереход к аканью литературного типа) Людмила Эдуардовна связывает с особенностями артикуляционной базы говора: отсутствию возможности произнесения «открытого», «низкого» *a* как под ударением, так и в безударных слогах при узком челюстном растворе, и прогнозирует, что отход от оканья под влиянием литературного языка в говорах этого типа должен привести к нейтрализации /*o*/ и /*a*/ в вариантах [ɔ] или «повышенном» [a], что и происходит в настоящее время при массовом «отказе от оканья» в современных севернорусских говорах и городских диалектах, имеющих севернорусскую базу, например в языке жителей Перми [5]. Непоследовательность ёканья в предударных слогах и, напротив, его последовательное осуществление в заударных слогах в той же Нюхче объясняется «фонетической программой слова», в которой заударная часть представляет собой «коммуникативную периферию» словоформы. Количественный анализ вводится при характеристике перехода *a > e* в двух западноукраинских говорах, где полностью приведенный диалектный материал классифицирован автором в зависимости от этимологии гласного, консонантного окружения и морфологических позиций; преобладание [a] на месте **a* и преобладание не-[a] на месте **e* приводит Людмилу Эдуардовну к выводу, что **e* в этих говорах изначально не имело рефлексов нижнего подъема и отличалось от рефлексов **a* (этот ее анализ подтвердился, когда участники карпатских экспедиций под руководством С.Л. Николаева обнаружили в говорах того же ареала тонкие отличия в протекании дифтонгов на месте **e* и **a* в ряде позиций, см. [9]). Таким образом, монография о вариативности представляет собой ценный, не только не потерявший своего значения, но и со временем приобретающий все большее значение источник по фонетике и фонологии нескольких славянских диалектов в их еще довольно архаичном состоянии. Вариативность в них связана со спецификой устройства системы, с сохранением в ней архаизмов, с развитием системы в сторону ее нового состояния и лишь в небольшой степени свидетельствует об утрате говорами своих специфических черт под влиянием литературного языка. Теоретический вклад Л.Э. Калнынь в изучение вариативности в говорах на фонетико-фонологическом уровне состоит в системном подходе к проблеме вариативности, предложении считать варьирующие единицы самостоятельными фонемами, в высказанных ею интерпретациях явлений вариативности в говорах.

Организаторские способности Людмилы Эдуардовны были удивительны. Коллеги особенно благодарны ей за организацию в Институте славяноведения РАН «круглых столов» по славянской диалектологии – общероссийских научных конференций, заслуживших признание диалектологов и очень быстро превратившихся в международные мероприятия. Как неоднократно вспоминала Людмила Эдуардовна, организацию таких «круглых столов» для обсуждения наиболее актуальных проблем славянской диалектологии с последующей публикацией в виде статей обсужденных выступлений они задумали вместе с М.И. Ермаковой в самом начале 90-х годов прошлого века. Вскоре к организации «круглых столов» присоединилась и Г.П. Клепикова. Первый выпуск серии «Исследования по славянской диалектологии» вышел в 1992 г. («Карпатоукраинские диалекты»). «Круглые столы» по славянской диалектологии стали регулярными и почти ежегодными. Последний такой «круглый стол», уже 23-й, прошел 16–17 июня 2020 г. (из-за эпидемиологической обстановки на

платформе Zoom), и участники этой конференции в последний раз услышали приветственные слова Людмилы Эдуардовны Калнынь.

Памяти Л.Э. Калнынь посвящен очередной 23-й выпуск серии «Исследования по славянской диалектологии», опубликованный в 2021 г. О заслугах Людмилы Эдуардовны перед славянской диалектологией говорится в предисловии к сборнику [6]; о ее вкладе в работу над атласом «Восточнославянские изогlossen» – в [2]. Анализу ее научного наследия на фоне истории отечественного языкознания второй половины XX в. посвящена большая статья П.Е. Гриценко [3].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВСИ – Восточнославянские изогlossen.
ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка.
КДА – Карпатский диалектологический атлас.
ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брок О. Очерк физиологии славянской речи // Энциклопедия славянской филологии / ред. И.В. Ягич. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1910. Вып. 5.2. 268 с.
2. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Восточнославянский языковой ландшафт и проблемы его изучения // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 53–62. DOI: 10.31168/2618–8589.2021.23.04
3. Гриценко П.Е. Л.Э. Калнынь: доминанты гипертекста научного творчества // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 9–36. DOI: 10.31168/2618–8589.2021.23.02
4. Гриценко П.Ю. Калнынь Людмила Эдуардівна // *Енциклопедія Сучасної України* / ред. І.М. Дзюба, А.І. Жуковський, М.Г. Железняк та ін. Інститут енциклопедичних досліджень НАН України. Переглянуто 10.02.2022, https://esu.com.ua/search_articles.php?id=10663
5. Ерофеева Е.В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. 320 с.
6. Журавлев А.Ф. Предисловие // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калнынь. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 7–8. DOI: 10.31168/2618–8589.2021.23.01
7. Исаченко А.В. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. Типологическое изучение языков. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. С. 106–124.
8. Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Изучение вариативности в славянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. Вып. 3. 284 с.
9. Николаев С.Л. Вокализм карпатоукраинских говоров. 1. Покутско-буковинско-гуцульский ареал // Славяноведение. 1995. № 3. С. 105–122.
10. Попова Т.В. К юбилею Людмилы Эдуардовны Калнынь // Славяноведение. 2006. № 4. С. 116–118.
11. Kochetov Alexei. The role of social factors in the dynamics of sound change: A case study of a Russian dialect // *Language Variation and Change*, 2006. No. 18 (01), pp. 99–119.

REFERENCES

Brok O. Ocherk fiziologii slavyanskoj rechi, red. I.V. Yagich. *Enciklopediya slavyanskoj filologii*, SPb, Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk, 1910, vyp. 5.2. 268 p. (In Russ.)

- Bukrinskaya I.A., Karmakova O.E. Vostochnoslavjanskij yazykovoj landshaft i problemy ego izucheniya. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii*. Vyp. 23. *Pamyati Lyudmily Eduardovny Kalnyn'*, M., Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2021, pp. 53–62. (In Russ.) DOI: 10.31168/2618-8589.2021.23.04
- Erofeeva E.V. *Veroyatnostnye struktury idiomov: sociolingvisticheskij aspekt*, Perm', Izdatel'stvo Permskogo universiteta Publ., 2005, 320 p. (In Russ.)
- Gricenko P.E. L.E. Kalnyn': dominanty giperteksta nauchnogo tvorchestva. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii*. Vyp. 23. *Pamyati Lyudmily Eduardovny Kalnyn'*, M., Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2021, pp. 9–36. (In Russ.) DOI: 10.31168/2618-8589.2021.23.02
- Gricenko P.YU. Kalnin' Lyudmila Eduardivna. *Enciklopediya Suchasnoï Ukraïni*, red. I.M. Dzyuba, A.I. ZHukov's'kij, M.G. ZHeleznyak ta in. Institut enciklopedichnih doslidzhen' NAN Ukraïni. Pereglyanuto 10.02.2022, https://esu.com.ua/search_articles.php?id=10663 (In Ukr.)
- Isachenko A.V. Opyt tipologicheskogo analiza slavyanskih yazykov. *Novoe v lingvistike*. Vyp. 3. *Tipologicheskoe izuchenie yazykov*, M., Izdatel'stvo inostrannoj literatury Publ., 1963, pp. 106–124. (In Russ.)
- Kalnyn' L.E., Maslennikova L.I. Izuchenie variativnosti v slavyanskih dialektah. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii*, M., Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN Publ., 1995, vyp. 3, 284 p. (In Russ.)
- Kochetov Alexei. The role of social factors in the dynamics of sound change: A case study of a Russian dialect. *Language Variation and Change*, 2006, no. 18 (01), pp. 99–119.
- Nikolaev S.L. Vokalizm karpatoukrainskih govorov. 1. Pokutsko-bukovinsko-gucul'skij areal. *Slavyanovedenie*, 1995, no. 3, pp. 105–122. (In Russ.)
- Popova T.V. K yubileyu Lyudmily Eduardovny Kalnyn'. *Slavyanovedenie*, 2006, no. 4, pp. 116–118. (In Russ.)
- Zhuravlev A.F. Predislovie. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii*. Vyp. 23. *Pamyati Lyudmily Eduardovny Kalnyn'*, M., Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2021, pp. 7–8. (In Russ.) DOI: 10.31168/2618-8589.2021.23.01

Информация об авторе**Тер-Аванесова Александра Валерьевна,**кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Отдела диалектологии и лингвогеографии
Института русского языка им.

В.В. Виноградова РАН.

Москва, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8649-7043>E-mail: teravan@mail.ru**Information about the author****Alexandra V. Ter-Avanesova**

Ph D. (Philology),

leading researcher of the Department of the
Dialectology and linguogeography,

Vinogradov Russian Language

Institute of Russian Academy of Sciences.

Moscow, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8649-7043>E-mail: teravan@mail.ru



M. Łaskiewicz. Stereotypy etniczne w polskiej kulturze ludowej. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2021. 419 s.

М. Ляшкевич. Этнические стереотипы в польской народной культуре. Люблин: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2021. 419 с.

© 2022 г. О.В. Белова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

olgabelova.inslav@gmail.com

Ссылка для цитирования: *Белова О.В. Monika Łaskiewicz. Stereotypy etniczne w polskiej kulturze ludowej // Славяноведение. 2022. № 2. С. 151–156. DOI: 10.31857/S0869544X0019017-1*

M. Łaskiewicz. Ethnic Stereotypes in Polish Folk Culture. Lublin, UMCS Publ., 2021, 419 p.

© 2022. O.V. Belova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

olgabelova.inslav@gmail.com

Reference for citation: *Belova O. V. M. Łaskiewicz. Ethnic Stereotypes in Polish Folk Culture // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2022. No. 2. P. 151–156. DOI: 10.31857/S0869544X0019017-1*

Монография Моника Ляшкевич вносит новый вклад в разработку одной из сложнейших и интереснейших проблем современной гуманитарной науки — в изучение ментальных и языковых стереотипов. Книга посвящена комплексному анализу этнических стереотипов в польской народной культуре. Автор ставит перед собой глобальную задачу — реконструировать ментальную карту, созданную носителями польской народной культуры, которая отразила бы модель этнического соседства, сформированную средствами языка и фольклорных представлений о мироустройстве (с. 35). Для этого на основе языковых и фольклорных данных

анализируются восприятие, характеристика и оценка «чужих» носителями польской народной культуры.

Методология описания и классификации представителей «чужих» народов отражает основные постулаты Люблинской школы этнолингвистики, сформулированные известным польским лингвистом Е. Бартминьским и воплощенные в ряде фундаментальных трудов, в первую очередь в многотомном продолжающемся издании «Словарь народных стереотипов и символов» [13]. Автор использует в своей работе понятийный аппарат люблинской когнитивной этнолингвистики, а в целом исследование представляет собой

опыт воплощения на «этническом» материале концепции «языкового образа мира» (*językowy obraz świata* по терминологии Е. Бартминьского) и универсальной семантической оппозиции «свой – чужой».

Автор предваряет разбор конкретных «этнических портретов» подробным обзором истории изучения стереотипов в мировой и польской науке, характеризуя различные подходы – этносоциологический, социологический, психологический, лингвистический (с. 37–48). Специально отмечено отличие лингвистического подхода к стереотипам, что выражается во включении в сферу этностереотипизации не только людей, но и объектов окружающего мира. В отечественной науке эта особенность была блестяще проанализирована в монографии Е.Л. Березович, где представлена методика описания языковыми средствами «человека этнического», «своих» и «чужих» земель, а также явления ксеномотивации [8. С. 112–137, 176–205, 404–467]; было наглядно показано, что главным для этнолингвистического анализа «своего» и «чужого» является культурная семантика слова. Словообразовательные и смыслообразующие возможности этнонима при назывании и описании качеств человека, временных периодов, предметов, обрядовых действий и реалий рассматривались также в одной из недавних статей рецензента [7. С. 177–198].

Этнический стереотип (в том числе представления об иных языках) в народной культуре формируется во многом с опорой на «наивную лингвистику» – это убедительно продемонстрировала (привлекая польский материал) в своем исследовании Е.Д. Бондаренко [9. С. 127–156]. В книге М. Ляшкевич разделы, посвященные характеристикам разных языков, также свидетельствуют о том, что диалектное языковое сознание играет важную роль в формировании образа этнических соседей.

Книга содержит 53 «портрета» представителей разных этносов (народы Европы, Азии, Нового света), упорядоченных по степени «ментальной» близости / отдаленности от «центра», которым мыслится точка зрения «поляка» и «польское» ментальное пространство. Описания составили пять групп: 1) жители страны (некоренные), которые воспринимаются поляками как сограждане; 2) соседи – этнические группы, расположенные в непосредственной близости, граничащие с поляками; 3) «исторические захватчики» – представители народов, с которыми в прошлом возникали военные конфликты; 4) иностранцы (иноземцы) – более далекие соседи, представления о которых сложились на основе контактов разного рода; 5) «дикие» – мифологизированные «чужие», локализованные на краю ойкумены (см. с. 20–21 и схему на с. 343,

которая отражает концентрическую модель, центром которой является носитель польской традиционной культуры). Именно поэтому очерки, посвященные разным народам, расположены не по алфавитному или географическому принципу, а в соответствии с предложенной автором концентрической ментальной моделью.

Внутри каждого очерка материал расположен в соответствии со схемой, реализованной при описании объектов в «Словаре народных стереотипов и символов» [13]. Экспликация содержит позиции: наименования представителей данной этнической группы, синонимы, когипонимы, дериваты, устойчивые пары слов, ассоциативные ряды и т.п.; происхождения этноса и местоположение страны; внешний вид; специфические признаки, в том числе черты характера и приписываемые этносам свойства и умения; типичные занятия; язык, религия, обычаи; польско-«иноземные» отношения; свидетельства контактов и символика. Не все позиции экспликации могут быть представлены в описании того или иного народа. Наиболее детальными являются описания еврея, цыгана, украинца, россиянина, немца, француза. Жесткие рамки, заданные схемой, позволили однотипно представить разнообразный материал и выделить варианты базовых представлений (профили стереотипа).

Материалом послужили опубликованные источники (340 позиций) и полевые записи автора, сделанные в Люблинском, Подкарпатском и Лодзинском воеводствах Республики Польша и среди поляков в трех селах на территории Республики Беларусь (к сожалению, на с. 402 указаны только названия сел без их географической атрибуции, но, поскольку автор указывает, что работа проходила в рамках международного проекта по изучению польско-белорусского пограничья, который осуществлялся в Белорусском государственном университете в Минске, можно заключить, что записи сделаны в Поставском районе Витебской области (села Лынтупы / Lyntupy, Пешковцы / Pieszkowce и Большая Олесь / Wielka Olsza), т.е. в регионе с традиционно высоким процентом польского населения и преобладанием населения католического). Собранный автором материал дополнен данными аудиоколлекции лаборатории «Archiwum Etnolingwistyczne» Университета им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине, электронной базы фольклорных текстов FOLBAS, картотеки «Словаря народных стереотипов и символов», «Словаря польских говоров». Таким образом, фактическая база данных, привлекаемых в книге для реконструкции этностереотипов, охватывает все регионы Польши и отражает народные представления разных периодов (в основном XIX–XXI вв.).

Следуя концепции «Словаря народных стереотипов и символов», автор не делает разграничения между синхронией и диахронией, предпочитая подавать материал в единой «панхроничной перспективе», отмечая при необходимости в экспликациях архаические термины, практики и верования, уже не актуальные для современности (с. 18). Это дает возможность частично судить о трансформации этностереотипа и о пластичности его профиля.

На основе значительного объема этнолингвистических данных М. Ляшкевич делает вывод, что главная черта описанных в книге этностереотипов — их *ahistoryczność*, т.е. неусловленность конкретными фактами истории (с. 340). Безусловно, это справедливо, когда речь идет о текстах фольклора, своеобразно отражающих исторические события и реалии. Но если обратиться к языковым стереотипам или текстам устной истории, связанным с образом «чужого», становится ясно — они формируются и меняются именно под воздействием объективной реальности. Здесь же встает вопрос о динамике (трансформации) этностереотипов — в одном из исследований я попыталась указать на необходимость учитывать такие процессы, как изменения этнического состава населения, конфессиональной и языковой ситуации в поликультурных регионах, поскольку этнические стереотипы, несмотря на свою устойчивость, бытуют в меняющемся мире [7. С. 167–177].

Исторический контекст отражен и в рецензируемой книге. В разделе, посвященном стереотипам еврея и еврейки, имеются рубрики «Польско-еврейские отношения до Второй мировой войны» и «Польско-еврейские отношения во время Второй мировой войны» (с. 100–107, 119–121), которые показывают, как исторические события кардинально изменили многовековую модель соседства, и последствия этого культурного слома до сих пор отзываются в текстах устной истории. Аналогичные рубрики, фиксирующие соседские взаимоотношения до и во время Второй мировой войны, включены в разделы «Цыган», «Украинец», «Немец». В разделе «Россиянин» также отмечается, что образ россиянина/русского для поляка в значительной степени обусловлен военным прошлым и настоящим: кампаниями XVII в., периодом Второй Мировой войны (особенно трагедией в Катыни), военными событиями последних десятилетий в Грузии и на Украине (с. 190–191, 198–200) — так формируется стереотип русского как солдата, военного противника, захватчика и коллективный негативно оцениваемый образ «советов» (с. 196, 201).

Отдельная глава посвящена семантическому полю «враги-захватчики», в которую вошли

разделы «Татарин», «Турок», «Казак», «Швед», построенные в основном на текстах фольклора (исторические песни, легенды и предания, колядки и вертепная драма) и отражающие не только наивно-исторические, но и мифологические представления поляков. Отметим, что разделы, посвященные татарам и туркам, значительно дополняют и расширяют материал, представленный в одноименных статьях словаря «Славянские древности» [5; 6]. Особого внимания заслуживает раздел «Казак», наглядно показывающий, как обозначение принадлежности к воинскому сословию превращается в этноним. В языке польской народной культуры *kożak* неразрывно связан с украинскими землями (ср. собирательный образ людей *rodem z Kożaczyny* — с. 253), в том числе в ипостаси воинственного противника (разбойника), нападающего на польские селения. Здесь налицо пересечение двух стереотипов: украинца как врага «нового времени» (показателен такой образ, как *banderowiec, bulbowiec*, зафиксированный на Волыни и в Галиции — с. 175–177) и казака как украинца и как врага «исторического». В то же время «казак» подразумевает и сословно-географическую принадлежность (*żaporoczy, dońscy, wołżańcy, uralscy* — с. 253).

Насыщена разнообразным материалом и глава, посвященная мифологизированным обитателям дальних земель, расположенных на краю света: разделы «Дикие люди», «Калмыки» (*Kalmuki*), «Лесные люди», «Мелюзины» (*Melodyny*), «Самоеды», «Великан» (*Wielgilud*). Этих представителей мифических народов лишь условно можно отнести к этническим соседям, но в фольклорно-мифологической космографии они, безусловно, занимают важное место (совмещая в себе черты мифологических персонажей и демоноподобных существ). Любопытно, что согласно поверью из краковской земли, край света расположен не так далеко от Польши: «лесные люди», обросшие шерстью как медведи, обитают в окрестностях Москвы (с. 333)! Следы «великанов» находятся и в «польском» центре мира: их останки (огромные кости) в народных рассказах часто привязаны к конкретной местности (приведены примеры нарративов, связывающих «кости великанов» с разными объектами Кракова, Хелма, Замостья — с. 336–337). Судя по тому, что сюжеты о мифологизированных насельниках края земли восходят к средневековым книжным источникам и не фиксируются в современной фольклорной традиции, можно заключить, что перед нами скорее стереотип «древних» людей, которые обитают не в пространстве, а во времени (ср. схожие статьи в словаре «Славянские древности» [1; 2; 3. С. 369–370])).

Говоря о детализации этнических «портретов», автор отмечает ее неравномерность — обитатели «дальних стран» и «концов света» могут представлять неким монолитным единством (с. 347). Представляется, однако, что в отношении группы «диких» это утверждение следует скорректировать. Для средневековых книжников, создававших и тиражировавших сочинения с описанием далеких стран (шестодневны, энциклопедии, хорографические описания, бестиарии), эта категория «дивных» людей была как раз чрезвычайно детализирована (см., например, [4. С. 167–170]). Об однородности представлений о населенных дальних стран, объединенных рядом исчислимых характеристик (дикость, косматость, людоедство, наличие демонических черт), можно говорить уже применительно к гораздо более позднему периоду, когда книжные образы подверглись фольклоризации и обобщению.

Именно с этими «неэтническими» соседями связаны в славянском фольклоре архаические сюжеты, нашедшие отражение и в польской традиции. Так, одноглазый великан-людоед *kałmuk* запер людей в пещере, и спастись они смогли благодаря тому, что один человек, назвавшийся «Никто» (*Nikt*), ослепил великана, а тот не смог объяснить, кто сотворил с ним такое. Как верно подмечено автором, перед нами отголосок античного сюжета о Полифеме и Одиссее. Но этот комментарий хотелось бы расширить, поскольку перед нами редкая локальная (здесь очень уместна была бы географическая атрибуция текста!) контаминация двух международных сюжетов — ATU 1135 «Я сам» (ослепление черта, великана и т. п.) и ATU 1137 «Ослепленный великан» (Полифем, черт, Баба-яга) [15. Part 2. P. 44–46]. Польские варианты (кстати, один из вариантов сюжета 1135 записан в окрестностях Станислава — ныне Ивано-Франковск на территории Украины), а также их белорусские параллели отмечены в указателе сюжетов и мотивов польской народной сказки как PBL 1135 и PBL 1137 [12. Т. 2. S. 18, 19]. Ссылка на указатель сюжетов была бы тут не лишней, поскольку помогла бы сравнить приведенный польский вариант с западноукраинскими вариантами, записанными в XIX в. в Подолии, Галиции, на Гуцульщине [11. С. 266–267].

Ссылки на указатель заслуживает и упоминание легендарного мотива передачи великанами друг другу предметов на большие расстояния. В книге (с. 336) приводятся примеры польских версий легенды с мотивом F531.3.2.3 — *Giants throw tools back and forth* (великаны бросают орудия/инструменты взад-вперед) [14]. Региональные версии данного мотива, его структура и варьирование, а также география распространения

подробно изучены (обзор см.: [10]). Польские версии, упомянутые М. Ляшкевич, вполне достойны быть включенными в контекст общеевропейского фольклора.

Больше повезло с атрибуцией польским сюжетам о великанах-первонаселенниках и обычных людях (великан берет на ладонь или прячет в рукавицу упряжку с пахарем, кладет человека в карман, принимает людей за «червячков»). В книге (с. 336) даны ссылки на указатель сюжетов и мотивов польской народной сказки Ю. Кшижановского (PBL 701 «Игрушка великана», PBL 703 «Слуга великана»), где перечислены локальные польские варианты (а также белорусские и украинские параллели) [12. Т. 1. S. 216], но, к большому сожалению, сам указатель не вошел в библиографию к книге, что затрудняет атрибуцию приведенных примеров. Поскольку речь идет о широко распространенном сюжете, то и здесь нелишней была бы ссылка на международные указатели сюжетов и мотивов, где приведены другие национальные версии с территории Европы и Ближнего Востока — ATU 701 [15. Part 1. P. 376] и F531.5.3 — *The Giant's toy* [14].

Имплицитно всегда при оценке «чужого» присутствует «свой», и это дает автору право поставить вопрос об автостереотипе поляка и его месте в концентрической модели. И здесь новаторством следует признать составление и использование ментальных карт (примеры см. на с. 346, 348, 352, 353). Это один из способов вписать «свой» народ в многонациональную карту соседей, чужеземцев и противников. При этом наблюдается интересная тенденция, когда, например, стереотип «поляка-солдата» фиксируется не только в пространстве соседей, исторических противников и иноземцев, но и в диких землях на краю света (схема на с. 352). А «украинец» будет замечен в ментальном «центре», т. е. в Польше, а также в пространстве соседей и воинственных противников (схема на с. 353). Представляется также, что «ментальная карта мира носителей польской народной культуры» (см. подробнее на с. 344–353) должна быть многоуровневой, отражающей представления жителей разных регионов Польши, разную «оптику», ибо для каждого региона «ментальный» центр будет локализоваться именно в нем самом, и описание этнических соседей будет осуществляться средствами «местного» языка (диалекта). Особый случай представляют пограничные регионы, когда ментальный «центр» оказывается на стыке нескольких языковых и культурных традиций.

Подводя итоги, отмечу несколько принципиальных моментов. В такого рода исследованиях чрезвычайно важны локальные особенности

(языковые, этнографические). В связи с этим хотелось бы видеть более подробную атрибуцию экспедиционных и архивных материалов. В помещенном на с. 400–402 списке шифры полевых записей содержат название населенного пункта и год записи. Для специалистов в области польской регионалистики очевидно, что это материалы, зафиксированные в юго-восточных районах Польши, но в интересах широкого читателя не лишним было бы указание на воеводство и повет (учитывая возможное наличие одноименных названий). Зарубежному слависту также недостает географических помет при большинстве приводимых текстовых примеров — ссылки на печатные источники явно рассчитаны на «внутреннюю» аудиторию, хорошо ориентирующуюся в польской литературе по фольклору и этнографии и знающую, традицию какого (микро)региона Польши представляет тот или иной источник.

На взгляд рецензента, в экспликации стереотипа следует более четко выделять мифологемы, связанные с «чужими», — многие из них (несмотря на порой фантастический характер) могут быть внесены в профиль стереотипа как отличительные характеристики народного образа чужака. Например, для еврея это запахи (с. 68), слепота при рождении (с. 93), свадьба на мусорной куче (с. 87), а также сюжеты, связанные с так называемым кровавым наветом и отраженные не только в локальных преданиях, но и в современном жанре городской легенды-страшилки (с. 91–93). Поскольку аналогичные представления широко распространены в «этнической мифологии» восточных славян (проживающих в том числе на территории Польши), такая выборка способствовала бы сравнению и выявлению локальных особенностей.

Книга М. Ляшкевич несомненно вызовет интерес не только у специалистов, но и у широкого читателя. Это исследование вызывает на диалог, провоцирует дискуссию и вдохновляет на сравнительные изыскания — в этом его безусловная ценность для этнолингвистов, фольклористов и этнографов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова О.В. Великан // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 301–302.
2. Белова О.В. Дикие (дивьи) люди // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 92–93.
3. Белова О.В. Народы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 3. С. 367–370.
4. Белова О.В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2000. 320 с.
5. Белова О.В. Татары // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 241–243.
6. Белова О.В. Турки // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 330–333.
7. Белова О.В. Человек в системе этнокультурных стереотипов // Образ человека в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2018. С. 160–213.
8. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.
9. Бондаренко Е.Д. Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. М.: Индрик, 2021. 584 с.
10. Королёва С.Ю., Четина Е.М. Великаны, перебрасывающие топор или камни: славянские варианты сюжета в «своих» и «чужих» традициях // Уникальное и типичное в славянском фольклоре. Сборник научных статей по материалам конференции / сост. А.Б. Мороз, Н.В. Петров, Н.С. Петрова, О.В. Белова. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2019. С. 124–157.
11. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Барраг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 436 с.
12. Krzyżanowski J. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Wrocław; Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk. 1962. Т. 1. 313 с.; 1963. Т. 2. 332 с.
13. Słownik stereotypów i symboli ludowych / red. J. Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo UMCS. Т. 1. Kosmos. [Cz. 1] Niebo. Światła niebieskie. Ogień. Kamienie. 1996. 396 s.; [Cz. 2] Ziemia. Woda. Podziemie. 1999. 481 s.; [Cz. 3] Meteorologia. 2012. 522 s.; [Cz. 4] Świat. Światło. Metale. 2012. 396 s.; Т. 2. Rośliny. [Cz. 1] Zboża. 2017. 404 s.; [Cz. 2] Warzywa, przyprawy, rośliny przemysłowe. 2018. 531 s.; [Cz. 3] Kwiaty. 2019. 295 s.; [Cz. 4] Zioła. 2019. 494 s.; [Cz. 5] Drzewa owocowe i iglaste. 2020. 300 s.
14. Thompson S. Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Vol. 1–6. Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958. URL: <http://www.ruthenia>.

ru/folklore/thompson/index.htm (дата обращения: 06.01.2022).

15. Uther H.-J. The types of international folktales. A classification and bibliography. Part 1: Animal tales, tales of magic, religious tales, and realistic tales, with an introduction. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004. 619 p.; Part 2: Tales of the stupid ogre, anecdotes and jokes, and formula tales. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004. 536 p.

REFERENCES

- Belova O.V. Chelovek v sisteme etnokul'turnykh stereotipov. *Obraz cheloveka v iazyke i kul'ture*, ed. S.M. Tolstaia, Moscow, Indrik Publ., 2018, pp. 160–213. (In Russ.)
- Belova O.V. Dikije (div'ji) liudi. *Slavianskije drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'*, ed. N.I. Tolstói, vol. 2, Moscow, International Relations Publ., 1999, pp. 92–93. (In Russ.)
- Belova O.V. Narody. *Slavianskije drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'*, ed. N.I. Tolstói, vol. 3, Moscow, International Relations Publ., 2009, pp. 367–370. (In Russ.)
- Belova O.V. Slavianskii bestiarii. *Slovar' nazvanii i simboliki*. Moscow, Indrik Publ., 2000. 320 p. (In Russ.)
- Belova O.V. Tatary. *Slavianskije drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'*, ed. N.I. Tolstói, vol. 5, Moscow, International Relations Publ., 2012, pp. 241–243. (In Russ.)
- Belova O.V. Turki. *Slavianskije drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'*, ed. N.I. Tolstói, vol. 5, Moscow, International Relations Publ., 2012, pp. 330–333. (In Russ.)
- Belova O.V. Velikan. *Slavianskije drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'*, ed. N.I. Tolstói, vol. 1, Moscow, International Relations Publ., 1995, pp. 301–302. (In Russ.)
- Berezovich Je.L. *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: Etnolingvističeskije issledovaniia*. Moscow, Indrik Publ., 2007. 600 p. (In Russ.)
- Bondarenko Je.D. *Naivnaia lingvistika i dialektnoje iazykovoje soznanije*. Moscow, Indrik Publ., 2021. 584 p. (In Russ.)

Korolëva S. Iu., Chetina Je.M. Velikany, perebrasyvaiushchije topor ili kamni: slavianskije varianty siuzheta v «svoikh» i «chuzhikh» traditsiiakh. *Unikal'noje i tipichnoje v slavianskom fol'klore. Sbornik nauchnykh statei po materialam konferentsii*, ed. A.B. Moroz, N.V. Petrov, N.S. Petrova, O.V. Belova, Moscow, RSUH Publ., 2019, pp. 124–157 (In Russ.)

Krzyżanowski J. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym, vol. 1, Wrocław; Warszawa; Kraków, Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk, 1962. 313 p.; vol. 2, 1963. 332 p. (In Pol.)

Słownik stereotypów i symboli ludowych, ed. J. Bartmiński, vol. 1, Kosmos. [Part 1] Niebo. Światła niebieskie. Ogień. Kamienie. Lublin, UMCS Publ., 1996. 396 p.; [Part 2] Ziemia. Woda. Podziemie. Lublin, UMCS Publ., 1999. 481 p.; [Part 3] Meteorologia. Lublin, UMCS Publ., 2012. 522 p.; [Part 4] Świat. Światło. Metale. Lublin, UMCS Publ., 2012. 396 p. Vol. 2. Rośliny. [Part 1] Zboża. Lublin, UMCS Publ., 2017. 404 p. [Part 2] Warzywa, przyprawy, rośliny przemysłowe. Lublin, UMCS Publ., 2018. 531 p. [Part 3] Kwiaty. Lublin, UMCS Publ., 2019. 295 p.; [Part 4] Zioła. Lublin, UMCS Publ., 2019. 494 p.; [Part 5] Drzewa owocowe i iglaste. Lublin, UMCS Publ., 2020. 300 p. (In Pol.)

Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov. Vostochnoslavianskaia skazka, ed. L.G. Barag, I.P. Berezovskii, K.P. Kabashnikov, N.V. Novikov. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 436 p. (In Russ.)

Thompson S. *Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends*, vol. 1–6, Bloomington, Indiana University Press, 1955–1958. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/thompson/index.htm> (accessed: 06.01.2022).

Uther H.-J. *The types of international folktales. A classification and bibliography*. Part 1: Animal tales, tales of magic, religious tales, and realistic tales, with an introduction. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004. 619 p.; Part 2: Tales of the stupid ogre, anecdotes and jokes, and formula tales. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004. 536 p.

Информация об авторе

Белова Ольга Владиславовна,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Отдела этнолингвистики и фольклора,
Институт славяноведения РАН
Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0000-0001-5221-9424;
E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

Information about the author

Olga V. Belova,
DSc. (Philology) Leading Research Fellow
Department of Ethnolinguistics and Folklore
Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation;
ORCID: 0000-0001-5221-9424;
E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com



Международная конференция «Маргиналы и профессионалы в славянской и еврейской культурной традиции»

© 2022 г. И.В. Копченова

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

irinakop@rambler.ru

Ссылка для цитирования: Копченова И.В. Международная конференция «Маргиналы и профессионалы в славянской и еврейской культурной традиции» // *Славяноведение*. 2022. № 2. С. 157–160. DOI: 10.31857/S0869544X0019021-6

International Conference «Marginals and Professionals in the Slavic and Jewish Cultural Traditions»

© 2022. I.V. Kopchenova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

irinakop@rambler.ru

Reference for citation: Kopchenova I.V. International Conference «Marginals and Professionals in the Slavic and Jewish Cultural Traditions» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No. 2. P. 157–160. DOI: 10.31857/S0869544X0019021-6

Конференция «Маргиналы и профессионалы в славянской и еврейской культурной традиции» состоялась 1–3 декабря 2021 г. в Институте славяноведения и стала двадцать пятой в ряду ежегодных встреч ученых, с 1995 г. работающих над международным проектом «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия», осуществляемым Центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН в сотрудничестве с различными научными и общественными организациями, проявляющими интерес к диалогу культур.

На конференции обсуждался широкий круг вопросов, связанных с понятием профессионализма в традиционном обществе. Известно, что профессионалы (печники, кузнецы, гончары, лекари, охотники, лесники, отходники, музыканты, пасечники) часто находились как бы на периферии культурного пространства. Так же воспринимались люди городских профессий. Были и социальные маргиналы – солдаты, заключенные, проститутки, нищие, юродивые и сумасшедшие. В еврейской традиции маргиналами становились представители профессий, находящихся на стыке культур (шинкари, балаголы, старьевщики, кантонисты). Отдельными маргинальными группами были выкrestы и старообрядцы.

В докладах конференции освещались механизмы включения маргиналов в социум и их отторжения, принципы сосуществования на пограничии культурных, конфессиональных и этнических сфер; фольклор профессиональных и субкультурных сообществ.

В конференции приняли участие 39 исследователей из Венгрии, Германии, Израиля, России и США, в том числе семь сотрудников Института славяноведения.

Конференция по традиции открылась презентацией новых изданий Центра славяно-иудаики Института славяноведения:

- выпуска ежегодника академической серии «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия», основанного на материалах прошлой годней научной встречи «Смех и юмор в славянской и еврейской культурной традиции» (М., 2021);
- нового выпуска ежегодника «Тирош. Труды по иудаике, славистике, ориенталистике» (М., 2021);
- двух очередных номеров «Judaic-Slavic Journal» № 1 (5) и № 2 (6) (М., 2021).

Представленные на конференции доклады тематически делились на несколько блоков. Первый блок был посвящен теме маргиналов и профессионалов в книжной культуре древности и раннего Нового времени. А. Ковельман (ИСАА МГУ, Москва) остановился на теме маргинального положения интеллектуалов в еврейском обществе, объясняемого не столько стремлением к ассимиляции, потерей связей с корнями, отказом от соблюдения заповедей, сколько крайним развитием индивидуализма, разрывом со своим кругом, отторжением от банальности и тавтологии. Аналогичные тенденции можно заметить в других культурах. У. Гершович (СПбГУ, Санкт-Петербург) разбирал талмудические тексты о маргиналах, которым уготовано место в будущем мире наравне с мудрецами Талмуда. В докладе Н. Киреевой (РГГУ, Москва) через призму теории Р. Жирара о взаимнообратимости центра и маргинальной периферии рассматривался феномен ухода в Иудейскую пустыню и его влияние на становление героя или группы. А. Грищенко (ИСл РАН; НИУ ВШЭ, Москва) представил эквиваленты слова «аптекарь» в западнорусских переводах «Песни песней» с еврейского оригинала по двум рукописям XVI в. и показал, что восточнославянские переводчики обращались не столько к Масоретскому тексту, сколько к его староидишскому переводу или к староидишским глоссариям к этой библейской книге.

Следующий большой блок докладов был посвящен маргиналам и профессионалам в еврейском и славянском фольклоре. М. Каспина (РГГУ; Центр «Сэфер», Москва) на основе анализа интервью из архива АНЕУМ и личных онлайн интервью показала, как в фольклорных рассказах о провидце Лейбе из местечка Хабне (Киевская область) фигурируют черты и еврейского *цадика*, и славянских *знатков*, *ведун*, *провидцев*. О. Белова (ИСл РАН, Москва) обратилась к локальной традиции почитания матушки Дуняши и местного юродивого Юры Стрекопытова в городском тексте Тулы и в семейных меморатах о том, что враги не смогут взять Тулу. С. Амосова (ИСл РАН, Москва) посвятила доклад особенностям советского еврейского именника: нарушению традиционного еврейского именнаречения после революции, появлению маргинальных имен (как из новояза: Кармий, Лентрозин и т.д., так и из именника городских русских имен). В докладе А. Мороза (РГГУ; НИУ ВШЭ, Москва) рассмотрена история возникновения, поддержания и уничтожения почитаемого источника у с. Глинково Загорского (Сергиево-Посадского) района в 1940–1960-х годах и столкновение гонителей, почитателей и хранителей культа источника. К. Задое (Немецкий центр славистических исследований, Дюссельдорф) удалось по рассказам жителей двух соседних сел Сколевского района Львовской области об одном и том же охотнике проследить, как реальная фигура обрастает мифологическими чертами, становится героем различных быличек и маргинализируется, согласно традиционной карпатской культуре. Доклад М. Вятчиной (независимая исследовательница, Санкт-Петербург) был посвящен изучению феномена «чопчи» в Дагестане как традиционного профессионала-целителя и дискуссии в обществе о том, относится ли это лечение к магическим практикам, шарлатанству или народному целительству. В. Дымищ (Европейский ун-т в Санкт-Петербурге) рассмотрел положение *клезмеров* (еврейских музыкантов) как профессионалов и в то же время, социальных маргиналов — в качестве своего рода тест-системы, позволяющей понять социальные изменения, происходившие в еврейских общинах Восточной Европы во второй половине XIX в. Х. Ваниковой (Шмулевич) (Ун-т Бар-Илан, Израиль) удалось на основе анализа текстов и мелодий вычленил корпус песен кантонистов в общееврейском фольклоре (в частности, хасидском) как пример влияния маргинальной субкультуры на еврейский музыкальный фольклор, что свидетельствует как о контактах между маргинальной группой кантонистов с еврейскими центрами в черте оседлости, так и о влиянии маргинальной субкультуры на доминирующую культуру традиционных еврейских общин. Н. Душакова (ШАГИ РАНХиГС, НЦМУ Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала, Москва) на основе материалов многолетних интервью в старообрядческих селах Молдавии показала, как элементы института повитух не только проявляются

в биографических нарративах о родах до появления больниц, длительном параллельном использовании официальной медицины, но и отражаются на современных практиках деторождения в старообрядческих сообществах. О. Трефилова (ИСл РАН, Москва) и Г. Григоров (Сегедский ун-т, Сегед, Венгрия) рассмотрели сообщество трынских строителей (Средняя Западная Болгария) как профессионалов в ремесле, но маргиналов в обществе. Доклад М. Ясинской (ИСл РАН, Москва) был посвящен маргинальным видам зрения в традиционной культуре славян: физической слепоте, а также нефизическому сверхзрению, подразумевающему сверхзнание. Е. Емельянова (Воскресенский районный Народный краеведческий музей, Нижний Новгород), основываясь на материалах этнографических экспедиций сотрудников краеведческого музея, рассмотрела внутреннюю структуру старообрядчества Воскресенского Поветлужья как субкультуры и выявила компоненты, позволяющие воспринимать определенных представителей этой субкультуры как полноценных уважаемых членов местного сообщества, а других — как маргиналов. С. Алпатов (МГУ, Москва) рассмотрел тему образа личного и трактирного слуги «Афоньки (реже Ваньки, Алешки) малого» с точки зрения этнокультурных стереотипов в отношениях приезжего иностранца и российского слуги, изучаемых на материале двужычных разговорников XVII в., отдельно представив одоративные символические коннотации имени Афонька (Фонька-квас) среди польского и еврейского населения.

Большой блок докладов касался отдельных аспектов маргинальности и профессионализма в разные исторические эпохи и в различных субкультурных общностях. Д. Фельдман (РГАДА, Москва) проследил на архивных материалах карьерный взлет и падение мастера «золотошвейной и позументной работы» (шмуклера) Хаима Гошиовича при дворе на протяжении трех правлений: от Екатерины II до Александра I. О. Минкина (независимая исследовательница, Санкт-Петербург) попыталась ответить на вопрос, являлись ли евреи, вовлеченные в сферу проституции (содержатели борделей и проститутки), в глазах как еврейской общины, так и нееврейских соседей презируемыми маргиналами, находившимися за пределами благоустроенного социума, либо профессионалами, занимавшими специфическую теневую нишу. М. Гаммал (ИСАА МГУ, Москва) показал радикальную трансформацию образов двух выдающихся караимских общественных деятелей XIX в. — Авраама Луцкого и Авраама Фирковича в исторической ретроспективе и в современной историографии, обращая внимание на значительное влияние политики на восприятие исторических персонажей в современном им мире и настоящем. Д. Прохоров (Крымский федеральный ун-т им. В.И. Вернадского, Симферополь) проанализировал основные итоги деятельности комиссии для изучения экономической деятельности евреев, созданной в Таврической губернии в 1881 г., факты о негативном отношении к евреям-шинкарям и кабатчикам в обществе, а также рассмотрел принятые администрацией губернии меры по контролю за питейной торговлей. В рамках доклада В. Герасимовой (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, Омск; Центр «Сэфер», Москва) обсуждались вопросы о соотношении персонального и институционального измерений еврейской национальной политики за Уралом в первые годы становления советской власти на основе материалов из федеральных и региональных архивов Москвы, Новосибирска, Красноярска, Иркутска, Томска, Омска. К. Могаричев (Государственный архив Республики Крым) остановился на одном из самых авангардных проектов советской национальной политики 1920-х годов — еврейской аграризации — приобщении ашкеназского еврейского населения к сельскохозяйственному труду, получившей одновременно поддержку со стороны зарубежных филантропических организаций и прессы. И. Владимирски (Академический колледж Ахва, Беэр-Тувия, Израиль) исследовала историю русскоязычного Харбина в 1903—1932 гг. как пример маргинального сообщества и уникальной возможности проследить, как существовала Россия за пределами России, историю ее формирования, развития, пополнения, взаимодействия ее различных этнических и религиозных составляющих. Доклад А. Заруцкого (Оренбургской государственной педагогической ун-т, Оренбург) был посвящен проблеме маргинальности членов дореволюционных русских сект (субботников, хлыстов, молокан, духоборов, штундистов) в Оренбургской губернии второй половины XIX в. (на основе неопубликованных архивных материалов из фондов Государственного архива Оренбургской области, а также материалов дореволюционной периодической печати). С. Падалки (СПбГУ, Санкт-Петербург) представил первые результаты своего исследования субботников Кубанской области второй половины XIX — начала XX в., большинство из которых относились к казачьему сословию. Доклад Л. Бимбата (Институт современного иудаизма, Москва) был посвящен маргинальным группам, члены которых проявляют лояльность к еврейской общине, но при этом формально не имеют еврейского статуса, и стратегиям взаимодействия еврейской общины с этими группами. И. Душакова (НИУ ВШЭ, Москва) рассмотрела проблему профессионализации локальной этноконфессиональной журналистики на примере освещения еврейской этнорелигиозной тематики в Екатеринбурге в 1990-е годы. Г. Зеленина (РГГУ; РАНХиГС, Москва) обратила внимание на проблему нетерпимости в среде одной маргинальной группы — *отказников*

по отношению к другим маргинальным еврейским группам (*выкрестам*, еврейским эмигрантам не в Израиль, а в США и Германию и др.), рассматривая ее в контексте как еврейской (учит ли опыт угнетенного народа быть терпимыми), так и советской истории (влияние советской морали и привычки к единомыслию). В. Ханин (Ариэльский и Бар-Иланский ун-ты, Израиль) и Хаим Бен Яков (Ун-т Тель-Авива, Израиль) обсудили феномен поиска еврейских корней и общинный активизм на постсоветском пространстве в контексте поиска ответа на вопрос как определить границы еврейства и еврейской идентичности.

Последний блок объединял доклады, посвященные темам маргиналов и профессионалов в литературе. В. Мочалова (ИСл РАН; Центр «Сэфер», Москва) рассмотрела тему «людей пограничья», бездомности, скитаний и совмещении биографического и литературного в прозе Йозефа Рота. Доклад Г. Элиасберге (РГГУ, Москва) был посвящен произведениям и текстам 1850–1910-х годов, отразившим процесс модернизации восточноевропейского еврейства, включая изменения взглядов на традиционные роли еврейской женщины в семье и обществе, появление новых женских профессий и занятий. В центре внимания Г. Прохорова (Государственный социально-гуманитарный ун-т, Коломна) оказалось драматургическое наследие Якова Гордина (конец XIX – первая половина XX в.), занимающего маргинальное положение в еврейском мире (как сторонник ассимиляции и толстовец), в драматургии которого адаптируются европейские фабулы на еврейский лад. М. Эндель (независимая исследовательница, Москва) проанализировала роман И.-Б. Зингера «Враги. История любви» как произведение, в основе которого лежит известный каббалистический сюжет. Дов-Бер Керлер (Ун-т Индианы, Блумингтон) показал два различных восприятия традиционного *меламеда* (учителя) у И.Л. Переца и Шолом Алейхема.

В 2022 г. планируется выход одноименного сборника статей по материалам конференции «Маргиналы и профессионалы в славянской и еврейской культурной традиции» в ежегоднике академической серии «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия».

Информация об авторе

Копченова Ирина Владимировна

Младший научный сотрудник
Центра славяно-иудаики
Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация
ORCID ID: 0000-0002-7268-2608,
E-mail: irinakop@rambler.ru

Information about the author

Irina V. Kopchenova

Junior research fellow of Judaic-Slavic Centre,
Institute of Slavic studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation;
ORCID ID: 0000-0002-7268-2608,
E-mail: irinakop@rambler.ru



К юбилею Игоря Ивановича Калиганова

Ссылка для цитирования: К юбилею Игоря Ивановича Калиганова // *Славяноведение*. 2022. № 2. С. 161–163.

On the jubilee of Igor' I. Kaliganov

Reference for citation: On the jubilee of Igor' I. Kaliganov // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2022. No. 2. Pp. 161–163.

1 марта 2021 г. профессору, доктору филологических наук, лауреату многих международных и отечественных премий и наград Игорю Ивановичу Калиганову исполнилось 75 лет. Более полувека из них связано с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР / Институтом славяноведения РАН. Вскоре после окончания славянского отделения филологического факультета Ленинградского Государственного университета он в сентябре 1971 г. поступил в очную аспирантуру Института и под руководством известного слависта доктора филологических наук А. Н. Робинсона подготовил и в 1976 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Повести о Георгии Новом в болгарской и русской литературе XVI в.», стал младшим научным сотрудником Института, затем старшим, а спустя годы — ведущим научным сотрудником.

Первоначально работа в секторе истории славянских литератур, где трудился Игорь Иванович, продвигалась медленно. В нем он являлся единственным медиевистом, и для участия в секторских коллективных трудах ему приходилось осваивать новые, более поздние периоды литературного развития южных и восточных славян. Но это впоследствии сыграло благотворную роль, широко раздвинув границы научных знаний и сферу научных интересов исследователя. Занимаясь литературными эпохами национального славянского возрождения и более позднего времени, Игорь Иванович не оставлял своих научных исследований в области медиевистики. Он продолжал свои архивные поиски, связанные с распространением культа в русской земле героя своей кандидатской диссертации Георгия Нового — южнославянского мученика, сожженного турками в Софии в 1515 г. за отказ принять ислам. Возрастание почитания этого святого в России новаторски рассматривалось ученым как целостная парадигма, включающая в себя не только житийные повести (обычно именно этим и ограничивалось в медиевистике изучение культа святых литературоведами), но и другие свидетельства, имеющие отношение к литературным и нелитературным жанрам. Они присутствуют в церковных службах, музыкальных песнопениях, иконографии, отражаются в особенностях бытования привезенных на Русь частиц мощей болгарского страдальца. В ходе многолетней работы ученого в музеях и книгохранилищах ему удалось обнаружить автографы двух русских книжников XVI в.: новгородского пресвитера Ильи — автора русского пространного жития Георгия Нового, и псковского агиографа Василия Варлаама — составителя краткого (проложного) жития и русской службы софийскому мученику. Им было найдено много новых, ранее неизвестных списков этих произведений и подготовлено сводное критическое издание памятников. Ему удалось установить существование нескольких посвященных святому вариантов русских музыкальных песнопений, разыскать ряд русских икон софийского подвижника, проследить судьбу привезенных в конце XVI в. частиц его мощей, которые в XVII в. попали в церковные реликвии, принадлежавшие царскому дому Романовых. Все эти новые материалы были обобщены и изданы в монографии Игоря Ивановича «Георгий Новый у восточных славян. Жития, служба, песнопения» (М., 2000). Годом раньше на основе рукописных материалов о Георгии Новом им была защищена докторская диссертация.

В юбилейной статье невозможно подробно рассказать о всех научных достижениях юбиляра — можно лишь очертить сферу его научных интересов и вкратце коснуться его наиболее значимых книг. Больше всего научных публикаций Игоря Ивановича посвящено проблемам болгарской, русской и сербской литератур и культур: свыше двухсот наименований, среди которых 11 монографий и книг, вышедших индивидуально и в соавторстве, многочисленные статьи и тексты напечатанных докладов, прозвучавших на международных съездах, форумах и конференциях. Можно отметить, что выход крупных трудов ученого, как правило, сопровождается появлением положительных рецензий и присуждением международных премий и наград. Так, например, на публикацию книги «Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков» (М., 1990; в соавторстве с Д.И. Польшанским) появилось пять восторженных рецензий в России, Болгарии и Белоруссии. И произошло это не случайно, потому что сборник содержал переводы по древним спискам корпуса текстов памятников древнеболгарской литературы — литературных сокровищ, о которых ранее русскоязычные читатели и не подозревали. За двухтомную рукопись упомянутого труда «Георгий Новый у восточных славян» ученому в 1997 г. была присуждена главная премия памяти Макария, митрополита Московского и Коломенского (Булгакова). Вслед за выходом труда из печати И.И. Калиганов был удостоен ордена Стара Планина первой степени — высшей государственной награды президента Болгарии для иностранцев и Международной премии святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия. Вслед за публикацией монографии ученого «Веков связующая нить. Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур» (М., 2006) последовало награждение его почетным знаком им. Марины Дринова — высшей награды Болгарской Академии наук и знаком «Почетный работник науки и техники РФ». И так далее.

Рассказывая о юбиляре, невозможно не упомянуть о его преподавательской деятельности. Работу в академическом учреждении Игорь Иванович с 80-х годов прошлого века сочетал с преподаванием в московских вузах. В разные годы он читал лекции и вел семинары в МГУ им. М.В. Ломоносова (литература и культура Болгарии), Институте русского языка им. А.С. Пушкина (русская литература), Дипломатической академии МИД СССР (болгарский язык и страноведение). Преподавал он также болгарский язык в Военном институте, вел семинары по политической истории Болгарии в МГИМО, читал лекции по истории и этнографии славянских народов в РГГУ. Востребован он был как лектор и преподаватель и в зарубежных странах: вел занятия в Чехии, Словакии, Болгарии, дважды в качестве приглашенного профессора читал лекции по истории славянских литератур в итальянских университетах Пизы, Милана, Салерно, Урбино, Витербо и Генуи. Самое яркое его зарубежное выступление — лекция «Принятие эстафеты кирилло-мефодиевского дела Болгарией от Великой Моравии», произнесенная им 24 февраля 2013 г. в Европарламенте в Брюсселе. Преподавательская и научно-организаторская активность Игоря Ивановича наиболее четко проявилась в Государственной академии славянской культуры (ГАСК). Он начал работать в ней с 1990-х годов, получил утвержденное ВАКом ученое звание профессора (1999) и спустя время был избран деканом филологического факультета (2004–2014). Благодаря его инициативе на факультете появилась кафедра славянских языков и культур и возник научно-исследовательский центр ЭСТРИКА (Славянские Культуры: Корни и Крона). После этого славистические конференции преподавателей, аспирантов и студентов ГАСК стали ежегодными, они быстро приобрели международный характер, и был налажен выпуск научных сборников по их следам. Административную работу Игорь Иванович сочетал с интенсивным чтением лекций по истории славяноведения, истории славянских литератур и культур, истории, фольклору и этнографии славянских народов, теории и практике художественного перевода. Постепенно эти лекционные курсы передавались им приглашенным на кафедру новым преподавателям (в основном это были имевшие преподавательский опыт известные ученые из ИСл РАН, ИМЛИ РАН и ИРЯ РАН). К сожалению, после тяжелой болезни и сложной операции на открытом сердце в 2013 г. Игорь Иванович был вынужден резко сбавить темп жизни и через некоторое время отказаться от административной и преподавательской деятельности в ГАСК.

Активное преподавание не мешало Игорю Ивановичу эффективно работать в ИСл РАН. Он участвовал практически во всех крупных институтских научных проектах, осуществлявшихся при участии специалистов по истории литератур и культур южных славян. Здесь можно упомянуть такие издания, как «История литератур западных и южных славян. Т. I» (М., 1997); «Лексикон южнославянских литератур» (М., 2012) и многие другие. Активную роль играл он и в развитии международного сотрудничества между ИСл РАН и Институтом литературы БАН, особенно при осуществлении многолетнего международного научного проекта «Болгария и Россия. XVIII–XXI вв.». Оно продолжалось с 2006 по 2019 г. и вылилось в издание трех российско-болгарских сборников. Работа над

двумя последними из них — «България и Русия (XVIII—XXI век) Пътища и кръстопътища» (София, 2017) и «Болгария и Россия (XVIII—XXI вв.). Стереотипы: возникновение, бытование, разрушение» (М., 2019) велась российским коллективом ученых под руководством И.И. Калиганова, который являлся не только ответственным редактором сборников со стороны России, но и одним из авторов помещенных в них статей. Почти сразу же по завершении этого проекта началась реализация нового трехстороннего (Бельгия — Россия — Болгария) международного научного проекта «Многообразие и взаимодействие письменных культур южных и восточных славян в XI—XX вв.». Он осуществлялся под эгидой ЕС и программы «Россия +» при содействии РФФИ. Итогом реализации этого проекта стал выпуск коллективом институтских ученых двух сборников: «Материалы для виртуального Музея Славянских Культур. Выпуск I» (М., 2020) и англоязычного «Materials for the virtual Museum of Slavic Cultures. Issue 2» (М., 2020). Руководителем проекта с российской стороны, ответственным редактором обоих упомянутых сборников, одним из их авторов и основным переводчиком вновь выступил Игорь Иванович. Ученый пытается развить идею создания виртуального Музея Славянских Культур с тем, чтобы он касался не только южных и восточных славян, но и славян западных, и не только их письменной культуры, но и других ее областей: архитектуры, музыки, изобразительного искусства и т.д. Он считает, что размещение подобных материалов на англоязычном сайте позволит совершить прорыв в распространении знаний о славянах в мире, поскольку этим языком в большей или меньшей степени владеют свыше полутора миллиарда людей нашей планеты.

В данное время Игорь Иванович сосредоточил свои усилия на завершении индивидуальной монографии «Болгария и Россия в зеркале истории и культуры (От древности до настоящего времени)». Коллеги желают ему крепкого здоровья, прилива творческих сил и реализации научных замыслов. МНОГАЯ ЛЕТА!

Коллеги и друзья

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Игорю Ивановичу здоровья и творческих успехов.



К юбилею Георгия Павловича Мельникова

Ссылка для цитирования: К юбилею Георгия Павловича Мельникова // *Славяноведение*. 2022. № 2. С. 164–165.

On the jubilee of Georgiy P. Melnikov

Reference for citation: On the jubilee of Georgiy P. Melnikov // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences* = *Slavyanovedenie*. 2022. No. 2. P. 164–165.

10 октября 2021 г. исполнилось 70 лет ведущему научному сотруднику Института славяноведения РАН Георгию Павловичу Мельникову. Это один из тех ученых, про которых действительно можно сказать, что они посвятили свою жизнь науке. Уже не меньше полувека он занимается изучением чешской истории, культуры и историографии. После защиты на историческом факультете МГУ в 1977 г. диссертации о социальной структуре населения Праги в XVI в., исследованной им по материалу завещаний, Г.П. Мельников поступил работать в Институт славяноведения и балканистики АН СССР. Изучение городского общества и общественно-политической борьбы в Чехии того времени представляло большой интерес для отечественной науки, так как в целом работ по чешской истории эпохи правления Ягеллонов в Советском Союзе было немного.

Особое место в научных интересах Мельникова довольно рано стали занимать идеи, труды и наследие «великого чеха» Яна Амоса Коменского. Исследования Мельникова в этой области, несомненно, значительно обогатили историографию жизни и творчества выдающегося философа и педагога. Глубокое знание менталитета, религиозных учений и социальных противоречий европейского Средневековья позволило ученому детально проанализировать и во многом переосмыслить эволюцию взглядов чешского «христианского интеллектуала».

Необходимо особенно подчеркнуть уникальность и широту научных интересов Г.П. Мельникова, который одним из первых в российской славистике обратился к вопросам теории и сравнительной истории культуры славянских народов. Эти интересы привели его в Отдел истории культур славянских народов. В этот период он тяготел к компаративистским и культурологическим штудиям. Эрудиция, тонкое художественное чутье и вместе с тем последовательно-аналитический подход к источникам позволили ему оригинально, по-новому и зачастую неожиданно для сложившихся историографических традиций интерпретировать явления чешской политической и религиозной истории как в общеславянском контексте, так и с точки зрения формирования национальной мифологии, а также ее отражения в разных общеевропейских историко-культурных стилях.

Большое место в работах Мельникова занимает изучение истории чешской, польской и русской культур, проблем их взаимодействия. Он является автором учебника «Культура зарубежных славянских народов» (1994) и пособия «Культура Чехии XX века» (2007), а также разделов в других пособиях и учебниках («История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения» (2001), был ответственным редактором и одним из авторов трехтомной «Истории культуры славянских народов» (2003–2008), куратором и соавтором первого тома «Культуры эпохи Возрождения» (2007).

Мельников одним из первых стал изучать связи с Россией и русскую тему в творчестве чешского художника Альфонса Мухи в начале XX в. Ученому удалось показать роль американского мецената, русофила Чарльза Крейна в возникновении интереса А. Мухи к русской теме, что проявилось в создании цикла картин «Славянская эпопея» и налаживании контактов с крупными деятелями культуры в России. Это исследование отличают превосходные знания автором не только чешской, но и русской культуры начала XX в., в частности, истории оперного и театрального искусства.

С 2008 г. Г.П. Мельников стал сотрудником Отдела истории Средних веков. Значительное место в его исследованиях получило изучение истории религиозных движений и межконфессиональных отношений, положения в обществе сторонников отдельных вероучений. Работы юбиляра по истории иудеев в чешских землях стали важной частью историографии европейского еврейства.

Работы Г.П. Мельникова представляют ценность не только для отечественной историографии, они заслужили пристальное внимание и высокие оценки коллег-славистов из Чехии и других стран. Изучая этническое самосознание чехов и важнейшие культурные константы их национальной идентичности, ученый тщательно реконструирует все этапы развития вплоть до сегодняшнего дня. Не часто специалисты-историки могут так свободно и профессионально ориентироваться в процессах столь большой длительности.

Написание учебников и учебных пособий гармонично дополняет активную преподавательскую деятельность Г.П. Мельникова в высших учебных заведениях и научное руководство аспирантами в нашем институте. Преподавая с 1994 г. в Государственной академии славянской культуры (где он с 2008 по 2018 г. был деканом Факультета культурологии), Георгий Павлович разработал авторские курсы «История культуры зарубежных славянских народов» и «Искусство стран Восточной Европы», которые смогли привлечь немало студентов к теме изучения славянского прошлого.

Но просветительская деятельность Г.П. Мельникова не ограничивается преподаванием и написанием учебных пособий. Например, коллегам запомнились организованные им выставки своих личных коллекций предметов народного искусства славян, в первую очередь игрушек. Кроме того, у него хранится крупнейшая в России коллекция аудиозаписей музыки композиторов и исполнителей стран Центральной и Юго-Восточной Европы от Средневековья до наших дней.

Большое значение имеет работа Г.П. Мельникова в составе редакционных коллегий ряда научных журналов, как российских, так и зарубежных, а также многолетний труд по проведению международного диалога ученых в составе Российско-чешской комиссии историков и архивистов.

Деятельность Г.П. Мельникова по изучению истории славян и всесторонней разработке знаний о путях становления и развития их культур стала важным вкладом в дело улучшения отношений и сближения славянских народов. Эти заслуги ученого получили высокую оценку не только в России, но и за рубежом. Так, в 2001 г. Академия наук Чешской Республики наградила Г.П. Мельникова именной почетной медалью им. Ф. Палацкого «За заслуги в развитии общественных наук».

Необходимо отметить научную эрудицию Г.П. Мельникова, его умение работать с источниками разных исторических периодов, владение несколькими языками (латынью, чешским, польским, английским, немецким, французским), прекрасное знание славистической историографии. При этом он немало внимания уделяет популяризации знаний — охотно отзывается на предложения о лекциях и докладах перед ненаучными аудиториями, не отказывает в консультациях, много работает как редактор с текстами коллег и молодых ученых. Георгий Павлович обладает несомненным лекторским талантом: в этом качестве он неизменно блестящ, остроумен, поражая все новые поколения студентов и магистрантов даром рассказчика, умением говорить просто о сложном, поражать неожиданными заключениями. Круг его интересов далеко не исчерпывается историческими исследованиями, он серьезно интересуется искусством (живописью, театром, музыкой), прекрасно разбирается в современных направлениях и течениях, оставаясь в курсе новейших выставок, постановок и их критики.

Общение с Георгием Павловичем — всегда удовольствие. Можно удивляться и по-хорошему завидовать его искреннему и горячему интересу ко всему новому, его жажде знаний и впечатлений. Он редко бывает равнодушен, энергия никогда не покидает его.

Широта и глубина знаний Г.П. Мельникова, его личные качества, такие как интеллигентность, доброжелательность, открытость к студентам, всеми признанный талант педагога, высоко ценятся сотрудниками нашего института.

Коллеги

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Георгию Павловичу здоровья и творческих успехов.